

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 4 • 2010 • ОКТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Власенко С.В.* Референция и референциальность в межъязыковом переводе 3
- Проконицев Г.И.* Концептуальная информация и интерпретация поэтического текста 29

История перевода и переводческих учений

- Шаталов Д.Г.* По образу и подобию: осмысление перевода религиозных текстов в России XVI—XVII вв. 38

Методология перевода

- Коростелёва А.А.* О различных тенденциях в русской и польской переводческой практике (на материале перевода зарубежных фильмов) 48
- Миронова Д.А.* Специфика предпереводческого анализа языковой игры, основанной на трансформированном прецедентном высказывании. 59
- Хонькина П.В.* Перевод идиоматических выражений в системах машинного перевода 68

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Береснева В.А.* К вопросу о переводе синкретичных языковых форм . . . 73
- Жантурина Б.Н.* Метафорическая соотнесенность по роду при переводе 80
- Лукина В.М.* К проблеме сохранения экспрессивно-эмоциональной нагрузки и эстетической ценности при переводе с английского языка на русский (на материале книги «Племянник чародея» [«The Magician's Nephew»] К.С. Льюиса и перевода на русский язык Н.Л. Трауберг). 90
- Павлова Е.К.* Влияние цивилизационно обусловленной когнитивной дисгармонии на переводимость политической лексики 99

Указатель статей и материалов, помещенных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2009 г. . . 111

Contents

General Translation Theory

- Vlasenko, S.V.*: Reference and Referentiality in Interlanguage Translation . . . 3
Prokonitchev, G.I.: Conceptual Information and Interpretation of a Poetic
Text 29

Translation History

- Shatalov, D.G.*: In the Image and Likeness: Conceptions of Translation of
Religious texts in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia 38

Translation Methodology

- Korostelyova, A.A.*: On Various Tendencies in Russian and Polish
Translating Practice (Based the Translation of Foreign Films) 48
Mironova, D.A.: The Peculiarities of Pre-Translation Analysis of the
Language Play Based on a Transformed Precedent Phrase 59
Khonkina, P.V.: Translating Idiomatic Expressions in the Machine
Translation Systems. 68

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Beresneva, V.A.*: On the Problem of Translation of Syncretic Language
Forms 73
Zhanturina, B.N.: Metaphoric Reference to Gender in Translation. 80
Lukina, V.M.: Addressing the Problem of Translating Linguistic Units of
Expressive, Emotional and Aesthetic Value from English into Russian
(Based on the Original of *The Magician's Nephew* by C.S. Lewis and
the Russian Translation by N. Trauberg) 90
Pavlova, Ye.K.: Influence of the Civilizationally Conditioned Cognitive
Disharmony on the Translatability of Political Lexicon 99
Index of Articles and Materials, published in the Magazine "Vestnik of
Moscow University. Series 22. Translation Theory" in 2010. 111

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

С.В. Власенко,

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка при
факультете права Государственного университета — Высшая школа
экономики при Правительстве РФ (ГУ—ВШЭ); e-mail: svetsign@stream.ru

РЕФЕРЕНЦИЯ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОСТЬ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ ПЕРЕВОДЕ

Референция в межъязыковом переводе рассматривается в терминах психолингвистики и когнитивной психологии как универсальный механизм, являющийся процедурной составляющей перевода. Референциальность переводимого текста понимается как его способность проецироваться на предметы мысли для опознания их связей с объектами реального/возможного мира. В целях подтверждения высказанной гипотезы проводится референциальный анализ англо-русских и русско-английских разножанровых переводов на уровне микросинтаксиса (синтагмы), фразовых и сверхфразовых единств и макросинтаксиса.

Ключевые слова: восприятие и понимание в переводе, межъязыковой перевод, перевод в языковой паре английский—русский, референция, референтный статус, референтные связи, референциальность, референциальный анализ, референционная перспектива, референционный крах.

Svetlana V. Vlasenko,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the English Language Department,
Faculty of Law, State University — Higher School of Economics under the Russian
Federation Government, Moscow, Russia; e-mail: svetsign@stream.ru

Reference and Referentiality in Interlanguage Translation

The paper features reference in interlanguage translation in terms of psycholinguistic and cognitive psychology as a universal steering mechanism enabling translation as a process. Text referentiality is treated as its capacity to be projected onto the translator's mental imagery for recognizing and identifying the links and relations with beyond-the-text substances in the real/possible world. With the view of proving and furthering the hypothesis under study, English—Russian renderings of cross-genre subtexts are analyzed from the referential perspective; these include micro-syntactical (syntagmas) and macro-syntactical units—subtexts (superphrasal units), as well as phrasal units.

Key words: interlanguage translation, perception and comprehension in translation, translation in the English—Russian language pair, reference, referentiality, referential analysis, referential failure, referential perspective, referential relations, referential status.

Языков может быть много и каждый из них будет «выбирать» в обозначаемом то, что в состоянии выразить данная знаковая система.

Н.И. Жинкин, 1964 (1998)

Перевод должен уважать акты референции оригинального текста.

У. Эко, 2006 (2003)

В настоящее время современное переводоведение, как и многие другие междисциплинарные научные дисциплины, переживает период турбулентного вращения вокруг классических, но до сих пор нерешённых вопросов, в смелой попытке вырваться из рамок привычных парадигм к новым трактовкам проблемных зон и видению своих перспектив. Нельзя не заметить плавное впитывание переводоведением результатов исследований, полученных в таких областях, как этнопсихолингвистика, психосемантика, когнитивная психология и когнитивная лингвистика, ортолингвистика, филологическая герменевтика и др. Среди наиболее актуальных на первый план вышли следующие проблемы: перевод текстов разных жанров и разного коммуникативного статуса в условиях возрастающей метадисциплинарности знания; средства и методы анализа текста для анализа смысла; стратегия и тактики понимания смыслового содержания исходного текста заданной предметной сложности и передача опознанного смысла в политематическом контексте на принимающем языке и др.

Актуальность рассмотрения проблематики референции подтверждает существующий на сегодняшний день солидный массив сопоставительно-переводческих исследований, позволяющих обосновать факт многообразного варьирования языковых средств передачи значений, описывающих референтно тождественные явления и ситуации, оценка статуса которых как полноценных переводных эквивалентов нелинейна и, вследствие этого, не разработана до конца. Одним из базовых предпосылок нашей статьи служит определение, которое дали межъязыковому переводу Т.А. ван Дейк и В. Кинч: «Перевод — это не просто операция по превращению одной поверхностной формы в другую, но, скорее, соотношение текстовых представлений через посредство ситуации» [Дейк ван, Кинч, 1988, с. 180]. Среди теоретиков перевода можно считать изжившей себя трактовку межъязыкового перевода как смены поверхностной формы одного языкового кода на поверхностную форму другого языкового кода, однако как осуществляется «соотнесение текстовых представлений через посредство ситуации», до сих пор остаётся вопросом открытым, рамки решения которого ещё не очерчены до конца.

Уместно ещё раз сослаться на мнение названных выше учёных о том, что разграничение терминов *значение* и *референция*, характерное для лингвистов и нехарактерное для психологов, устраняется с помощью модели ситуации, в которой отражается воспринимаемый нами мир [там же, с. 178]. Обе цитаты содержат недвусмысленное указание на приоритетную разработку денотативной модели перевода [Комиссаров, 1973], что на языке современного переводоведения следует понимать как детализацию понятийного аппарата теории референции и её максимальную адаптацию к проблемам перевода. В первую очередь это подразумевает изучение текстовосприятия оригинала переводчиком посредством идентификации актуализированных в нём знаний о ситуациях-прототипах, являющихся референтным пространством оригинала.

Многочисленные проблемы перевода, вызванные лексической неоднозначностью, например широкозначностью и лексической омонимией или синтаксической омонимией и, как их прямым следствием, синтаксическим варьированием, когда поверхностные реализации различных глубинных структур формально совпадают, решаются «через посредство ситуации», т.е. обращения к ситуации-прототипу. Например, омонимии синтагмы *further issue*, способной принимать значение *последующая эмиссия ценных бумаг* в финансово-экономическом контексте или *следующий для рассмотрения вопрос* в административно-управленческом контексте, снимается посредством обращения к ситуации. Любое решение по означиванию при наличии конкурирующих версий принимается не иначе, как «через посредство ситуации». Рассматриваемые в настоящей статье примеры представляют следующие уровни анализа: микросинтаксис (отраслевые полилексемные термины), фразовые и сверхфразовые единства, ФЕ/СФЕ (детективный жанр, отраслевая литература) и макросинтаксис (нарратив: современный рассказ).

Исходя из вышесказанного, основной установкой для нашего анализа проблематики референции в переводе явилось утверждение В.А. Маринчака о том, что текст референтен определённому континууму [Маринчак, 1982, с. 161]. Комментируя это утверждение, Ю.А. Сорокин и Е.Б. Левченко отмечали, что «текст является прежде всего некоторой координатной сеткой, фиксирующей смыслы», которые интериорируются реципиентом адекватным или неадекватным образом [Сорокин, Левченко, 1989, с. 43]. Логично предположить, что попытка остановиться именно на этих координатах отвечает убеждённости в наличии *референтного потенциала (референтных возможностей)*, по Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1982, с. 10]) не только у отдельных текстовых единиц, но и у всего текста как совокупности единиц.

Не менее серьёзный акцент на референции и референциальности делался в известной монографии отечественного переводоведа Г.В. Чернова, который ввёл в обиход переводоведения такие термины, как «общая референтная структура сообщения», «референтно-пропозитивная структура сообщения» и др. [Чернов, 1987, с. 75]. При этом обобщающий характер Г.В. Чернов приписывал именно *денотатной сетке*, указав: «Структура сообщения представляет собой “сетку денотатов”» [там же]. Г.В. Чернов следующим образом определяет акт референции: «Акт референции — это акт названия (указания, номинации), акт отнесения того, о чём говорится в высказывании, к некоторому классу или категории предметов мысли или событий (состояний)» [там же, с. 74]. Думается, что советский теоретик перевода, выделивший «предметы мысли» и «события (состояния)» как пространство, с которым соотносятся переводимые текстовые последовательности, имел в виду именно то, что сегодня мы называем *событийной референцией* (см. ниже в связи с референтностью/нереферентностью).

Отечественные классики перевода десятилетиями использовали понятия теории референции в своих теоретических парадигмах. Не случайно отечественный классик-переводовед А.Д. Швейцер, предлагая типологию эквивалентности, формулирует своё видение отношений ТО и ТП как *иерархии уровней эквивалентности*, своего рода *вертикаль эквивалентности* (термин наш. — С.В.), в которой выделен и референциальный уровень¹ [Швейцер, 1988, с. 87]. Помимо этого переводовед выделяет *тождественность референциального смысла* единиц ТО и ТП, приписывая ей важное место в передаче общего смыслового содержания переводимого текста [там же, с. 86].

О внеположенных понятиях в языках-коммуникантах пишет Н.К. Гарбовский, указывая, что внеположенность — фактор, не позволяющий переводчику добиться эквивалентности вследствие того, что «референты исходного высказывания и переводного не совпадают». При этом, однако, ученый-переводовед отмечает взаимоналожение или пересечение предметной референции, указывая, что «референты объединяются в некую предметную область, которая и составляет основу их взаимозаменяемости» [Гарбовский, 2007, с. 323]. Понятно, что речь идет об образной составляющей, а именно о языковой картине мира, в которой переводчику удаётся соположить референтные понятия.

С процедурной точки зрения, межъязыковой перевод осуществляется в большом числе случаев посредством *соотнесения рече-*

¹ А.Д. Швейцер предложил последовательную иерархию эквивалентности: от низшего уровня к высшему: 1) синтаксический уровень; 2) семантический (компонентный и референциальный); 3) прагматический [Швейцер, 1988, с. 87].

языковых реализаций с предметными/непредметными сущностями реального или мыслимого мира как одной из основных тактик понимания при восприятии и понимании текстовых пространств, текстовых фрагментов или единиц. Исходя из самоочевидного факта, что перевод относится к интеллектуальной деятельности, предложим свой ответ на закономерный вопрос, заданный в своё время российским науковедом и семиотиком Г.П. Щедровицким: «Почему разноплановые представления об интеллектуальной деятельности не приводят нас к постановке вопроса о связи между мышлением, рефлексией и пониманием?» [Щедровицкий, 2005, с. 344]. Полагаем, что такая связь существует и её механизмом является референция. При этом внимание на рефлексии переводящего субъекта, переводчика или иного межъязыкового посредника, выступающего в его роли, делается только в целях анализа глубины и точности понимания ТП.

В настоящей статье предлагается следующая гипотеза: *референция является базовым механизмом в межъязыковом переводе, позволяющим переводящим субъектам реализовывать такие речемыслительные действия, как связующий (интерпретирующий) вывод, индивидуальное умозаключение и логический вывод, посредством которых опознаются внеязыковые сущности, явления, события и состояния как предметы мысли, актуализированные в переводимых текстах*².

В целях детализации анализа рассматриваемой проблематики и во избежание нежелательной путаницы сразу укажем на существующее в научной литературе множество производных атрибутивных словоформ от лексем *референт* и *референция*, которые встречаются повсеместно. Как показывает наше микроисследование данного вопроса, это свидетельствует о непрекращающемся творческом поиске по мультиплицированию уже существующего разнообразного и вариативного множества деривативов от названных терминов, а именно: *референтный, референциальный, референционный, референтативный* и *референтивный*. При этом указанные формы варьируются не только у разных исследователей, но порой у одних и тех же. Приведём лишь несколько примеров: форма прилагательного *референтный* употребляется в следующих работах: [Арутюнова, 1982, 1990; Долинин, 1988; Ирисханова, 2004; Йокояма, 2005; Кошелёв, 1990; Муравьёва, 1994; Неклюдов, 1995; Чернов, 1987] и др.; форма *референциальный* встречается в таких исследованиях, как [Адмони, 1988; Демина, 1990; Добрава, 2009; Йокояма, 2005; Касевич, 1988; Кибрик, 1987; Кошелёв, 1988; Падучева, 1979,

² Подробнее о названных техниках понимания в переводе и роли референции в их реализации см.: [Власенко, 1996; ТППСПК 2006, с. 17—19, 28—31, 38—42, 50—52].

1985, 1986, 1989а,б, 1995; Швейцер, 1988] и др., *референционный* — в работах [Павиленис, 1983; Селезнёв, 1987; Степанов, 1988] и др.; *референтативный* — в [НЗЛ 1982] и др. Форму *референтивный* можно увидеть, в частности, в словосочетании *референтивная функция языка* [Козинцев, 2008].

В целях переводоведения полагаем необходимым дифференцировать *эмпирический* и *гипотетический референт*. В самом деле, те или иные реальные или мыслимые сущности, реальные или возможные миры могут быть эмпиричны для одного переводящего субъекта, но вовсе не эмпиричны, а, напротив, весьма гипотетичны для другого, и соответственно, что эмпирично для автора текста оригинала, может быть гипотетично для переводчика [подробнее об этом см., например, Власенко, 1995; 1996, с. 12—14; 1999а, в, г; 2007б; 2009а; Власенко, Сорокин 2007а; Сорокин, Власенко, 1998; ТППСПК, 2006, с. 38—43, 50—51, 56—58]. Обоснованность такой дифференциации иллюстрируется всеми примерами, цитируемыми в настоящей статье.

Далее, уместно обратиться к концепции итальянского философа языка и семиотика У. Эко. Проводя аналогию между процессом перевода в той части, которая связана с передачей смысла исходного текста и *референцией как необходимостью денотативной фиксации текста перевода*, У. Эко, в частности, отмечает, что передача смысла в переводе связана с «сохранением существенных референций и непринуждённостью обращения с референциями побочными» [Эко, 2006 [2003], с. 190—191]. При этом учёный утверждает, что если для понимания развития сюжетной линии переводимого произведения переводчику какая-либо деталь не показалась «существенно важной, то переводчик вполне мог счесть эту деталь второстепенной и “усыпить” ее» [там же, с. 167]. Приведём примеры перевода на русский монографии немецкого психолога в области юридической психологии [Нортхофф, 2001]. Примеры 1 и 2 характеризуются отсутствием *референционной перспективы*, под которой понимается способность высказывания характеризоваться определённой степенью прозрачности—непрозрачности как на уровне внутритекстовых связей между компонентами высказывания, так и на уровне их внетекстовых связей с прототипической ситуацией реального или мыслимого мира, актуализированной в переводимом тексте [Власенко, 1996, с. 42]. Кроме того, примеры 1 и 2 позволяют в полной мере осознать «усыпленность» референции.

Пример 1:

• «*Обследования пациентов, перенёвших операции на головном мозге, у которых доли головного мозга были удалены путём оператив-*

ного вмешательства, близки к тому, что правое полушарие головного мозга отвечает за речь» [Нортхофф, 2001, с. 8].

Референциальный анализ. Несколько мест нарушенной когезии — связанности текста как его сущностной характеристики — и вследствие этого самоочевидная *смысловая деформация сообщаемого* как примера текстопостроения. Укажем на важное обстоятельство: в приведённом ТП-фрагменте «разъезжаются» смысловые связи именно предметного содержания, хотя вызвано это нарушением синтаксически последовательного структурирования, т.е. внутритекстовой референции: неверное управление и синтаксическая последовательность соподчинения синтагм деструктивны для смыслообразования, делая непрозрачной *референционную перспективу* приведённого текстового фрагмента.

Наряду с вышесказанным примеры 1 и 2 демонстрируют важность учёта предложенной нами *дихотомии эмпирический—гипотетический референт*, подтверждая необходимость понимания референциальности текста как неоднородного и нелинейного процесса.

Пример 2:

• «*Р. Нортхофф работал судьёй в самых различных сферах: в судебной палате, был судьёй по исполнению наказаний, по делам несовершеннолетних, по делам семьи, а также в качестве избираемого гражданами руководителя рабочего штаба парламентского комитета по исполнению наказаний. В это же время он был преподавателем права в ун-те Гамбурга и инструктором для референдаров в Высшей профессиональной школе полиции. С 1993 г. Р. Нортхофф работает в Высшей профессиональной школе г. Нойбранденбурга на ф-те социального обеспечения в качестве преподавателя семейного права, права по помощи несовершеннолетним, ресоциализации и разрешения конфликтов, являясь наряду с этим супервизором, медиатором и судебным экспертом*» [Нортхофф, 2001, с. 4].

Референциальный анализ. Данный пример, как и предыдущий, изобилует следствиями «усыпленной» референции. Мы сочли целесообразным использовать шрифтовые выделения для разбора точек *смысловой деформации сообщаемого*. Во-первых, стилистически неправомерна тавтологичность³. Во-вторых, употребление лексем, не имеющих референтов в русскоязычном концептуальном пространстве⁴, не позволяет транслировать знания, а предполагает гипотетически реконструировать контекст неизвестного русскоязычным социума. В данном случае переводчик продемонстрировал незащищённость: незнание переводческих прецедентов⁵ и отсут-

³ Подчёркнутые единицы текста.

⁴ Единицы текста, выделенные полужирным шрифтом.

⁵ Юридическая психология — достаточно новая область знаний и сфера деятельности.

ствие устойчивых навыков текстопостроения. В-третьих, использование заимствованных социологем, видимо, было «удобно» для обеспечения соответствия, близкого по форме к исходному тексту, но служащего «ширмой» непонимания. Обращает на себя внимание мотивационная устойчивость переводящего субъекта уклоняться от основного требования межъязыкового перевода — обеспечения смысловой прозрачности средствами переводящего языка.

С точки зрения прозрачности—непрозрачности *референционной перспективы* приведённого текстового фрагмента, перспектива непрозрачна: нарушены и внутритекстовые референтные связи, и внетекстовые; первые — в большей степени. Результатом такого переводческого опыта явился текст, который нельзя квалифицировать как перевод, а скорее как недоперевод или полуперевод (квазиперевод, по А.Д. Швейцеру [Швейцер, 1988]).

Приведённые примеры перевода с немецкого иллюстрируют деформированные причинно-следственные связи единиц текста, что представляется нам вполне предсказуемым явлением и в ряде случаев даже неизбежным, если переводящий субъект «усыпляет» референции, неверно оценивая их существенность. Подытоживая референциальный анализ примеров 1 и 2, отметим, что разделяем мнение В.Я. Шабеса о том, что текст и его единицы «обладают внутренними содержательными свойствами цельности, завершённости, многомерности, логичности» не сами по себе, а приобретают их в речемыслительной деятельности за счёт интеграции с единицами фонового знания [Шабес, 1990, с. 29], т.е. когда они интериоризованы в когнитивном сознании коммуникантов как составная и неотъемлемая часть картины мира [Власенко, 2009б]. Анализ нарушения внутритекстовых и внетекстовых референционных связей убедительно подтвердил мнение петербургского лингвиста.

В течение продолжительного времени понятие референции трактовалось как «отношение актуализованного, включённого в речь имени или именного выражения (именной группы) к объектам действительности» [Арутюнова, 1982, с. 6]. Исследователи референции начального этапа утверждали, что языковые средства референции неоднородны [там же, с. 17], а исходный набор собственно референтных средств ограничен, что закрепляло потенциал референтности за следующими единицами: 1) дейктическими местоимениями, выполняющими *указательную* функцию, 2) именами собственными, выполняющими *номинативную* функцию и обладающими свойством единичной (сингулярной) референции, 3) именами нарицательными, выполняющими *денотативную* функцию (функцию *обозначения*) [там же, с. 18]. При этом последняя из названных функций предопределила связь с *актуализаторами-де-терминативами*, к числу которых причислялись артикли, указа-

тельные и притяжательные местоимения, а также *грамматические и семантические «уточнители»*, которые преобразовывали имя нарицательное в речевое имя собственное или в сингулярный терм [там же].

Такая трактовка долгие годы оставалась неизменной для многих исследователей референции (из обширной литературы по теме, см., например: [Павиленис, 1983; Падучева, 1979, 1985, 1986, 1988; НЗЛ, 1982]). Не случайно поэтому, что и в теории значения *денотативное значение* определялось как «вид когнитивного значения имён, прежде всего существительных — имён собственных и нарицательных, а также их местоименных заместителей, который присущ им при обозначении единичного» [Никитин, 1988, с. 163]. Следует добавить, что расширение рамок теории референции, в особенности исследование *событийной и предикативно-связанной референции*, а также активное использование указанных наработок в переводоведении, по нашему убеждению, позволит детальнее описать и аргументировать априорную нестрогость референтного статуса большого количества высказываний.

Приведём ряд примеров ФЕ/СФЕ из детективного жанра⁶ (пример 3), а также ФЕ/синтагмы из терминологии отраслевых языков (примеры 4, 5), исходя из главной задачи настоящей статьи — обосновать и проиллюстрировать универсальный характер референции как процедурной составляющей перевода.

Пример 3:

ТО	ТП
<i>Caddies did so, — hurling themselves over the edge and reappearing triumphant and panting with the missing ball.</i>	<i>Мальчики, подносящие мячи, делали это без особого труда — прыгивали с крутого края вниз и потом появлялись, запыхавшись, но торжествующие, с мячом в руках.</i>

Референциальный анализ. Пример 3 содержит английскую лексему *caddie* во мн. ч., значение которой, согласно англо-русскому электронному словарю, формулируется следующим образом: (*гольф*) *кадди* (обыкн. мальчик, который подносит или подвозит на *кадди-каре* [*caddie car*] *клюшки для игроков*) [АВВУУ 2006]. Изучение предложенного русскоязычного переводного соответствия указывает и на другое понимание лексемы, т.е. область номинативной референции, соотносимая с английской лексемой, может

⁶ Перевод фрагмента одного из детективов А. Кристи на русский язык в учебных целях размещён в глобальной информационной сети в формате соположенных текстов — ТО и ТП: *Agatha Christie. Why Didn't They Ask Evans? Chapter One* // <http://linguistic.ru/index.php?module=ruseng&id=1>. Указание на автора(ов) перевода отсутствует.

иметь и имеет другие коннотации: не довозит, а подносит, не мальчик, а подросток или юноша, не клюшки, а мячи (или и клюшки, и мячи). Исходя из такой явной неопределённости, обусловленной нечёткостью, размытостью номинативной референции, признаём правомерным предложить своё значение: *кадди (гольф) → служащий гольф-клуба, обычно подросток, подносящий или подвозящий мячи и (или) клюшки для игроков*. Вероятно, существуют и иные возможности «переработать» значение английской лексемы при дополнительном переосмыслении переводящим субъектом ФЕ.

Попутно обратим внимание на экспликацию предикативной референции *did so* → *делали это без особого труда*, а также на лексическую последовательность *reappearing... with the missing ball* → *потом появлялись... с мячом в руках*, которая передана не столько посредством буквального «вычерчивания» элементов *референтного действия*, сколько путём трансформирующего хода, ярко воспроизводящего, в полном смысле визуализирующего ситуацию-прототип.

Следующие два примера словосочетаний из языка права, кодирующих сжатые пропозиции, представляются достаточно иллюстративными с точки зрения рассматриваемой нами концепции референции, а также неразрывной взаимозависимости связности текста, когезии, с предметной связанностью, когерентностью, текстовых единиц с внетекстовыми сущностями или контекстами для осмысленного текстопостроения в переводе.

Пример 4:

• *She jumped bail* → *Она была выпущена под залог, но исчезла и не явилась в суд* [АВВУ 2006].

Референциальный анализ. Приведённая словарная фраза, иллюстрирующая глагольное терминологическое сочетание *to jump bail* → *бежать, скрываться от правосудия; сбежать, будучи отданным на поруки* [АВВУ 2006], апеллирует к референтному пространству профанной картины мира⁷, что недопустимо, поскольку словарь содержит прагматическую помету (law (право)). В настоящее время выражение «отдать на поруки» в юридической речи не употребляется: оно отсутствует в концептосфере российского права по меньшей мере последние два десятилетия, являясь архаизмом⁸. Существующие для английского терминосочетания эквиваленты таковы: (а) *скрываться от правосудия, будучи отпущенным под залог* или (б) *скрываться от правосудия/уголовного преследования, нарушив режим условно-досрочного освобождения*. Принятыми же термина-

⁷ Речь идёт о картине мира обычных носителей языка, не имеющих филологического или иного специального образования, предполагающего наличие у них устойчивых навыков дефинирования и владение техникой формулировок.

⁸ Вместе с тем оно ещё употребляется в среде профанных носителей языка, не юристов.

ми уголовного права являются: *сокрытие от правосудия; выдать кого-л. в связи с сокрытием от правосудия/вследствие сокрытия от уголовного преследования*⁹. Следовательно, можно предложить иное означивание словарной фразы, исходя из понимания «пространства нарушенного порядка», соотносимого с атрибутивно маркированной в тексте областью референции: *Её выпустили под залог, но она не явилась в суд, скрываясь от правосудия или... нарушив режим условно-досрочного освобождения*.

Вместе с тем профанное толкование — приведённое или иное — вполне допустимо из-за частотности ситуации, описанной в анализируемом ФЕ, и, как следствие, высокой вероятности того, что подобная ситуация будет фигурировать в новостных или тематических программах СМИ, детективных сериалах, а не только в документальных отчётах представителей прокуратуры или ведомств системы исполнения наказаний.

В связи с проводимым референционным анализом переводческих соответствий небезынтересно мнение В.Г. Адмони о том, что «в той оценке реальности, которую даёт говорящий, могут проявляться и честная неосведомлённость и сознательная ложь» [Адмони, 1988, с. 88]. Вместе с тем нельзя не усомниться в том, что многие коммуниканты, не владеющие или не вполне владеющие иностранными языками и потому полагающиеся на компетентность и зрелую когнитивную базу¹⁰ переводящего субъекта, расценят неадекватные переводные соответствия как «честную неосведомлённость».

Пример 5:

• *geological data interpretation* → *геологическая интерпретация данных* [АВВУ 2006].

Референциальный анализ. Предложенные в электронном словаре русские эквиваленты таковыми не являются, не вписываясь в парадигму соответствующих сфер деятельности и областей знаний. Видимо, Ю.А. Сорокин и Е.Б. Левченко рассуждали о подобных случаях, когда говорили о неадекватной интериоризации текстовых смыслов реципиентом [Сорокин, Левченко, 1989, с. 43]. В контексте нашего анализа подчеркнём, что в переводе речь идёт прежде всего об установлении референтного пространства, с которым переводчик соотносит ту или иную поверхностную речезыковую форму. Исходя из этого для примера 5 можно предложить следующие варианты означивания → *интерпретация геологических данных; интерпретация данных геологических изысканий* или *геологоразведочных данных*.

⁹ Трактовка данного примера из сферы права согласована с юристами, специализирующимися на уголовном праве.

¹⁰ В значении, предложенном В.В. Красных [Красных, 2003].

Видимо, необходимо более широкое толкование понятия *референция*, что позволит уточнить *референтный статус* таких традиционно референтных языковых средств, как местоимения (об этом см.: [Кибрик, 1990; Падучева, 1985]). В подтверждение своего понимания природы референции заметим, что проблема *референционной соотнесённости* номинативных единиц языка интересовала и интересует многих лингвистов самого широкого профиля (см.: [Кибрик, 1987; Крылов, 1984; Крючкова, 1989; НЗЛ 1982; Селезнёв, 1987; Шмелёв, 1988а] и др.). Однако в этой связи возникает и проблема соотнесения грамматических категорий, в особенности таких, как пространство и время, с категориями физическими (объективными) (см. [Адмони, 1988; Бондарко, 1988; Кошелёв, 1988; Падучева, 1988, 1989а, б; Селиверстова, 1982; Степанов, 1988; Хайруллин, 1992, 1995; Шведова, 1988; Шмелёв, 1988б; Яковлева, 1994]). Укажем также на мнение П. Рикёра, утверждающего, что в поэтическом тексте метафорический процесс сводится и к познанию, и к воображению, и к ощущению и что «парадокс *метафорической референции* заключается в том, что её функционирование так же странно, как и функционирование метафорического смысла. На первый взгляд поэтический язык *не имеет референции ни к чему, кроме самого себя*»¹¹ [Рикёр, 1990, с. 426].

Вместе с тем существует иное мнение, согласно которому отсутствие референта полагается нерелевантным для референтного статуса языковых единиц [Roberts, 1993, p. 103]. В подтверждение уместно процитировать мнение американского лингвиста З. Пылишина о том, что мир, познаваемый с помощью неких репрезентаций-следов разной природы, остающихся в сознании человека, нельзя идентифицировать в полной мере с собственно предметно-деятельностным контекстом реальности и что «содержанием представлений отнюдь не являются объекты в окружающем нас мире, а многие представления не имеют никаких референтов в действительности: таковы, например, цели и намерения (ведь они описывают неактуализированные положения дел), страхи и наши убеждения» [Pylyshyn, 1992, p. 48].

Иного мнения придерживается российский лингвист А.Г. Козинцев, который, рассматривая референционные связи в фольклорных текстах, волшебных сказках, пословицах, крылатых выражениях и т.п., многократно задаётся вопросом о тех сущностях, к которым референтны чувства или их отсутствие. «Во всех случаях, когда предикат выражает чувство или оценку (весело, грустно, страшно, удивительно, отвратительно, хорошо, плохо и т.д.), осуществляется референция к означаемому, к той ситуации, которая изображена на картинке...» Автор далее продолжает: «Означающее

ничего не означает» [Козинцев, 2008, с. 57]. В частности, при отсутствии чувства, А.Г. Козинцев замечает: «Референция отменена, знак перестал что-либо означать, перестал быть знаком...» [там же, с. 58]. Итак, размышления о «референции к чувству или его отсутствию», на наш взгляд, весьма созвучны вышеназванным рассуждениям З. Пылишина. Небезынтересно также утверждение А.Г. Козинцева о том, что «референция и средства её осуществления находятся в неустойчивом равновесии», что даёт автору право утверждать, что «язык в состоянии равновесия полупрозрачен» [там же, с. 59]. На наш взгляд, это утверждение спорно.

Небезынтересно поэтому обратиться к мнению У. Куайна, который, рассматривая механизм референции, большое значение придавал предикации и способам её выражения [Куайн, 1986, с. 64—69]. Анализируя грамматическое противопоставление существительных, прилагательных и глаголов, У. Куайн, в частности, отмечал, что для предикации основной формой является глагол [там же, с. 66]. И хотя использование им понятия «общий терм» для выражения предикации, очевидно, имело целью обобщить приёмы референтного соотнесения текстовых единиц с репрезентируемыми ими объектами и явлениями (состояниями, действиями и т.п.), такие понятия, как *совокупная референция прилагательных, множественность референции и разделённая референция* [там же], на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о несводимости референции лишь к указательной функции действительных местоимений и номинативной функции имён или именных групп в отношениях *текстовое пространство — внетекстовое пространство*.

Размышления относительно «совокупной референции» наводят на мысль о накопительном эффекте смыслопоисковой деятельности переводящего субъекта. Вероятно, под «совокупной» понимаются возможные референции разных атрибутивных текстовых единиц, каждая из которых «несущественна» сама по себе (по У. Эко), но вместе активируют *референтную привязку* данной единицы. Другими словами, можно говорить о взаимозаменяемости или взаимодополняемости референтного статуса соответствующих текстовых единиц, об их неустойчивом характере.

Понимание базовой переводческой категории, какой является *переводческая эквивалентность*, через референциальную соотнесённость ТО и ТП, по нашему убеждению, относящуюся к *переводческим универсалиям*, подводит нас к понятию *эквивалентности* как *отношению изоморфности* ТО и ТП [Waard, Nida, 1986, p. 63—69, 134—137], а также к необходимости изучения структуры события как, вероятно, рутинному анализу и рутинной переводческой процедуре, прежде всего и преимущественно используемыми в настоящее время только в целях теоретических исследований [Шабес 1989, 1990].

¹¹ Шрифтовое выделение наше. — С.В.

Следуя за Т.В. Бульгиной и С.А. Крыловым, авторами статьи о *референте* в одноимённой статье «Лингвистического энциклопедического словаря» [Бульгина, Крылов, 1990, с. 410—411], подчеркнём ещё раз, что *референциальность* понимается нами как *отношение референции* между определённым языковым выражением (речезыковой единицей или группой единиц) и референтом, на которое указывает это языковое выражение. Иными словами, в нашем понимании *референциальность* — это способность речезыковых единиц соотноситься с определённым семантическим пространством, репрезентирующим объекты, события, состояния реального или мыслимого мира в виде поверхностных — овнешнённых — реализаций смыслообразующих составляющих.

В целях настоящей статьи приведём русско-английские переводы рассказа современного автора А. Арканова, выполненные носителями языка из Великобритании (цит. по: [Клюканов, 1989, с. 61—65]¹²). Представляется, что соположение оригинала и переводов в примере 8 с последующим переводческим комментарием, основанным на референционном анализе, достаточно иллюстративно именно с точки зрения выявления референциального статуса отдельных речезыковых воплощений и текстов в целом. За ними стоят речевые портреты и аксиологические установки переводчиков-англичан¹³, что проливает свет на скрытый механизм перевода — кульминационный этап его процедурной и результирующей составляющих — переводческое решение, рамки которого почти ненаблюдаемы «извне» и поддаются сложному контролю сторонними наблюдателями.

Соположение оригинального текста с его переводами прежде всего продолжает классическую традицию отечественного и зарубежного переводоведения, а также открывает новое измерение в контексте рассматриваемой проблематики референции, а именно: позволяет провести *референционный анализ*¹⁴ переводимого текста с четырьмя его переводами. Тексты переводов соположены попарно в произвольном порядке.

¹² В учебном пособии переводоведа-психолингвиста И.Э. Клюканова, из которого мы заимствовали выполненные британскими студентами русско-английские переводы указанного рассказа, ни анализом, ни какими-либо комментариями они не снабжены.

¹³ Носителей английского языка, участвовавших в данном переводческом эксперименте, переводчиками можно назвать лишь условно, поскольку в строгом смысле на момент участия они таковыми не являлись. Приведённые переводы выполнены британскими студентами-русистами с трёхлетним опытом изучения русского языка и навыками письменного перевода на родной язык, специально приглашёнными из нескольких вузов Великобритании (по материалам: [Клюканов, 1989, с. 61]. Вместе с тем поскольку русско-английские переводы осуществлялись на родной язык, они, бесспорно, идиоматичны.

¹⁴ Предлагаемый анализ не исчерпывает возможностей данного аналитического метода, который мы предлагаем, исходя из личного опыта его проведения и убеждённости в его эффективности и конструктивности; референциальный анализ может быть значительно детализирован, что невозможно выполнить, учитывая существующие ограничения объёма статьи.

Пример 6:

ТО
<p style="text-align: center;">Жёлтый песок¹⁵ А. Арканов</p> <p>— Давай посидим здесь, — сказала она. — Нет. Пойдём на скамейку, — сказал он. — Там песок. Я люблю жёлтый песок. Они сидели на маленькой скамеечке рядом, почти касаясь друг друга. Он что-то задумчиво вычерчивал тоненьким прутиком на жёлтом песке. — Что ты рисуешь? — Это ты. — Непохоже. — Ну и пусть. Рисовать было трудно. Сухой песок всё время осыпался. — Вон майский жук пролетел, — сказала она. — Это самка. — Откуда ты знаешь? — Самцы так низко не летают. Дунул ветер и стёр её изображение на жёлтом песке. — Давай завтра придём сюда опять, — сказала она. — Ты ведь придёшь сюда опять? Правда? — Правда. Но он не пришёл завтра. Не пришёл послезавтра. Не пришёл через два дня. Через месяц. Он больше не пришёл. Она после этого часто сидела на маленькой скамеечке. Одна. Думала и всё никак не могла понять, почему же он не пришёл. Она не знала, что родители перевели его в другой детский сад.</p>

ТП1	ТП2
<p>— Let's sit here, — she said. — No. Let's go to the bench, — he said. — There's sand there. I like yellow sand. They sat side by side on the little bench, almost touching one another. He scratched something thoughtfully on the yellow sand with a thin stick. — What are you drawing? — It's you. — It's nothing like me. — Let it be. Drawing was difficult. The dry sand was crumbling all the time. — There's a cock-chaffer flying by, — she said. — It's a she. — How do you know that? — Males do not fly so low. A wind blew and erased her portrait from the yellow sand.</p>	<p>— Let's sit here, — she said. — No. Let's go to the bench, — he said. — There's sand there. I like yellow sand. They sat on the little bench next to each other, almost touching each other. Deep in thought, he drew something in the yellow sand with a thin twig. — What are you drawing? — It's you. — Doesn't look like me. — Very well then. It was difficult to draw. The dried sand was constantly shifting. — A wood-chaffer flew by over there, — she said. — It's a female. — How do you know that? — The male does not fly that low. A wind blew and erased her portrait in the yellow sand.</p>

¹⁵ Цит. по: [Клюканов, 1989, с. 61—64]. В указанном пособии приводятся шесть переводов рассказа, однако по известным причинам ограничений объёма научных публикаций здесь приводятся и анализируются лишь четыре из них.

<p>— Let's come here again tomorrow, — she said. — You'll come here again, won't you? — Yes. But he did not come the next day. He did not come the next day after that. He did not come two days later, or after a month. He never came again. She often sat on the little bench after this. Alone. She thought and could not understand at all why he did not come. She did not know that his parents had moved him to another playground.</p>	<p>— Let's come here again tomorrow, — she said. — You will come here again, won't you? Yes? — Yes. But he didn't come back the next day. Nor did he come the day after. Nor two days after that. A month passed. He still did not come. After that she sat on the little bench. All alone. She thought and in no way at all could she understand why he had not come. She did not know that his parents had taken him to another children's playground.</p>
ТПЗ	ТП4
<p>— Let's sit down here, — she said. — No. Let's go over to the bench, — he said. — There's sand there. I love yellow sand. They sat on the small bench side by side, nearly touching each other. He was thoughtfully drawing something on the yellow sand with a thin stick. — What are you drawing? — You. — It's not like me. — Well, make believe it is. Sketching was difficult. The dry sand was constantly crumbling. — A May beetle was flying about yonder, — she said. — It's a she. — How do you know? — The males do not fly so low. A wind was blowing and erasing her image on the yellow sand. — Let's come here again tomorrow, — she said. — Do you really want to come here again? — Yes, really. But he didn't come back the next day. Nor the day after that. He did not come for two days. For a month. He did not come at all. She often sat on the small bench after that. One day she was thinking quietly to herself but could in no way understand why he had not come. She did not know that his parents had taken him to another kindergarten.</p>	<p>— Let's sit down here, — she said. — No. Let's go to the bench, — he said. — There's sand there. I like yellow sand. They sat on a little bench nearby, nearly touching each other. He thoughtfully drew something out in the yellow sand with a thin stick. — What are you drawing? — It's you. — It doesn't look like me. — Let it be. It was difficult to draw. The dry sand crumbled all the time. — There's a cockchafer beetle flying by, — she said. — It's a female one. — How do you know? — Males don't fly so low. A wind started to blow and rubbed her portrait out of the yellow sand. — Let's come here again tomorrow, — she said. — You will come here again? Right? — Right. But he didn't arrive tomorrow. Nor the day after tomorrow. He didn't come after two days. After a month. He never came. After that she often sat on the little bench. Alone. She thought and by no means was she able to understand why he hadn't arrived. She didn't know that his parents had taken him to another children's playground.</p>

Референциальный анализ. Как показывает наше сопоставительное изучение соположенных ТО и ТП, индивидуализация понимания в процессе восприятия сводится к определению и формулированию

«своего» видения «чужого» жизненного опыта в тех формах речевой фиксации, которые приняты в переводящем языке культуры-реципиента.

Не будет преувеличением признать многие решения переводчиков-британцев в отношении выбора средств означивания тех или иных смыслов оригинала близкими или почти одинаковыми. Вместе с тем следует обратить внимание на наличие переводческих решений, которые со всей очевидностью выявляют субъективный — идиолектичный — характер означивания осознанного смысла на языке, носителями которого они являются.

Остановимся подробнее на референциальном анализе переводческих решений, которые отражены в несхожих, разных речевых предпочтениях на ПЯ для определения субъективно понятого британскими переводчиками смысла.

(I) Варьирование лексических и грамматических средств передачи значений одних и тех же внеязыковых сущностей с предметным и неперспективным значением, соотносимых с номинативной областью референции. В частности, (а) варьирование поверхностных форм означивания одного и того же референта:

средства лексикализации номинативного ядра: [*тоненький*] *прутик* → *a thin stick* (ТП1, ТП3, ТП4); *a thin twig* (ТП2); *самка [жука]* → *a she* (ТП1, ТП3), *a female* (ТП2), *a female one* (ТП4); *самец* → *males* (ТП1, ТП4, ТП5), *the male* (ТП2), *the males* (ТП3); [*другой*] *детский сад* → *playground* (ТП1); *children's playground* (ТП2, ТП4); *kindergarten* (ТП3);

средства грамматикализации номинативного ядра: употребление артиклей не отличается сильным варьированием, но не является автоматически «единодушным» для носителей языка одного социального статуса и возраста:

— так, употребление определённого, неопределённого или нулевого артикля для обозначения одного и того же референта: (а) при одинаковом лексическом оформлении: [*дуул*] *ветер* → *a wind* (ТП1—ТП4) (см. также пример выше); (б) при разном лексическом оформлении: *маленькая скамейка* → *the little bench* (ТП1, ТП2), *a little bench* (ТП4), *the small bench* (ТП3);

— при разном лексическом оформлении с выраженной субъективностью лексической компенсации отсутствия грамматической категории рода в английском: *самка [майского жука]* → *a she* (ТП1, ТП3), *a female* (ТП2), *a female one* (ТП4);

варьирование форм ед. и мн. числа для означивания одного и того же референта: *самец* → *males* (ТП1, ТП4), *the male* (ТП2), *the males* (ТП3);

атрибутивные лексические средства обнаруживают вариативность, варьирующую в большом диапазоне (см. также разбор при-

мера по означиванию словосочетания *детский сад* в итоговых комментариях):

— *сухой* [песок] → *the dry* [sand] (ТП1, ТП3, ТП4), *the dried* [sand] (ТП2); *маленькая скамеечка* → *the little bench* (ТП1, ТП2, ТП4) (в ТП4 не совпадает только артикль); *the small bench* (ТП3); *майский жук* → *a cock-chaffer* (ТП1), *a wood-chaffer* (ТП2), *a May beetle* (ТП3), *a cock-chaffer beetle* (ТП4).

(II) Варьирование **лексических и грамматических средств** передачи значений, участвующих в оформлении предикативного ядра:

— глагольные лексемы: *вычерчивать* [что-то прутиком] → *scratch* [smth with a stick] (ТП1), *draw* [smth with a twig] (ТП2, ТП3), *draw* [smth] *out* [with a stick] (ТП4); *рисовать* → *draw* (ТП1, ТП2, ТП4); *sketch* (ТП3); *осыпаться* [песок всё время осыпался] → *crumble* (ТП1, ТП3, ТП4), *shift* (ТП2));

— кванторные слова, детерминирующие параметры времени: [песок] *всё время* [осыпался] → *all the time* (ТП1, ТП4); *constantly* (ТП2, ТП3);

— предлоги-локативы, фиксирующие пространственные отношения: *на песке* → *on the sand*, *in the sand*, в следующих реализациях: [стёр её изображение] *на жёлтом песке* → *on the yellow sand* (ТП1, ТП3), *in the yellow sand* (ТП2, ТП4);

— детерминативы действия: (а) *так низко* → *so low* (ТП1, ТП3, ТП4), *that low* (ТП2); (б) [сидели] *рядом, почти касаясь друг друга* → [sat] *side by side... almost touching one another* (ТП1); [sat] *next to each other, almost touching each other* (ТП2); [sat] *side by side, nearly touching each other* (ТП3); [sat] *nearby, nearly touching each other* (ТП4).

(III) Вариативность средств **грамматикализации** значений, передающих референтно тождественные действия (события, состояния):

— употребление разных времён группы прошедшего времени для обозначения одних и тех же действий в прошлом: *Past Simple* и *Past Progressive (Continuous)*; *Past Simple* и *Past Perfect*;

— средства передачи значений моментального, скоротечного действия в прошлом, фиксирующего момент, совпадающий с моментом порождения речи (см. в текстах переводов: *Вон майский жук пролетел...*), но и средства передачи последовательности действий в прошлом, следующих друг за другом: *Но он не пришёл завтра. Не пришёл послезавтра* (см. далее весь последний абзац ТО в сопоставлении с ТП1—ТП4);

— употребление временных словоформ в ПЯ, как правило, строго обусловлено детерминативами времени, здесь же при наличии кванторного слова *всё время* отношение британских переводчиков к реализации смысла разделились поровну, что говорит о восприятии действия в ТО как непреходящего (*сухой песок всегда неудобен для рисования: он сыпучий*) и потому переданного прогрес-

сивом (ТП1, ТП2, ТП3) и простым прошедшим (*в тот [описываемый] момент песок был сухим и поэтому осыпался*) (ТП4): [*сухой песок*] *всё время осыпался* → [*the dry/dried sand*] *was crumbling all the time* (ТП1); *was constantly shifting* (ТП2); *was constantly crumbling* (ТП3); *crumbled all the time* (ТП4)/

(IV) Варьирование **синтаксических средств** передачи значений, тождественных действий, событий и состояний, а именно:

— субъективные предпочтения синтаксического оформления: использование инверсии и инверсивных конструкций, например: [*думала*] *и всё никак не могла понять* → *by no means was she able to understand* (ТП2), *by no means was she able to understand* (ТП4); варьирование порядка слов, субъективная препозиционная сочетаемость в синтагмах и фразовых образованиях;

— последний абзац рассказа (СФЕ) показателен с точки зрения передачи значения высокой эмоциогенности¹⁶ события, локализованного в прошлом, ожидавшегося, но не осуществившегося¹⁷; во всех переводах отражена референтная эмоциогенность (ТП1—ТП6), а также средства реализации отрицания (сочетающегося с инверсией, например *Nor did he come the day after*) и отрицательного согласования с высокой степенью эмотивности синтаксических структур и согласованием по отрицанию: «*Но он не пришёл завтра...*».

— синтаксические средства оформления согласования по отрицанию также субъективны: *Он больше не пришёл* → *He never came again* (ТП1), *He still did not come* (ТП2), *He did not come at all* (ТП3), *He never came* (ТП4).

— оформление тема-рематических отношений варьируется: *Рисовать было трудно* → *Drawing was difficult* (ТП1); *It was difficult to draw* (ТП2, ТП4); *Sketching was difficult* (ТП3);

— средства оформления вопросительных ФЕ варьируются в большом диапазоне, обнаруживая разные степени эмоциогенности: *You'll come here again, won't you?* (ТП1) и варианты, заметно более эмоциогенные в ТП2—ТП4.

В ходе проведенного анализа обратила на себя внимание дистантность поверхностных реализаций хроноса — *временной референции*, которая входит в средства выражения «приуроченности» действия, события, состояния (по В.Г. Адмони). Ранее мы отмечали, что именно эта область референции порождает наибольшее разнообразие поверхностных реализаций [Власенко, Сорокин, 2007б; Власенко, 2010б].

¹⁶ Термин В.И. Шаховского [Шаховский, 2009].

¹⁷ Этот фрагмент во всех ТП выполнен особенно идиологично, что требует отдельного анализа в рамках отдельной статьи.

Из наиболее заметных расхождений следует обратить внимание на «неровное» распределение субъективных имён *майского жука* → *a cock-chaffer, a wood-chaffer, a May beetle, a cockchaffer beetle*. Кроме того, фраза, содержащая упоминание о майском жуке, построена всеми переводчиками по *строго индивидуальным синтаксическим алгоритмам* с неодинаковой валентностью значения моментальности, скоротечности момента, совпадающего с моментом речи и имеющего разную продолжительность.

Отметим почти «единодушный» *референционный крах* с «детским садом», который был дважды реализован в форме *another playground* (ТП1) → (букв.) *другая игровая площадка*; трижды в форме *another children's playground* (ТП2, ТП4) → (букв.) *другая игровая площадка для детей / другая детская игровая площадка* и лишь один раз — в фактически эквивалентной форме *another kindergarten* (ТП3). Синонимами *playground* являются *park, green field for leisure and sporting games, recreational area* → (букв.) *парк, зелёная лужайка для спортивных игр и развлечений, благоустроенное место отдыха*, но вовсе не *детское дошкольное учреждение*, каковым детский сад является в сознании русскоязычных. Представляется, что детская игровая площадка — лексический оператор лакуны (лакунизатор [Власенко 1996; Власенко, Сорокин 2007a]), обусловленный эмпиричностью реалии не как таковой, а объёмом понятия. Для англичан детский сад, видимо, есть некий обобщённый образ детской площадки и воспитательницы, с которой английских детей оставляют родители на несколько часов в день. В сознании британцев явно отсутствует наше «наполнение» реалии: социальный вес детского сада как дошкольного воспитательно-образовательного учреждения в России, вне всякого сомнения, выше, чем в Англии, где существует иная система дошкольного воспитания.

Предпочтение британскими студентами «детской площадки» вместо «детского сада» вполне коррелирует с большим количеством аналогичных примеров в переводной литературе. Именно стремление максимально учесть вероятностные ожидания принимающей аудитории лежит в основе прагматического подхода к переводу и вследствие этого управляет переводческими решениями. Убедительным примером таких «переводов, реинтерпретированных в терминах культуры принимающего языка» (в терминологии Ю.А. Найды и Дж. Ваарда — *cultural reinterpretations* [Waard, Nida, 1986, p. 41]), выполненных в формате наиболее вероятных ожиданий и традиционного восприятия принимающей аудитории, является перевод названия произведения И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» → *Diamonds to sit on*. Подобное отступление от требований эквивалентности отечественный классик А.Д. Швейцер назвал «прагматически мотивированным» и «соответствующим литературным традициям культуры-реципиента» [Швейцер, 1988, с. 97]. Случаи

референционных трансформаций — *детский сад* → *игровая площадка* и *стулья* → *бриллианты* — акцентируют внимание именно на референционном аспекте переводческих решений.

Подводя итоги нашего анализа, отметим, что основным в межъязыковом переводе является вопрос о том, в какой степени восприятие текста обеспечено наличием у переводчиков референтных знаний об актуализируемой в тексте (коммуникативном акте) информации в отношении событий реального или мыслимого (гипотетического) мира. Понимание природы процесса референции в переводе и оперирование её механизмами — ключ к решению большого круга переводческих проблем.

В заключение подчеркнём, что настоящая статья содержит референциальный анализ соположенных синтагм, ФЕ, СФЕ и текстов в языковой паре английский—русский. Прделанный анализ позволяет утверждать, что существуют основания рассмотрения референции в качестве универсальной процедуры и механизма перевода. Вопрос о переводе как технике «соотнесения текстовых представлений через посредство ситуации», согласно Т.А. ван Дейку и В. Кинчу, решается в пользу *референции как техники соотнесения текстовых представлений с внетекстовыми сущностями, а референциальности как способности текстовых представлений соотноситься с внетекстовыми сущностями*.

Настоящая статья знаменует продолжение расширенного подхода к трактовке референции в межъязыковом переводе, начатого советскими переводоведами Г.В. Черновым и А.Д. Швейцером. Предложенная нами гипотеза и приведённые примеры, иллюстрирующие её обоснованность, не должны восприниматься как исчерпывающие или завершённые в своей аргументативной части. Полагаем, что вопрос о роли и значении референции в межъязыковом переводе будет ещё долгое время оставаться одним из приоритетных в числе переводоведческих работ, исследующих речезыковые средства выражения смысла и взаимодействие языков-коммуникантов на материале самых разных жанров, тематик и языковых комбинаций.

Список литературы

- Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
- Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13: Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982. С. 5—40.
- Арутюнова Н.Д. Референция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 411—412.
- Богин Г.И. Прагматика текста и плюрализм интерпретаций // Теория перевода и методика обучения переводу: Сб. тез. докладов / Научно-технический семинар. Калуга, 1989. С. 11.

- Бондарко А.В. Интерпретационные аспекты семантики длительности в русском языке // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 35—44.
- Булыгина Т.В., Крылов С.А. Референт // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 410—411.
- Власенко С.В. Интерпретация социального контекста: гипотетическая референция как проблема перевода // Problems of Sociolinguistics: Language and Social Contacts / Fifth International Sociolinguistic Conference. Sofia: INSOLICO (Bulgaria), 1995. P. 80—84.
- Власенко С.В. Факторы лакунизации текста (на основе анализа англо-американских и русских текстов разного коммуникативного статуса): Автореф. ... канд. филол. наук / РАН. ИЯз. М., 1996.
- Власенко С.В. Проблема референции в переводе // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сб. науч. тр. МГЛУ № 444. М., 1999а. С. 24—33.
- Власенко С.В. Перевод: акт коммуникации или акт референции? // Теория перевода и методика подготовки переводчиков: Материалы науч.-практ. конф. ВУ МО РФ. М., 1999б. С. 38—43.
- Власенко С.В. Когнитивная стилистика: английские рамочные конструкции как компоненты стилистической схемы представления картины мира англоговорящих // Межкультурная коммуникация. Лексикология. Вестн. МГЛУ. Вып. 522. Серия «Лингвистика». М., 2007а. С. 62—71.
- Власенко С.В. Прагматический аспект текстовосприятия в англо-русском отраслевом переводе // Лексическая системность английского языка в культурологическом ракурсе (семантика и функционирование). Вестн. МГЛУ. Вып. 537. Сер. Лингвистика. М., 2007б. С. 208—221.
- Власенко С.В. Современное переводоведение: необозримые горизонты и актуальные проблемы развития (Очерк к 85-летию со дня рождения проф. А.Д. Швейцера) // Вопр. филологии. 2008а. № 3 (30). С. 65—75.
- Власенко С.В. Адаптивность русского как переводящего языка в англо-русском коммуникативном взаимодействии с позиций переводоведения // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. М., 2008б. Вып. 36. С. 70—82. http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_36.pdf
- Власенко С.В. Перевод в сфере профессиональной коммуникации в условиях синонимии и полисинонимии отраслевой терминологии (англо-русский сопоставительно-переводческий анализ) // Внутренний мир и бытие языка: процессы и формы: Материалы II Межвуз. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации / ВУ МО РФ. М., 2008в. С. 96—106.
- Власенко С.В. Русский как язык перевода современного глобального языкового кода // Русский язык за рубежом. 2009а. № 3 (214). С. 63—68.
- Власенко С.В. Англо-русский квазиперевод или тотальный языковой импорт англицизмов в современный русский язык // Мир русского слова. 2009б. № 1. С. 20—29.
- Власенко С.В. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: психолингвистические аспекты декодирования лексических лакун (англо-русские переводческие сопоставления) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009а. Вып. 2. С. 3—20.
- Власенко С.В. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: восприятие и понимание смысла отраслевых текстов в психолингвистическом ракурсе на примере анализа англо-русских переводческих прецедентов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2009б. Вып. 4. С. 16—40. <http://esti.msu.ru/images/stories/books/4-2009.indd.pdf>
- Власенко С.В. Масштабы и значение профессионально ориентированного перевода в гуманитарной сфере // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сб. науч. тр. 5-й Междунар. науч.-методич. конф., посвященной 50-летию РУДН (Москва, 15—16 апреля 2010 г.). М., 2010а. С. 67—70.
- Власенко С.В. Текст как объект референции // Вопр. психолингвистики. 2010б. Вып. 1 (11). С. 115—132.
- Власенко С.В. Несколько наблюдений за казуистикой языковых превращений в гуманитарном переводе на русский язык: англо-русский сопоставительно-переводческий анализ // Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии: Сб. науч. ст. М., 2010в. (в печ.)
- Власенко С.В., Сорокин Ю.А. Текст как плотно лакунизированное пространство // Вопр. психолингвистики. 2007а. Вып. 5. С. 41—45. <http://iling-ran.ru/index.php?part=616>
- Власенко С.В., Сорокин Ю.А. Текст и области его референции (на примере англо-русских соответствий) // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, политике и праве XXI века: Человек и его дискурс-3: Сб. науч. ст. Волгоград, 2007б. С. 87—111.
- Гарбовский Н.К. Логические основания переводческих трансформаций // Язык и действительность: Сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. М., 2007. С. 303—323.
- Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // НЗЛ. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка / Перев. с разн. яз. М., 1988. С. 153—211.
- Дёмина Л.А. Парадоксы неререференциальности // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста: Сб. ст. М., 1990. С. 10—20.
- Доброва Г.Р. О вариативности речевого онтогенеза: референциальная и экспрессивная стратегия освоения языка // Вопр. психолингвистики. 2009. № 9. С. 54—71.
- Долинин К.А. Интерпретация текста (французский язык). М.: Просвещение, 1985.
- Жинкин Н.И. Язык — речь — творчество. М., 1998 (1964). С. 146—162.
- Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М., 2004.
- Йокояма О. Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов / Авторизованный пер. с англ. Г.Е. Крейдлина. М., 2005.
- Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Кибрик А.А. Механизмы устранения референциального конфликта // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 128—145.
- Кибрик А.А. Местоимения: морфологические, синтаксические и дискурсивные аспекты // Теория грамматики: Лексико-грамматические классы и разряды слов. М., 1990. С. 139—201.
- Клюканов И.Э. Психолингвистические проблемы перевода. Калинин, 1989.
- Козинцев А.Г. Об антиреферентивной функции языка // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. ред. член-корр. РАН Н.Д. Арутюнова / РАН. ИЯз. М., 2008. С. 55—66.
- Комиссаров В.Н. Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М., 1973.

- Кошелев А.Д.* О референциальном подходе к изучению семантики вида (опыт референциального описания видовых значений) // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988. С. 30—52.
- Кошелев А.Д.* Классификация аспектуальных значений процессных глаголов по референтно значимым признакам // Тождество и подобие, сравнение и идентификация. М., 1990.
- Крылов С.А.* К типологии дейктических систем // Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика: Сб. ст. Ч. 1. М., 1984. С. 138—148.
- Крючкова Т.Б.* О методах описания и исследования идеологизированной лексики // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1989. Т. 48. № 1. С. 38—48.
- Куайн У.О.* Слово и объект // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18: Логический анализ естественного языка. М., 1986. С. 24—98.
- Маринчак В.А.* Анализ семантико-синтаксической организации текста (на материале русской научной речи): Дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1982.
- Муравьёва И.А.* О семантике инкорпорации в связи с определённой и референтностью // Знак: Сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике. М., 1994. С. 191—202.
- Неклюдов С.Ю.* Отношение «текст—денотат» и проблема истинности в повествовательных традициях // Лотмановский сборник. Вып. 1. М., 1995. С. 667—675.
- Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
- НЗЛ 1982: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М., 1982.
- Павилёнис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.
- Падучева Е.В.* Об именных группах со сдвоенной денотативной характеристикой // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979. С. 134—141.
- Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносённость с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.
- Падучева Е.В.* О референции языковых выражений с непредметным значением // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. 1986. № 1. С. 23—31.
- Падучева Е.В.* К семантической классификации временных детерминантов предложения // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 190—201.
- Падучева Е.В.* Наречие как кванторное слово // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1989а. Т. 48. № 1. С. 26—37.
- Падучева Е.В.* О семантике грамматических категорий времени и вида в повествовательном тексте // Семиотика и информатика. М., 1989б. Вып. 29. С. 164—176.
- Падучева Е.В.* К определению лингвистических параметров несобственной прямой речи // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 642—654.
- Селезнёв М.Г.* Референция и номинация // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 64—77.
- Степанов Ю.С.* Безличность и неопределённая референция // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 226—236.
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М., 2003.
- Сорокин Ю.А., Власенко С.В.* Переводческая рефлексия: эмпирический и гипотетический референт в переводе // Hermeneutics in Russia / Online Journal. Tver State University, Russia. 1998. Vol. 2. N 2. <http://www.tversu.ru/Science/Hermeneutics/1998-2/1998-2-10.pdf>
- Сорокин Ю.А., Левченко Е.Б.* Общение и текст // Лингвистическая прагматика и общение с ЭВМ: Сб. науч. ст. М., 1989. С. 34—49.
- Хайруллин В.И.* Перевод научного текста (Лингвокультурный аспект). М., 1992.
- Хайруллин В.И.* Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / МГЛУ. М., 1995.
- Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. М., 1987.
- Шабес В.Я.* Событие и текст. М., 1989.
- Шабес В.Я.* Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1990.
- Шаховский В.И.* Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопр. психолингвистики. 2009. Вып. 9. С. 29—43.
- Шведова Н.Ю.* Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 6—14.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
- Шмелёв А.Д.* Лексическое значение существительного и словарное отражение его референциальных возможностей // Словарные категории: Сб. ст. М., 1988а. С. 96—100.
- Шмелёв А.Д.* Проблема выбора релевантного денотативного пространства и типы миропорождающих операторов // Логический анализ языка. Референция и проблемы текстообразования. М., 1988б. С. 64—81.
- Щедровицкий Г.П.* Мышление. Понимание. Рефлексия: Избр. тр. М., 1995.
- Эко У.* Референция и глубинный смысл // У. Эко. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / Пер. с итал. А.Н. Ковалёва. СПб., 2006 (2003). С. 166—191.
- Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Grosz D.J., Pollack M.E., Sidner C.I.* Discourse // Foundations of Cognitive Science / Ed. by M.I. Posner. Cambridge (Mass.), L.: The MIT Press, 1993. P. 437—468.
- Pylyshyn Z.W.* Computation and Cognition: Toward a Foundation of Cognitive Science. 2nd ed., XXIII. Cambridge (Mass.), L.: MIT Press, 1984.
- Roberts L.D.* How Reference Works: Explanatory Models for Indexicals, Descriptions, and Opacity. Albany: State Univ. of New York Press, USA, 1993.
- Waard J., Nida E.A.* From One Language to Another. Functional Equivalence in Bible Translating. Nashville: Nelson Publ., 1986.
- Yokoyama O.T.* Discourse and Word Order. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamin Publ., 1986.

Лексикографические источники

ТППСЛК 2006: Теория и практика перевода в сфере профессиональной коммуникации: толковый словарь / Сост. С.В. Власенко // Власенко С.В.

Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский—русский. М., Волтерс Клувер, 2006. С. 16—90.
ABBYY 2006: ABBYY LINGVO 12: Electronic Multilingual Dictionary, Version 6. ABBYY Software Ltd., 2006. www.Lingvo.ru

Цитируемая литература

Клюканов И. Э. Психолингвистические проблемы перевода. Калинин, 1989.
Нортхофф Р. Юридическая психология / Пер. с нем.: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Высш. проф. шк. Г. Нойбранденбурга. Архангельск, 2001.

Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 4

Г. И. Проконичев,

старший преподаватель кафедры перевода и переводоведения факультета иностранных языков Московского государственного педагогического университета; e-mail: Armiger@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Данная статья посвящена актуальной в настоящее время проблеме передачи концептуальной информации в процессе перевода. Перевод представляет собой не просто замену знаков одной системы другими, но передачу средствами второй знаковой системы концептуальной системы текста, кодированного средствами первой. Анализ текстового материала показывает, что в процессе перевода поэтического текста переводчик, сталкиваясь с необходимостью передачи исходной картины мира, неизбежно производит изменения в концептуальной картине мира итогового текста.

Ключевые слова: теория перевода, концептуальная картина мира, языковая картина мира, англо-шотландская баллада, семантика, концептуализация, концептуальная информация, пространство.

Georgy I. Prokonichev,

Senior Lecturer at the Department of Translation and Translation Studies of the Faculty of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University, Russia; e-mail: Armiger@yandex.ru

Conceptual Information and Interpretation of a Poetic Text

The article deals with the conceptual information conveyed in the process of interpretation. Text interpretation does not suppose simple replacement of signs of one language system by those of another, but expression, by means of one semiotic system, the conceptual image of a text, codified by another semiotic system. The analysis shows that when translating, an interpreter inevitably has to introduce some changes in the conceptual system of the text that is to be translated.

Key words: translation theory, conceptual worldview, language worldview, English and Scottish ballad, semantics, conceptualization, conceptual information, space.

В переводческой деятельности всё большее внимание исследователей уделяется пониманию переводческого процесса как способа осуществления взаимодействия языков и культур. Под процессом перевода понимается процесс порождения нового текста, который бы полностью и адекватно заменял текст оригинала в другой культуре и другой коммуникативной ситуации.

Н. К. Гарбовский определяет перевод как «отражение средствами одной знаковой системы определённой реальности, уже отражённой средствами другой. При этом всякий перевод предполагает более или менее значительное преобразование системы смыслов исходного речевого произведения» [Гарбовский 2004, с. 227]. Перевод также может рассматриваться как крупномасштабный естественный

эксперимент по сопоставлению языковых и речевых единиц в двух языках в реальных актах межъязыковой и межкультурной коммуникации. Изучение перевода позволяет обнаружить немаловажные особенности, которые могут оставаться невыявленными в рамках «одноязычного» исследования [Комиссаров, 2000, с. 4].

При переводе учитываются знания переводчика, которые влияют на перевод, дополняют исходный текст. Сопоставляя этот исходный текст и конечный результат, мы можем изучить процессы, связанные с поиском адекватного выбора языковых средств. В ходе передачи текста на другом языке переводчик, с одной стороны, должен воспроизвести на языке перевода определённые семантико-структурные особенности исходного текста, а с другой стороны, сделать текст воспринимаемым сообществом-адресатом, причём необходимо, чтобы восприятие соответствовало исходному посланию. В данном процессе переводчик выходит за рамки структурного различия языков.

В современной лингвистике можно наблюдать сопряжение процесса перевода с осознанием культурно-специфичной картины мира. Картина мира представляет собой синтез объективного и субъективного в видении мира человека, соединение индивидуального и культурно-исторического компонентов. Это «целостный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющийся результатом всей духовной активности человека» [Постовалова, 1988, с. 11—16].

Аспект перевода занимает важное место в числе проблем, изучаемых в рамках когнитивной лингвистики в связи с передачей смысла на основе дискурсивного анализа, учитывающего глубинные ментальные структуры картины мира его автора. Современная наука, дифференцируя язык и мышление, создаёт предпосылки для различения двух картин мира: языковой и концептуальной. Языковая картина мира — это продукт когнитивной деятельности сознания, который возникает в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации, в актах художественного представления действительности. Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, поскольку в её создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные [Телия, 1988, с. 179].

Свойственный языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков [Казакова, 2001, с. 90]. Картина мира в каждой лингвокультуре культурно-специфична, при этом каждый человек имеет свою картину мира, которая есть один из вариантов

культурно-специфичной картины мира [Гришаева, Цурикова, 2006, с. 71].

Основным понятием теории перевода является понятие семантической эквивалентности, т.е. соотносённости с одной и той же предметной ситуацией. А.Д. Швейцер указывает на два вида семантической эквивалентности — компонентный и денотативный [Швейцер, 1973, с. 118]. Под компонентной эквивалентностью понимается соотносённость семантических компонентов языковой единицы в исходном и переведённом текстах. Денотативная эквивалентность связана с референцией знака, то есть каким образом знак соотносится с денотатом. Одинаковая ситуация может быть описана с разных сторон посредством разных признаков, и, в отличие от компонентного уровня семантической эквивалентности, на уровне денотативной эквивалентности наблюдается семантическое расхождение между исходным текстом и текстом перевода [Бреус, 2000, с. 10]. А поскольку разные языки, номинируя вещь, могут основываться на разных её свойствах и разных отношениях, в данной связи возникает вопрос о правильности постулата о точности перевода, основанного на денотативной эквивалентности [Казакова, 2001, с. 91].

Переводчик является реципиентом определённой картины реальности, которую он получает вместе с переводом. Эта авторская картина мира может быть её более или менее точным отражением, а может являться вымыслом, конструктом, созданным автором текста. При переводе эта авторская картина сталкивается с представлениями переводчика, который, как определяет процесс понимания исходного текста. Н.К. Гарбовский: «создаёт в своём сознании свою картину данного фрагмента на основе субъективного познавательного опыта и своего умения проникать в смыслы, зашифрованные в знаках исходного языка» [Гарбовский, 2004, с. 231]. Интересно в данной связи будет вспомнить, что в древней Руси переводчика называли «толмач», т.е. тот, кто толкует чужие мысли.

При работе с исходным текстом переводчик имеет дело с комплексной структурой, определённой концептуальной системой. В данной связи Т.А. Фесенко указывает, что перевод следует понимать как разновидность межкультурной коммуникации: общий вербальный код для представителей различных этнокультурных социумов (например, для автора оригинала и автора перевода) отнюдь не означает понимание на уровне концептуальных систем [Фесенко, 2006, с. 11].

При этом при переводе всякого фрагмента исходного текста переводчик находится между двумя культурными и языковыми полюсами. А.Д. Швейцер называет такую ситуацию «парадоксом, при котором а) перевод должен читаться как оригинал и б) перевод должен читаться как перевод». Первое, как затем указывает исследователь, невыполнимо, так как влечёт за собой полную адап-

тацию перевода к нормам другой культуры. Но текст перевода бикультурен и никогда не порывает с исходной культурой, так что всякое решение переводчика носит компромиссный характер [Швейцер, 2009, с. 81].

В основе новых научных изысканий в рамках когнитивной теории лежит представление о необходимости выхода за рамки языка в область мышления с целью исследования мыслительных операций, которые определяют понимание и задают выбор и применение языковых средств. В переводческой деятельности когнитивная парадигма применяется для исследования действий переводчика в процессе перевода. Для этого исследователи прибегают к когнитивному моделированию, описанию моделей, которые представляют связь языка со знаниями и опытом, а также раскрывают механизмы формирования, накопления и передачи информации. В процессе перевода когнитивная система переводчика выступает основной инстанцией переработки информации и знаний, накапливаемых в процессе его профессиональной деятельности. Внимание когнитивной лингвистики в данном случае сосредоточено на изучении мыслительных операций переводчика, определяющих понимание, выбор языковых средств и их применение при порождении текста перевода [Фесенко, 2006, с. 42—43].

Одним из аспектов передачи образа мира при переводе художественного и, в частности, поэтического текста являются лингвокультурные реалии. А.Д. Швейцер определяет реалии как «единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, свойственные данной лингвокультуре и отсутствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности» [Швейцер, 1973, с. 251].

Восприятие читателя перевода обусловлено как культурно-историческими особенностями его народа, так и знанием «чужих» реалий. Эти фоновые знания могут иметься в принципе у большинства читателей оригинала и отсутствовать, как правило, также у большинства читателей переводного произведения. Таким образом, направленность переводного текста на получателя культуры перевода требует от переводчика различных трансформаций исходного смыслового содержания. Насколько полно будет декодирована смысловая сторона оригинала и воссоздана в переводе, настолько успешным будет результат переводческой деятельности, т.е. сам переводной текст и тождественное оригиналу художественно-эстетическое воздействие на читателя [Евсеева, 2007, с. 8].

Перевод поэтического произведения, обладающего рифмованной формой, предполагает значительный отход от семантики, заключённой в отдельных словах и даже в произведении в целом. Семантика поэтического произведения подчиняется стремлению переводчика создать у читателя переводного текста впечатление, аналогичное тому, которое вызывает текст оригинала у того чита-

теля, для которого он создан [Гарбовский, 2004, с. 235]. Ю.М. Лотман также подчеркивает трудность передачи семантических связей, возникающих на фонологическом и грамматическом уровнях: «Специфические семантические связи, которые возникают в силу изменения в поэтическом тексте отношения звуковой оболочки слова к его семантике, равно как и семантизация грамматического уровня, видимо, точному переводу не поддаются [Лотман, 1994, с. 237].

В то же время очевидно, что определенные усилия по передаче формы текста должны совершаться переводчиком. С.Ф. Гончаренко подчёркивает, что «поэтическая версия должна воссоздавать художественное единство содержания и формы оригинала, воспроизводить его как живой и целостный организм» [Гончаренко, 1999, с. 108].

Рассмотрим изменения, которые вносит переводчик в поэтический текст на основе ряда характерных примеров, почерпнутых из сборника англо-шотландских баллад под редакцией Л.М. Аринштейна [Аринштейн, 1988]. Одним из аспектов, связанных с восприятием концептуальной картины мира, является адаптация топонимов в переводе. Так, О. Румер, переведивший в сороковых годах прошлого века текст «*Sir Patric Spens*», придерживается стратегии передачи звучаний названий близко к оригиналу, создавая погружение в англоязычный дискурс. Он передает строку «*The king sits in Dunfermline town / Drinking the blude-red wine: O*» как «Король в Думфермлине-граде сидит / Вино пурпурное пьёт». Затем король отправляет Спенса с товарищами в Норвегию за норвежской принцессой: «*To Noroway, To Noroway / To Noroway oer the faem*», что в переводе О. Румера звучит как «К норвежской земле, к норвежской земле / В путь по вспененным волнам!». Как можно видеть, в обоих случаях переводчик снабжает текст лирическими словосочетаниями, придающими тексту старинное звучание: в Думфермлине-граде, к норвежской земле. Интересен в этом отношении перевод фрагмента путешествия: «*They hadna sailed leaque, a leaque, / a leaque but barely three*» — «Проплыли милю они и две / Проплыли и три сполна». Мера длины лига происходит от латинского *leuga*, означавшего в средневековой Европе расстояние, которое пеший или конный может покрыть за час, и в Англии приблизительно приравнивалась к трем милям. Данная мера длины нетипична для текста баллады и в собрании 305 баллад Ф. Чайлда встречается лишь в семи текстах, всегда в контексте морского путешествия, причём в одном из текстов, «*The Gay Goshawk*», можно видеть чёткое указание на то, что милей измеряется расстояние на суше, а лигой — в море: «*Many a mile by land they went, / And many a league by sea*». Переводчик, желая, возможно, быть «ортодоксальнее ортодоксов», передает «*leaque*» как «*миля*» в рамках избранной стратегии создания у читателя ощущения английского текста. Переводом другой культурно-специфической реалии О. Румер избегает: «*O forty*

miles from Aberdeen / 'T is fifty fathoms deep — «От Эбердина в полсотне миль / На дне, зарывшись в песок». Автор исходного текста считает нужным математически точно указать горизонтальную и вертикальную координаты несчастного корабля. Лексема *fathom* обычно переводится на русский как «фатом» или «морская сажень» и обозначает расстояние в 6 футов. Переводчик указывает первые приблизительно «полсотни миль», от измерения глубины отказывается, указывая на неё словосочетанием «на дне».

И. Ивановский, переведивший балладу “*Sir Patric Spens*” значительно позднее, придаёт указанным местам иное звучание. Так, в первой строке он отказывается от топонима, в силу чего описание приобретает более общий характер: «*Король шотландский пировал, / невесел был обед*». Также исчезает и другой шотландский город Эбердин в финальном стансе: «Сер Патрик Спенс лежит на дне / у борта корабля». При этом в последнем стансе исчезает выраженная расстоянием “*forty miles*” идея того, что до дома шотландцам оставалось совсем недалеко. Строку “*To Noroway, To Noroway*” переводчик передает как «В Норвегию, в Норвегию», отдавая предпочтение сохранению ритмической структуры стиха. Характерной особенностью балладной поэтики является точность номинации — чёткое указание на место и время события. Переводчик отказывается от передачи этого аспекта баллады, отдавая предпочтение передаче поэтической формы стиха.

В некоторых случаях при переводе меняется картина пространственного расположения объектов, что может исказить концептуальную структуру изображаемого образа. Так, в тексте “*Katharine Johnstone*” жених приезжает к невесте: “*Down cam’ the Laird o’Lamington / Out frae the North Countrie*” и добивается взаимных чувств. Но приезжает к ней и другой: “*But up cam’ Lord Faughanwood / Out frae the English Border*”. Из данного описания можно заключить, что девушка живёт в долинной Шотландии, Lowlands, а под North Countrie автор понимает северную Шотландию. Иными словами, центр пространства находится внутри Шотландии, «своей» территории, куда вторгается враг из «чужого» пространства и получает заслуженный отпор. Такая концептуальная схема подтверждается и указанием на место проживания девушки: “*There was a may, and a weel-faf’d may, / lived high up in the glen*”, то есть она живет в высокой долине и действительно относится к сегменту пространства, из которого прибывает жених с шотландским именем *Lamington*. Жених с английским именем *Faughanwood* прибывает от точки, номинируемой в тексте *English Border*, которая является не демаркационной линией, а областью, в которой проживают как шотландцы, так и англичане и в которой постоянно происходят столкновения. Иными словами, жених *Faughanwood* выходит из спорной области

и полностью оказывается в чужой, что и предопределяет развитие сюжета.

Иная пространственная картина рисуется в переводе, сделанном И. Ивановским. Данные фрагменты выглядят следующим образом «*Но вот приехал Леминтон / С шотландской стороны*» и «*Потом приехал Фоганвуд / С английской стороны*». В пространственной картине переводного текста центр повествования располагается уже не внутри одной из областей, а на их границе, той самой, которая в языковой картине мира жителей тех мест и той эпохи обозначалась лексемой *border* и которая в исходном тексте находится южнее центра повествования. В силу этого утрачивается передаваемое автором имплицативное указание, что невеста принадлежит шотландцу уже потому, что она сама живёт с ним в общем пространстве.

В шотландской балладе “*Bonny George Campbell*” мы встречаем описание пространственного перемещения героя “*Hie upon Hielands / And laigh upon Tay / Bonny George Campbell / Rade out on a day*”. Данное описание является характерным для шотландских баллад, поскольку жизнь в горах определяет концептуальную модель перемещения как сменяющиеся подъёмы и спуски, поэтому так перемещается и персонаж баллады. Наиболее известны переводы этого текста И. Ивановского и С. Маршака. В обоих случаях данный характер перемещения утрачен как несущественный для картины мира русского читателя. Так, И. Ивановский передаёт данный фрагмент как «*Горной тропинкой / по выступам скал*», С. Маршак — «*Долиной реки / и по горной стране*». Как мы видим, в данном случае оба переводчика производят замену культурно-специфичного концепта, который мы можем условно назвать «перемещение по наклонным плоскостям», на более общий концептуальный образ горы, ассоциирующийся с Шотландией.

Также в текстах шотландских баллад отражение скрытой динамики перемещения по наклонным плоскостям в грамматически статическом описании пространства: “*Waly, waly up the bank / Waly, waly down the brae*” в балладе “*Waly, waly, gin love be bonny*” или в строках “*It’s up, it’s up the Cowden bank / It’s down the Cowden brae / The bride she gar’d the trumpet sound / It is a weel-won play!*” в упомянутой ранее балладе “*Katharine Johnstone*”. Переводчик первой баллады О. Румер действует так же, как и переводчики баллады про храброго Кемпбелла — просто маркирует пейзаж: «Увы, увы, вон роща та, / Увы, увы, вон те холмы». В переводе баллады “*Katharine Johnstone*” предпринята попытка передачи пространственного образа: «*Где Кауден льётся меж лугов / Где над горой гора*», однако это описание распадается на два независимых статичных образа, не связанных мотивом перемещения, и переведённый фрагмент не имеет компонентной эквивалентности исходному.

Аспектом, бросающимся в глаза, хотя и не имеющим на первый взгляд непосредственного отношения к концептуализации, являются изменения, вносимые многими переводчиками в ритмическую структуру балладного текста. Ритмическое строение баллады довольно разнообразно. Обычная балладная строфа состоит из четырёх строк, первая и третья не имеют рифм и заключают в себе по четыре ударения, вторая и четвёртая строки рифмуются и насчитывают по три ударения. Канонической метрической схемой является четырёхстопный ямб, попарно чередующийся с трёхстопным, но реальный ритм баллады намного богаче и разнообразнее [Жирмунский, 1973, с. 97—98].

Мы хотим отметить этот аспект, поскольку он связан с изменением прагматической ситуации текста. Рассмотрим на примере первого станса текста “*Sir Roland*”:

When he sám’ to his ain lóve’s bówer
He tírled át the pín
And sáe ready wás his fáir fause lóve
To ríse and lét him ín.

При прочтении данного фрагмента нетрудно почувствовать определённую грубость ритмики текста, особенно чувствуется присутствие в первой строке лишнего слога. Проще всего тут было бы сослаться на неграмотность народного составителя, который не имел привычки высчитывать слоги на пальцах, как это делали куртуазные поэты Европы, а скорее понимание того, что текст всегда будет петься, а значит, отсутствие одного неударного слога несущественно, поющий достроит его, растянув предыдущий.

Переводной текст ориентирован исключительно на чтение, и, возможно, именно такое изменение прагматической задачи побуждает переводчика «пригладить» ритм не с целью улучшить текст, дополнить его своим разумением (в чем справедливо обвиняли одного из первых составителей сборника англо-шотландских баллад Т. Перси), а с целью дать возможность современному читателю перевода ощутить ритмику текста так же, как её ощущал получатель оригинала, который не читал, но слушал его. Так, В. Потапова, переводя приведенный фрагмент, не вставляет лишних слогов: «Когда он тихо стукнул в дверь / К прекрасной и неверной...».

На основании приведённых выше примеров мы можем видеть, что характер понимания концептуальной информации, лежащей за языковыми единицами и структурами в различных языках, должен учитываться переводчиком при передаче текста фольклорного произведения, для создания у адресата переводного текста восприятия, максимально близкого восприятию адресата исходного текста. Верной также видится неоднократно высказываемое специалистами в области перевода соображение, что само употребление

термина «перевод» в отношении художественного и особенно поэтического текста не вполне корректно, скорее мы можем говорить о его интерпретации. Как можно заключить на основании проанализированных примеров, любая концептуальная информация, всё, связанное с национально специфической картиной мира, действительно проходит через призму восприятия переводчика и накладывается на концепты, конструирующие его образ мира, отличный от авторского. Понимая это, мы можем по-новому взглянуть на проблему излишнего, по мнению некоторых специалистов, отхода переводов многих баллад от исходного текста

Список литературы

- Английская и шотландская народная баллада: Сборник / Сост. Л.М. Аринштейн. М.: Радуга, 1988. 512 с.
- Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: УРАО, 2000. 207 с.
- Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы. М.: Кн. дом ун-та, 2004. 235 с.
- Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 542 с.
- Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод прозы: константы и вариативность // Тетради переводчика. М.: Изд-во МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 98—108.
- Гришаева Л.И., Пурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М.: Academia, 2006. 331 с.
- Евсеева Т.В. Переводной художественный текст с комментарием: структурные когнитивные и функционально-прагматические особенности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 21 с.
- Жирмунский В.М. Английские народные баллады // Английские и шотландские баллады. М.: Наука, 1973. С. 87—103.
- Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных. М.: ЧеРо; Юрайт, 2000. 132 с.
- Лотман Ю.М. Лекции по структурной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семантическая школа. М.: Гнозис, 1994. 237 с.
- Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Ред.-сост. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 8—70.
- Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Ред.-сост. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. С. 173—204.
- Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2006, 181 с.
- Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат. 1973. 310 с.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 214 с.
- Казакова Т.А. Картина мира и перевод // Перевод: язык и культура: Материалы Междунар. науч. конф. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001.

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Д.Г. Шаталов,

аспирант Оксфордского университета; e-mail: dmitry.shatalov@hillfoundation.org.uk

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПЕРЕВОДА РЕЛИГИОЗНЫХ ТЕКСТОВ В РОССИИ XVI—XVII вв.

В статье рассматривается влияние религиозных концепций на осмысление перевода русскими переводчиками религиозных текстов — Максимом Греком, иноком Силуаном, Евфимием Чудовским, Симеоном Полоцким. Анализируется концептуализация перевода как достижения сходства с первообразом.

Ключевые слова: образ, первообраз, первообразное, перевод, религиозный текст, Библия, сходство, Максим Грек, Силуан, Евфимий Чудовский, Симеон Полоцкий.

Dmitry G. Shatalov,

DPhil student at the University of Oxford, UK; e-mail: dmitry.shatalov@hillfoundation.org.uk

In the Image and Likeness: Conceptions of Translation of Religious texts in Sixteenth- and Seventeenth-Century Russia

In this article I demonstrate that the sixteenth- and seventeenth-century Russian translators of religious texts (Maximus the Greek, Silouan, Evfimii Chudovskii, and Simeon Polotskii) understood translation in terms of their religious conceptions. The article covers the conceptualization of translation as the achievement of similarity to the archetype (the source text).

Key words: image, archetype, prototype, translation, religious texts, the Bible, similarity.

Список сокращений:

ИЯ — исходный язык, ПЯ — язык перевода, ИТ — исходный текст, ПТ — переводной текст.

Древние переводчики, в отличие от большинства современных, высказывали свои взгляды на перевод в предисловиях и послесловиях. Как же концептуализировался перевод религиозных текстов? Чем отличались эти концепции от понимания перевода вообще (т.е. перевода любых текстов)? Существует ли преемственность между древними концепциями и современными? Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что перевод всегда осмыслялся как достижение идентичности или сходства. Переводчики осознают, что между определёнными элементами ИТ и ПТ должны установиться отношения идентичности или сходства. В первом случае перевод концептуализируется как сохраняющее действие, т.е. дей-

ствие, в результате которого сущность остаётся идентичной самой себе. Например, если ИТ понимается как вода, перевод может рассматриваться как передача воды: переводчик «поит» получателя ПТ. Епифаний Славинецкий (1655) в предисловии к «Скрижали» называет ИТ водным источником и описывает процесс перевода как «почерпание» воды из источника: «неботечная тайноводительных ведений вода, от чистаго таинственных богомудрований кладязя, богомудрыми учителями церковными ископаннаго, в напоение словесных овец Христовых почерпается» [Славинецкий, 1655, с. 35]. Во втором случае перевод часто осмысляется как воссоздающее действие. Намеренное создание похожей сущности или осуществление похожего действия является копированием¹. В данной статье мы рассмотрим концепции, в которых перевод понимался как достижение сходства.

Русские переводчики XVI—XVII вв. часто использовали термины *образ* и *первообразное* при описании перевода. Силуан, переводчик Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (1524), называет ИТ «первообразным»: «Аще ли кто от учёных обрящет разум, несогласующ разуму, той да вручит первообразную ону боговдохновенную историю еллинскую, самую ту матере сея, и тако от тоя сомнение свое и многих да разрешает и неисправленное да исправляет без сомнения всякого» [Силуан, 1896, с. 342]. По мнению Силуана, переводчик прежде всего должен передать смысл ИТ: «разума паче всего искати подобает, егоже ничто же честнейше» [ibid.]. Понятие Бога как первообраза человека могло послужить метафорическим источником при концептуализации ИТ.

Поскольку Бог создал человека по образу Своему и подобию, Он является первообразом людей. Так как Силуан не оставил сочинений на религиозные темы, рассмотрим, как его учитель Максим Грек использует слова *первообраз* и *первообразное* в религиозном дискурсе. Максим говорит о «первообразной доброте» (т.е. красоте) Бога, создавшего человека «по образу и подобию Своему»², а также о «первообразных красотах»: «Чесо ради не приемлем во уме божественныя мысли, еюже создани быхом от Господа по образу Его, но, аки скоти, лишени смысла, провожаем всея нашей жизни время, чреву угрожающе? Чесо ради о³ наследии небесных благ создани бывше, земных без ума, о душе, держимся? Образ есмь божествен, согласно тому да мудръствуим, да получим первообразныя красоты» [Грек (b), 1859—1862, с. 5]. Слово *смысл*,

¹ Стейнер использует термин «мимесис» [Steiner, 1975, p. 35].

² «свет же совершен — евангельское законоположение, аки совершающе совершенне человека, иже по Бозе, и возводяща ъ на первообразную доброту создавашаго ъ по образу и подобию Своему преблагаго Бога» [Грек (c), 1859—1862, с. 68].

³ О в значении «для».

употреблённое Максимом Греком, означало в современном ему русском языке как «разум», так и «смысл» [Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, 1893—1903, т. 3, с. 756]. В вышеприведённом высказывании Максим утверждает, что грешники лишены божественного образа мышления: их разум не приемлет «божественной мысли», они живут «без ума». По мнению Максима, быть образом Бога означает мыслить подобно Богу. Возможно, Силуан понимает ИТ как первообраз посредством метафорического отображения концепта Бог в структуре концепта ИТ. Силуан мог как бы приспособить религиозный дискурс своего учителя для рассуждений о переводе. Максим называет Бога первообразом человека; Силуан называет ИТ первообразом ПТ. Максим призывает к тому, чтобы наш разум («смысл», «мысль») соответствовал божественному разуму; Силуан утверждает, что смысл ПТ должен соответствовать смыслу ИТ. Объясняя выражение *по образу и подобию*, Максим описывает образ Святой Троицы как «ум, слово и дух»: «Образ же есть Живоначальная и Святыя Троицы Отца и Сына и Святаго Духа — ум, слово и дух» [Грек, 1993, с. 46]. Человек как образ Троицы не может существовать без этих трёх компонентов: «Кроме бо ума, слова же и духа быти человек не может, аще и верен, аще и неверен» [ibid.]. Как эта концепция соотносится с переводом? Как мы видим, Силуан считает, что переводчик прежде всего должен воссоздать смысл («разум») оригинала. Хотя Силуан отмечает, что нельзя «следовать» языку оригинала⁴, это не означает, что перевод не может быть более или менее буквальным. Силуан указывает на грамматические различия между языками, вследствие чего грамматические формы, используемые в ПТ, часто не соответствуют формам в ИТ. Словарные соответствия могут относиться к разному грамматическому роду, переводчик может использовать другие временные формы, другие окончания, но из утверждения Силуана не следует, что переводчик не должен переводить на уровне слов: можно изменить грамматику, но переводить более или менее близко к словам оригинала. Что касается духа (третьего компонента образа Бога), Силуан называет ИТ «богодухновенным»: Беседа Иоанна Златоуста — это «богодухновенная история еллинская» [Силуан, 1896, с. 342]. По мнению Максима Грека, перевод также должен быть исполнен Святого Духа. Он утверждает, что семьдесят два переводчика Библии, в отличие от Иеронима, были вдохновлены Святым Духом, поэтому их перевод верен —

⁴ «Нестъ бо, несть леть по истинне всяческы премудрейшему оному последовати языку, понеже обрящется сопротивно; ни же бо роды, ни же времена, ни же скончания подобна ея имеют, но вся пременена» [Силуан, 1896, с. 342].

они переводили «Духом Святым»: «Доколе, о Лодовиче, не преста-неши воипа на 70 на два преводники, иже Духом Святым преведоша еврейския книги на еллинский язык, яко же сам пресловутый Иероним о них свидетельствует и божественный списатель священных книги сея, глаголя, яко Духа Свята исполнени бывше седмьдесят да два, преведоша еврейска писания на еллинский язык?» [Грек (а), 1859—1862, с. 174].

Вызывает интерес тот факт, что понятия образа и первообраза Максим Грек использует не только для концептуализации человека как божественного образа, но и для концептуализации икон как образов Бога: «Егда же воплощением Слова плоть человеческая обожилася по речённому, и Слово плоть бысть, и тогда плоти видимаго Бога видимый образ напишем, ему же и поклоняемся, и тако честь первообразному существу приносим» [Грек, 1993, с. 46]. Максим Грек мог осмыслять перевод по аналогии с иконописью. Во-первых, он считает, что и переводчик, и иконописец обязательно должны вести праведную жизнь: «Подобает убо изъграфом, рекше иконописцам, чистителным быти, житием духовным жити и благими нравы, смирением же и кротостию украшати и о всём благое гонити», а также «тщатися к восприятию духа Божия»⁵ [ibid.]. Переводчик тоже должен быть добродетелен. Максим говорит о том, что Псалтырь должна переводиться искусным переводчиком, и отмечает, что хотя сам он образованный грек, недостаточная добродетельность не позволяет ему переводить Псалтырь подобающим образом: «Аще бо и сами естестве греци глагола-нием есмы и у учителя нарочитых научихомся, но ещё долу негде, при ногах Фаворския горы с девятьми обрящаемся, аки разума дебелостию не суще вместителны боголепных видений просветителя Иисуса, ихъ же едины сподобляются высотой добродетели просиавшей» [Грек, 2008, с. 162]. Во-вторых, Максим считает, что православные христиане не должны использовать иконы, написанные «неверными» (католиками) [Грек, 1993, с. 47 — 48]. Перевод Библии, выполненный Иеронимом, Максим Грек также отвергает, поскольку Иероним не был вдохновлён Святым Духом [Грек (а), 1859 — 1862, с. 174]. В-третьих, Максим утверждает, что иконописец не должен прибавлять ни йоты к образу воплотившегося Бога: «И был бы иконописец хитр о подобии древних переводов и первых мастеров, богумудрых мужей, им же от начала предано бысть по объявлению когождо гды бывшего, чудеси или явления, а собою бы ново не прибавливал ни единыя оты» [Грек, 1993, с. 46]. Как переводчик и исправитель переводов Максим Грек

⁵ Максим Грек повторяет здесь требования Исидора Пелусийского, изложенные в Кормчей письменной и Иконописном подлиннике.

позволял себе добавления лишь в том случае, если что-то было упущено предыдущими переводчиками⁶.

Помимо ученика Максима Грека Силуана, два непримиримых идеологических противника — грекофил Евфимий Чудовский и латинофил Симеон Полоцкий — осмыслили ИТ как первообраз ПТ. Оба они были переводчиками и писателями. На первый взгляд их концепции перевода кажутся очень сходными. Полоцкий и Чудовский утверждают, что и смысл, и слова оригинала должны быть переведены. По мнению Симеона (1667), «образ той протóтипу своему или первообразному благоуподобляется, иже во всех частех праведне ему ответует. Сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум, и речения преводит неложно, ничесоже оставляя. Греческая святая писания суть нам славяном протóтипон, еже есть первообразное, от ихже вся книги наша преводим, ничесоже прилагающе или отъемлюще, да совершенне им уподобимся»⁷ [Polockij, 1967, fol. 56^r]. Интересно, что Евфимий использует практически ту же самую формулировку: «И понеже греческая Святая Писания — источник нам славяном и первообразное, от нихже вся наши книги преведены. И подобает истинно и право преводити от слова до слова, ничто разума и речений пременяя, и той есть преводитель верный, иже и разум, и речения преводит не лживо, ничто оставляя или пременяя» [Чудовский, XVII в., fol. 74^r]. Как мы видим, Чудовский был сторонником дословного перевода. По мнению Горского и Невоструева, Евфимий переводил «с явным насилием русскому языку» [Горский и Невоструев, 1859, с. 12], «рабски следуя греческой букве» [ibid., p. 493]. Поскольку Чудовский (так же, как и Полоцкий) обозначает ИТ словом *первообразное*, которое использовалось в рассуждениях об иконописи, необходимо выяснить, каких взглядов придерживался Чудовский в иконографии. Гаврюшин [Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв., 1993, с. 14] называет Евфимия «решительным сторонником реализма» в иконописи. Например, Евфимий отмечает, что «апостоли вси сущно бяху архиерее, ихже преемници и наместници ныне сущии архиерее и иерее, и прилично было бы писати апостоли во одежде архиерейстей и иерейстей, но понеже, живуща на земли, не ношаху таковых одежд, того ради и не пишутся в тех одеждах, но яковыя одежды ношаху, в таковых и пишутся. Саккосы же и митры архиерейская носитися примыслишася от отцев и благочестивых царей, по многом времени после Христовы смерти и востания; при Христе же и по Нем, при апостолах, не

⁶ «Прилежание превелие сътворихом с Богом помощником, яко оставленаа приложена быти» [Грек, 2008, с. 162].

⁷ Ударения сохранены в тех словах, правильное произношение которых не соответствует произношению в современном русском языке.

быша сии саккосы и прочая, и не носими быша, того ради апостоли тако и не пишутся; но отнеле же таковыя одежди примыслишася и носити во священнодействии начашася, оттоле и носившия тья архиерее святии начашася в таковых одеждах иконописатися» [Чудовский, 1993, с. 52]. Евфимий с недовольством упоминает, что «Пресвятую Богородицу пишут иконописцы с Латинских же образцов, непокровенну главу имущу, власы растрепаны, на руках держашую Младенца, Сына Своего, Христа Бога нашего. И Пресвятая убо Богородица, отнеле же бяше обручена Иосифу и безмужно родила Христа Иисуса, не хождаше простовласа, непокровенну главу имущи, аще и Дева присно бе и есть» [ibid., с. 54]. Евфимий утверждает, что иконы Иисуса Христа, Богородицы, Иоанна Предтечи и всех святых должны создаваться в реалистическом ключе: «И яко в мире сем жиша и от человек видешася, тако и образы их подобает писати» [ibid., с. 52]. Чётко прослеживается аналогия между переводческой и иконографической концепциями Чудовского. Как икона должна быть верной копией своего первообраза, так и перевод должен быть верной копией смысла и слов ИТ.

Взгляды Полоцкого на перевод кажутся довольно близкими позиции Чудовского. Однако мы не должны забывать, что взгляды эти высказывались в ответ на критику со стороны староверов, которые выступали против исправлений богослужебных книг. Поэтому, заявляя, что «сказатель же или преводитель странного языка сей есть верный, иже и разум, и речения преводит неложно, ничесоже оставляя», Симеон имел в виду перевод книг, использовавшихся в церковных службах. Напротив, поэтический перевод Псалтыри — наиболее известный перевод Полоцкого, в котором переводчик, безусловно, отступает от слов оригинала, — предназначался для домашнего чтения, о чём Симеон ясно говорит в предисловии:

Тужде аз рифмы тшася преложити
Не дабы тако в церкви чтенней быти,
Но еже в домех часто ю читати
Или сладкими гласы воспевати.
[Полоцкий, 1953, с. 215]

В результате сходство перевода с первообразом, т.е. ИТ, в данном случае не является полным: «Разум един есть, речение ново» [ibid.]. Относительное сходство с первообразом служит отправной точкой и в иконографической концепции Полоцкого. В 1670-х гг. существовали различные мнения по поводу того, как надо писать иконы. Единомышленники консервативно настроенного патриарха Иоакима не видели причин для отказа от традиционного символизма, тогда как сторонники живоподобия утверждали, что икона

должна быть абсолютно подобна своему первообразу, т.е. «реальному, исторически достоверному факту» [Салтыков, 1974, с. 282]. Полоцкий упоминает разговор с приверженцами живоподобия, которые пытались убедить его, что «точию тья токмо образы подобает почитати, иже совершенно живоподобни суть первообразным, не имущия же живоподобия совершенна отменати» [Полоцкий, 1678?, fol. 107^r]⁸. Они настаивали на том, что «аще кий образ Христов несть таков изображением, каков [...] плотию бяше, не почитаем того» [ibid.]. Полоцкий был удивлён таким речам и отвечал, что он почитает «всякий образ Христа бога нашего, аще живописанный, аще неживописанный» при условии, что этот образ соответствует церковным канонам [ibid.]. По мнению Симеона, если имя Христа написано на иконе, она должна почитаться. Полоцкий отмечает: «явственно есть, яко вси образы Спасовы не суть Ему совершенно подобни, или качеством или количеством», но отвергать их было бы «иконоборчеством» [ibid., fol. 107^r]. С точки зрения Полоцкого, сходство между образом и первообразом никогда не является абсолютным. Его перевод Псалтыри тоже не абсолютно «живоподобен». Для Симеона план содержания намного важнее плана выражения. В переводе Полоцкий допускает ещё большие вольности, чем в своей концепции иконописи. Строго говоря, его перевод не отвечает церковным канонам, поскольку он не предназначался для служб. Однако этот перевод, по мнению Симеона, удовлетворяет критерию, который Полоцкий сформулировал в своей иконографической концепции и который он, кажется, также применял по отношению к переводу: поэтическое переложение Полоцкого не искажает первообраз настолько, чтобы быть негодным Богу.

Концепции перевода, рассмотренные в данной статье, могут быть основаны на метафорических проекциях концепций креационизма и иконописи на переводческие концепции. С другой стороны, вопрос о метафоричности этих концепций является очень сложным. Переводчики не заявляли открыто, что перевод подобен иконописи или созданию человека по образу и подобию Бога. Аналогия между иконописью, сотворением человека и переводом религиозных текстов может объясняться тем, что это явления одного порядка — копирование священного образа по определённым общим правилам. И перевод, и икона, и человек — это виды образов. Рассмотренные концепции, безусловно, восходят к учению Святых Отцов об образе, в частности к «Третьему слову в защиту святых икон» прп. Иоанна Дамаскина, который выделяет шесть видов образов:

1) Сын как образ Бога-Отца;

- 2) Божественная мысль как образ событий, происходящих в будущем;
- 3) человек как образ Бога;
- 4) иносказательные образы Святого Писания, которые изображают телесно духовные предметы;
- 5) образы-знаки, возвещающие о будущем;
- 6) образы, установленные для воспоминания о прошедшем.

К последней категории Дамаскин относит в том числе священные писания, в которых слова-образы описывают чудесные события и жизнь «боголюбивых мужей», а также иконы, т.е. чувственно воспринимаемые образы святых мужей и чудесных событий.

Согласно постановлению Никейского собора 787 г., иконы, и священные писания подлежат равному почитанию. На Константинопольском соборе 1095 г. иконой было принято считать «передаваемые в иконном веществе подобия» [Лукин, 2001, с. 243]. То есть вещество не подлежит поклонению. Это положение автоматически распространялось и на священные писания, веществом которых являются слова [ibid., с. 244]. Как говорил Дамаскин в «Точном изложении православной веры», «поклоняемся не веществу, но Тому, кто изображается, подобно тому, как и не веществу (книги) Евангелия, и не веществу Креста поклоняемся, но тому, что через это изображается» [цит. по: ibid., с. 243]. Отсюда логически следуют два очевидных вывода относительно стратегий перевода религиозных текстов: 1) поскольку слова оригинала не священны, нет необходимости копировать структурные языковые особенности оригинала (не нужно слепо следовать языку), 2) так как слова не священны, они не должны рассматриваться как единица перевода, т.е. переводить нужно так, чтобы воссоздать передаваемый текстом смысл. Почему же многие переводы (религиозных текстов) времён Московской Руси были достаточно буквальными? Дело в том, что произошёл «сбой» в концептуализации текста оригинала. Оригинал рассматривался не как образ описываемых событий, а как первообраз. Следовательно, переводчики стремились достичь максимально возможного сходства с оригиналом во всей его целостности. Оппозиция «вещество — предмет, который оно обозначает» уже была неприменима к оригиналу-первообразу.

В этой статье мы попытались показать, насколько важную роль играли религиозные концепции в осмыслении перевода в России XVI—XVII вв. Сознательно или бессознательно переводчики религиозных текстов воспринимали перевод через призму православного христианства и говорили о переводе, употребляя выражения религиозного дискурса. Чтобы понимать и изучать метаязык переводчиков религиозных текстов, необходимо учитывать его изначальный религиозный контекст.

⁸ Окончание «Беседы» было опубликовано Былининым [1985, с. 281—289].

Список литературы

1. Первичные источники

- Грек М. (а). Инок Максима Грека словеса супротивна ко Иоанну Лодовику, толковнику священных книги св. Августина, епископа Иппонскаго // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 3. С. 167—183.
- Грек М. (б). Инок Максима Грека слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей. В нем же и на лихоимство // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 2. С. 5—52.
- Грек М. (с). Инок Максима Грека слово обличительно на агарянскую прелесть и умысливаго ея сквернаго пса Маомефа // Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской духовной академии: В 3 т. 2-е изд. Казань: В типографии губернского правления, 1859—1862. Т. 1. С. 63—105.
- Грек М. О святых иконах // Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв. Антология / Под ред. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993. С. 44—48.
- Грек М. Послание московскому великому князю Василию III о переводе Толковой Псалтыри // Преподобный Максим Грек. Сочинения / Под ред. Н.В. Синицыной. М.: Индрик, 2008. Т. 1. С. 151—170.
- Полоцкий С. Беседа о почитании икон святых // ГИМ 80370, Синодальное 289. 1678? Fols 95^r—112^r.
- Полоцкий С. К благочестивому же читателю // Избр. Соч. / Под ред. И.П. Ерёмкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 215—217.
- Силуан. Предисловие инока Силвана Евангелия беседы, еже от Матфея, толкование иже во святых Отца нашего Иоанна Архиепископа Константины града Златоустаго // Разсуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке / Под ред. Ватрослава Ягича. СПб.: Типография императорской академии наук, 1896. С. 338—343.
- Славинецкий Е. Предисловие к читателю // Скрижалъ / Пер. Арсения Грека. М.: Печатный двор, 1655. С. 25—42. Режим доступа: <http://dlib.rsl.ru/view.php?path=/rsl01003000000/rsl01003343000/rsl01003343928/rsl01003343928.pdf>
- Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб.: Типография императорской академии наук, 1903.
- Чудовский Е. Вопросы и ответы по русской иконописи // Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв. / Под ред. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993. С. 49—55.
- Чудовский Е. О тропаре, поемом на Святую Пасху // ГИМ 80370, Синодальное 396. XVII в. Fols 73^v—76^v.

2. Вторичные источники

- Былинин В.К. К вопросу о полемике вокруг русского иконописания во второй половине XVII в.: «Беседа о почитании икон святых» Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. 38. С. 281—289.

- Горский А.В. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки: В 7 т. / А.В. Горский, К.И. Невоструев. М.: В Синодальной Типографии, 1859. Отд. 2. Т. 2.
- Кашкин В.Б. Метафора как средство активного познания / В.Б. Кашкин, Д.Г. Шаталов // Язык: Коммуникация: Социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2006. Вып. 4. Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2006/KashkinShatalovLSE2006.htm>
- Кашкин В.Б. Реификация абстрактных сущностей в бытовой лингвистике // Vita in Lingua: к юбилею профессора С.Г. Воркачёва: Сб. статей / Под ред. В.И. Карасика. Краснодар: Атриум, 2007. С. 97—116. Режим доступа: <http://kachkine.narod.ru/Articles2007/Reification2007.htm>
- Ковтун Л.С. Лексикография Московской Руси VI — начала VII в. Л.: Наука, 1975.
- Лукин П.Е. Письмена и православие: историко-филологическое исследование «Сказания о письменах» Константина Философа Костенецкого. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага: Univerzita Karlova, 1976.
- Нелюбин Л.Л. Наука о переводе: история и теория с древнейших времен и до наших дней / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. М.: Флинта, 2006.
- Салтыков А.А. Эстетические взгляды Иосифа Владимировича: по «Посланию к Симону Ушакову» / ТОДРЛ. Л.: Наука, 1974. С. 271—288.
- Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. 2-е изд. СПб.: Императорский археологический институт, 1908.
- Философия русского религиозного искусства XVI—XX вв. / Под ред. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993.
- Lakoff, George and Mark Johnson. Metaphors We Live By. Chicago, Ill.; London: University of Chicago Press, 1980.
- Lakoff, George and Mark Turner. More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago, Ill.; London: University of Chicago Press, 1992.
- Steiner T.R. English Translation Theory 1650—1800. Assen: Van Gorcum, 1975.

3. Словари

- Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. / И.И. Срезневский. СПб.: Типография императорской академии наук, 1893—1903.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

А.А. Коростелёва,

кандидат филологических наук, старший преподаватель филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: korosteleva.a@gmail.com

О РАЗЛИЧНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РУССКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ (на материале перевода зарубежных фильмов)

В работе рассматривается роль коммуникативных средств языка при создании образов в переводном кино в русской и польской традиции (в сопоставлении) и выявляются различные принципы русской и польской школ дублирования.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, переводной кинодиалог, коммуникативный уровень языка, русский киноперевод, польский киноперевод.

Anna A. Korosteleva,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: korosteleva.a@gmail.com

On various tendencies in Russian and Polish translation practices (based the translation of foreign films)

This paper shows the language communicative means' role in the process of creating characters in a translated movie, comparing Russian and Polish traditions, and identifies the different principles of Russian and Polish film dubbing schools.

Key words: communicative semantics, translated film dialogue, language communicative level, Russian film translation, Polish film translation.

В своём исследовании мы используем метод семантического анализа коммуникативного системы языка, основы которого изложены в работах М.Г. Безяевой [Безяева, 2002, 2005]. Этот подход прежде всего предполагает противопоставление в рамках системы языка *номинативного* и *коммуникативного уровней*. Номинативный уровень связан с введением информации о действительности, преломлённой в языковом сознании говорящего. Семантика коммуникативного уровня связана с позицией говорящего, позицией слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуацией. Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия целеустановки, вариативного ряда структур, её выражающих, и инвариантных параметров средств, формирующих эти структуры. Средства коммуникативного уровня языка могут быть разделены на две группы: это собственно коммуникативные средства, для которых функция выражения коммуникативных значений является первичной (частицы, междометия, интонация, порядок слов), и средства, которые могут передавать номинативное

содержание высказывания, но способны также участвовать в формировании значений коммуникативного уровня (полнозначные лексические единицы, части речи и грамматические категории — вид, время, число, падеж). При анализе интонационных средств мы основываемся также на интонационной транскрипции, разработанной Е.А. Брызгуновой [Брызгунова, 1980, 1982].

Применение метода семантического коммуникативного анализа к русскому и польскому звучащему переводному кинодиалогу позволило выявить ряд различий как в закономерностях функционирования коммуникативных систем соответствующих языков, так и в стратегиях, применяемых русскими и польскими переводчиками.

Наблюдения над коммуникативным аспектом кинодубляжа показывают, что в русском языке при создании коммуникативной дорожки иноязычного фильма активизируется в первую очередь группа собственно коммуникативных единиц. Прежде всего это интонация и другие средства звучания, затем — частицы и междометия. В польском же основная семантическая нагрузка приходится на номинативные средства, осложнённые коммуникативными характеристиками. Это легко объяснить с точки зрения устройства языковых систем. В отличие от русского, где интонационные конструкции и их модальные реализации обладают собственной семантикой и самостоятельно дифференцируют достаточно сложные коммуникативные смыслы, в польском языке интонация играет скорее сопроводительную, чем смысловозначительную роль. Таким образом, создатели русского и польского кинопереводов, реализуя сходную эстетическую задачу, например формируя языковыми средствами характер героя, опираются на различные возможности своих языковых систем. Русская команда дубляжа в обычном случае будет «делать ставку» на интонационные и иные звучащие средства при ничтожно малой опоре на лексику, в польской же версии большинство необходимых смыслов будет сформировано лексико-грамматическими средствами ещё до того, как письменный текст диалога попадет к актеру озвучания.

Приведём пример из мультфильма «Рыбка Понё» (Япония, 2008). Вкратце опишем контекст: волшебник Фудзимото видит над морем огни, предвещающие появление Богини Океана. Хотя богиня — его супруга и мать его дочерей, он видит её редко и относится к ней с благоговейным трепетом. В одном из русских звучащих переводов Фудзимото говорит:

6 6 6 6
— Это Она^{3!} // Она пришла^{3!} //

Его восторг и трепет перед лицом этого события переданы в первую очередь интонационными средствами: ИК-6, 6³. ИК-6

привлекает внимание к неназванной закадровой информации, известной говорящему, и формирует ореол исключительной важности вокруг происходящего. Становится понятно, что появление его божественной супруги — это не просто нейтральный факт. Замещение объекта личным местоимением говорит о его единственности и уникальности для говорящего.

В польском переводе Фудзимото, обращаясь к дочерям-рыбкам, говорит:

— Matka... nadchodzi, — т.е. ‘Ваша мать близится/надвигается’, и здесь использован глагол *nadchodzić*, уместный в применении ко временам года, стихиям, стихийным бедствиям, грозным явлениям природы и т.п. То есть оттенок благоговейного страха возникает в этой реплике ещё на этапе письменного перевода. Глобальность события в польском маркирована лексически, и расчёт переводчика на звучащие средства минимален¹.

Другой пример — из фильма «Чарли и шоколадная фабрика» (США, 2005). Ситуация: эксцентричный шоколадный магнат и волшебник Вилли Вонка проводит экскурсию для детей по своей фабрике. После несчастья с одной из девочек в цехе изобретений (она пожевала экспериментальную жвачку и теперь не совсем понятно, удастся ли вернуть ей человеческий облик) все гости фабрики находятся в шоке и тягостном недоумении. Волшебник Вилли Вонка, хозяин фабрики, — единственный, кто остается в прекрасном расположении духа и спокойно предлагает гостям пройти в следующий цех. В звучащем польском переводе он говорит: “To proszę. Na imprezę!” (‘Так идёмте. Повеселимся!’ — перевод приблизительный; *impreza* — ‘(развлекательное) мероприятие’). В одной из версий польских субтитров Вилли Вонка говорит: “Chodźmy. Czas zaszaleć!” (‘Пошли. Пора оторваться!’), в другой — “Chodźcie, szalejmy dalej” (‘Идёмте. Балдеем дальше!’), где слово *дальше* подразумевает, будто все случившееся перед этим было сплошным весельем. Во всех этих случаях неуместная весёлость Вонки оказывается выражена лексически. Реплика русского Вилли

Вонки звучит так: «Идёмте // Идём дальше». Лексически это высказывание нейтрально. Однако при таком интонационном оформлении оно производит мощный эффект именно в нужном роде. Разберем работу звучащих средств в данном высказывании. ИК-2 с высоким падением тона фиксирует, во-первых, отклонение от нормы (значение ‘мы тут немного отвлеклись, вообще-то я хотел вам показать не это’, в то время как гости в достаточной степени

¹ Есть серьёзные основания полагать, что и русский, и польский переводы делались не с японского оригинала, а с английских субтитров. В английских субтитрах этой реплике соответствует ‘That person’... is coming.

шокированы и удручены уже и тем, что им удалось увидеть), во-вторых, воздействие с каузацией. Дважды повторенная Вонкой далее ИК-6 формирует оттенок интригующего обещания открыть слушающим в будущем некую таинственную, пока что скрытую от них информацию, образует значение ‘я покажу вам то, чего вы никогда не видели’. Воспользовавшись совершенно иными языковыми средствами, создатели русской версии добиваются тех же общих эффектов, что и создатели польской: неуместное оживление говорящего, его радость на фоне общего недоумения и испуга, несовпадение его личных норм с нормами социума, предвкушение дальнейших радостей при игнорировании позиции собеседников. Польские и русские переводчики приходят к очень близкой цели разными путями².

В фильме «Гарри Поттер и тайная комната» (2002) Хагрид отвечает на вопрос Гарри о том, знает ли он, что случилось с Гермионой. По-русски он говорит: «Да² // Я слышал про это». Контекст требует от дублёра подчеркнуть равнодушие в этом ответе, то, что Хагрид мыслями где-то далеко, и по-русски это сформировано интонационными средствами, при помощи ИК-2, склонной к 1, с удлинением, и ИК-1. Удлинение на первом центре говорит, что поднятая Гарри тема не производит впечатления на говорящего, ИК-1 маркирует ввод нейтральной информации. По-польски это пугающее безразличие сформировано лексическими средствами: “O, tak... Obiło mi się o uszy” (‘Да, что-то такое слышал краем уха’)³.

Ещё один пример. В фильме «Автостопом по Галактике» (США, 2005) президент Галактики Зафод Библброкс, не глядя, расписывается на приказе об уничтожении Земли, а поскольку он уверен, что это всего лишь автограф для поклонниц, он пишет на нём: «Люблю, целую. Зафод» (в другом русском переводе — «С любовью, Зафод», в оригинале — “Love and kisses, Zaphod”). Впоследствии, когда этот автограф обнаруживается в архиве, это вызывает бурю возмущения со стороны его подружки-землянки, в особенности — форма выражения, выдающая его полную безалаберность и легкомыслие. Так это выглядит в русском переводе. В польском небрежность выражения усилена лексически, так как польский президент Галактики пишет на приказе об уничтожении Земли: “Uściski, buziaczki,

² В данном случае в оригинале Вонка, как и в польской версии, использует жаргонное слово. Он говорит: “Come on. Let’s boogie!” (‘Пошли. Давайте оторвёмся!’). Но польские переводчики делают упор на лексику всегда, и всегда их работа противопоставлена по этому признаку русским переводным дорожкам — эта закономерность не объясняется более или менее свободным обращением с оригиналом: иногда польская версия оказывается ближе к оригиналу, чем русская, иногда — дальше.

³ Оригинал: Oh yeah... I heard about that, all right.

Zafod”, т.е. «Обнимаю, чмоки-чмоки, Зафод». Понятно, что у его подруги с Земли ещё больше оснований возмущаться его безответственностью.

В фильме «Гарри Поттер и философский камень» (2001) великан Хагрид объясняет Гарри, что означает принятый в волшебном мире термин “маггл”. Маггл — это обычный человек, не владеющий магией. В польском переводе Хагрид говорит: “To taki pozamagiczny gość” (‘это такой чувак, далекий от магии’; *gość* — разг. ‘личность, тип, субъект’, а прилагательное *pozamagiczny* — это окказионализм, где *poza-* указывает на положение вовне, за пределами (чего-либо)’. В польском активно эксплуатируются возможности лексики и морфологии, чего нет в русском переводе (русск. «Не путай¹ с магами», англ. “Non-magic folk”).

Последние два примера показывают, что польский переводчик проводит ювелирную работу с лексикой, дополнительно «расцветчивает» реплики. Именно опора на лексические средства, осложняющиеся коммуникативными характеристиками, обуславливает устойчивую полонизацию переводного кинодиалога в польской традиции, что проявляется, в частности, в частом и охотном использовании разного рода идиом, пословиц, поговорок, междометных образований, прочно привязывающих речь героев к польскому культурному контексту.

Так, в фильме «Чарли и шоколадная фабрика» создатели польской версии максимально полонизируют Вилли Вонку, интегрируют его в польскую культуру. Делается это непосредственно выбором структур: так, приглашая гостей продолжить экскурсию по фабрике, он неоднократно говорит: “Rusza wycieczka z Olkusza!” («Экскурсия из Олькуша отправляется»), — ироничная разговорная конструкция со значением ‘Ну что ж, двинулись дальше’, укоренённая на польской почве благодаря упоминанию польского провинциального городка Олькуша. Там где русский Вонка говорит: «↑Самый лучший приз... / это сюрпри-и²з» (англ. “The best prize is surprize!”), польские переводчики дают вариант “Najlepsza dla Janka to niespodziewanka!” («Для Янека нет ничего лучше сюрприза!»), опять-таки с выраженным польским колоритом, обеспечиваемым типичным польским именем Янек. Таким образом Вилли Вонку прочно вписывают в реалии польского быта. В действительности режиссёр фильма Тим Бёртон говорил, что хотел бы избежать «привязки» места действия к определённой стране, а Вилли Вонка — волшебник вполне космополитичного вида. Если бы в русском переводе Вилли Вонка использовал выражения вроде «пре-святые угодники!», «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали» и «куда Макар телят не гонял», его фигура, безусловно, воспринималась бы русскими несколько иначе.

В польском переводном кинодиалоге свободно могут быть использованы, например, такие идиоматические обороты, как “Baba z wozu!”, т.е. «Баба с воза», или “O wilku mowa”, т.е. «лёгко на помине», буквально «О волке речь (а волк навстречь)» (примеры из к/ф «Звёздная пыль», США, 2007), в то время как русские переводчики в аналогичной ситуации находят более нейтральные варианты, не влекущие за собой лексической русификации диалога.

Для польских переводов характерно использование междометий, легко определяющихся как типично польские. Так, польский Вилли Вонка употребляет междометные обороты вроде “O ganu!” («Раны Христовы!»), что формально привязывает его к польской католической культуре. Принц Септимус из «Звёздной пыли» использует ругательство “psiakrew” (букв. ‘собачья кровь’), идущее из глубин польской культуры, вместо, скажем, более универсального и безличного “do diabła” (‘чёрт побери’).

Заметим, что такие примеры обнаруживаются не в альтернативных переводах любителей, но в польских официальных, профессиональных переводах самых популярных голливудских фильмов, прошедших по всем кинотеатрам страны. Что мешает русским переводчикам свободно оперировать аналогичными русскими единицами? У нас этот негласный запрет связан, в частности, с так называемым явлением «остаточной образности». (Поговорка «баба с возу» сопровождается определённой визуализацией, привязывающей её всё же к русским деревенским реалиям; поэтому она не может быть совершенно безболезненно перенесена в средневековую Англию или в сказочное королевство Стормхолд). Но действительные причины лежат глубже и этим не исчерпываются.

Негласные традиции русской школы дублирования предписывают избегать русификации реплик при переводе зарубежных фильмов. При этом актёр, как правило, уходит от коммуникативной русификации как на сознательном, так и на бессознательном уровне — к примеру, крайне сдержанно используя яркие типично русские коммуникативные единицы и комплексы единиц или сужая спектр своих интонационных возможностей. Использование характерных русских пословиц и поговорок или отсылки к типично русским реалиям — словом, всякая русификация на лексическом уровне в переводном кинодиалоге не принята. Это глубоко периферийное явление. Встречаясь изредка, по большей части в непрофессиональных, любительских переводах, оно вызывает недоумение у русского зрителя, приученного к определённой традиции.

Приведём пример из любительского перевода фильма «Сандзуро» (1962) Акиры Куросавы. Япония, XIX в.; чиновник говорит своим приближённым: «Управляющий-то... // не ла¹птем ши хле-⁶

ба⁶ет. Мы недооцени¹ли его». (Ср. в профессиональном переводе: «Камергер не дура²к // Мы недооценили его»).

В японском молодежном сериале «Драгондзакура» (2005) японский учитель аллегорически объясняет школьникам, что такое поступление в престижный университет Тодай:

— В школах предлагают билеты. (...) Билет, что предлагаю вам я, очень дорогой. Тодай — билет первого класса. (...) Вопрос в одном — купите вы его или нет. Если нет, то будете остаток жизни ездить в воронежском трамвае.

В том же сериале один японский подросток поддразнивает другого, говоря: «Юскэ-тян холодный, как айсберг в океане» (последние два примера взяты из русских любительских субтитров).

Ещё пример русского перевода, который воспринимается зрителем скорее как неадекватный, — из диалога между героями американского сериала «Теория Большого взрыва»:

Леонард и Шелдон думают, как поднять шкаф на 4-й этаж без лифта.

Леонард: Есть какие-нибудь идеи⁴? //

Шелдон: Есть парочка, / но чтобы их осуществить, / нужно звать Илью Муромца и Алешу Поповича //.

У русского зрителя эти и подобные примеры закономерно вызывают вопрос: откуда японский школьный учитель и его ученики знают про воронежский трамвай, а американские физики Леонард и Шелдон — про Илью Муромца, и даже не столько — откуда знают, сколько — почему в их сознании эти реалии находятся так «близко к поверхности», что входят в норму повседневного употребления? Предположительно, у польской аудитории, впитавшей другую традицию, аналогичных вопросов не возникает. Заметим, что если подобрать примеры полонизации диалога в польских переводных фильмах не составляет никакого труда, так как в работе польского профессионального переводчика это не случайность, а стратегия, то поиск примеров лексической русификации в переводе — достаточно трудоемкая задача, требующая просмотра огромного количества материала.

Единичные попытки «жёсткой русификации» звуковой дорожки зарубежного фильма на лексическом уровне представляют собой скорее радикальный переводческий эксперимент, выбивающийся из привычного ряда, чем правило. Таким примером может служить один из русских звучащих переводов американского фильма «Кейт и Лео» (*Kate & Leopold*, 2001). Его главная примета — принципиальная установка на сквозную лексическую русификацию диалога, при необходимости — с заменой реалий и т.п. На фоне русских традиционных переводов этот дубляж выглядит очень своеобразно. Пример:

Брат (безработный актёр) упрекает сестру в том, что она пригласила сниматься в рекламе маргарина не его, а какого-то случайного знакомого.

Чарли: Как брат⁶, / я / думаю, / моя сестра могла бы пригласить меня²... / на ка¹стинг // Хотя могу ошибаться // Наивно, / но... хм //

Кейт: ↑ Чарли // Ты не можешь быть лицом маргарина //.

Чарли: Не могу рекламировать масло³? //

Кейт: Я не хотела тебя оби... //

Чарли: Ты оби³дела! // Я актёр², / я не способен рекламировать масло³? //

Кейт: Не²т // Н...

Чарли: Я могу сыграть британца², Кейт, / я актёр², / я... кого хочешь сыграю! //

Кейт: Извини² // Ты очень... / очень хороший актёр // Я ве³рю //.

Чарли: Я сыграю хоть британца, / хоть хохла... // Так, / хохол // Хохол не видел ни разу в жизни-и... / бейсбольный матч // Смотрит его по телеку //.

Кейт: Хорошо² //.

Чарли: Иг²раю // «Мыкола, / шо робят це гарни хлопци? // Я таке зроду не бачив, / лупят горбылями по катышу, / шо це за бава?» // Еврей // «Сара, Сара, беги скорей сюда! // Майк Пьяцца отбил-таки наконец мяч!» // Мало? // Могу показать японца: // «Сикаяма отбила мяч <нрзб> // Какой хоросый целовека! // Твоя сестра думай, я не продам масло? // Она плохой человека! // Сделай ей харакири, Царли! // Пусть поверит, сто ты хоросый актёра! // Систему Станиславского знаес! // Цехова знаес! // Михалькова / знаес!» //⁴.

В оригинале Чарли высмеивал последовательно речь британца викторианской эпохи, затем — неправильную английскую речь индийского слуги-туземца, а затем — канадца. (В польском переводе

⁴ В первоначальном письменном тексте, послужившем основой для дубляжа, вместо пассажа про японца стояло следующее:

— Мало? Могу показать грузина! «Вах, генацвале, отбили мяч, слышай! Что нэ радуешься? Вах, сестра думает, я нэ могу прадат масло, да? Пазор джигиту, кацо. Буду рэзат вэс маргарин свой острый кинжал!»

де объекты издёвки сохранены, а комичные особенности их речи воссозданы условно, за счёт лексико-морфологических средств: так, канадец в изобилии использует уменьшительные суффиксы, а индеец сыплет религиозными оборотами. И то и другое — условность: прямой связи с их локальными вариантами английского не наблюдается).

Как мы видим, перед нами резкая и сознательная русификация переводного диалога, причём приём этот распространяется на весь фильм. Понятно, что реакция русской аудитории будет неоднозначной. В то же время в польской традиции значительно более смелое «присвоение» персонажей, неприметное, само собой разумеющееся помещение их в польский языковой контекст сходит именно за правило.

Ещё одно наблюдение в области сопоставления русской и польской переводческих установок заключается в следующем: можно предположить, что в процессе создания дубляжа иноязычного фильма польские переводчики проходят через стадию «подбора польского речевого типажа» для персонажа. (В работе русских переводчиков эта промежуточная стадия отсутствует.) При первом знакомстве с персонажем выявляется некоторый список существенных для него черт, затем в польском литературном, фольклорном, историческом контексте подыскивается по возможности близкий типаж (более или менее узнаваемый для польской аудитории и обладающий известным набором речевых характеристик), и в дальнейшем речь персонажа строится по образцу найденной для него «матрицы». Поставленный в соответствие иностранному герою местный польский типаж определяет в дальнейшем речевое поведение персонажа, применяемые им тактики и стратегии, свойственные и несвойственные ему речевые ходы и обороты. Этот принцип работы — прямое продолжение тех тенденций в отборе коммуникативных средств, которые побуждают польских переводчиков опираться прежде всего на лексические средства.

Проиллюстрируем это на примере отрицательного персонажа из фильма «Гарри Поттер и тайная комната» — Люция Малфоя. Русский актер, готовясь дублировать Малфоя, принимает во внимание, что это аристократ из старинного рода, с собственными политическими целями и амбициями, который всюду вступает в конфликт с окружающими и излучает негативные эмоции. К этому добавляется информация о том, что герой английского происхождения. Это учитывается далее при отборе языковых средств для роли, так как русский дублёр в этой ситуации чаще всего будет стремиться создать именно героя английской национальности. Это ограничит русского дублёра при выборе интонационных и иных коммуникативных средств. Хладнокровие, ядовитая ирония

под видом рафинированной вежливости хорошо укладываются в нашем представлении в образ английского аристократа в ситуации конфликта. На создание именно такого характера и будут работать русские коммуникативные средства.

Поляки же, размышляя над поставленной задачей (создать образ Малфоя средствами польского языка), очевидно, стараются найти максимально близкий типаж в польском культурном контексте. Малфой в их рассуждении — аристократ, гордящийся своей принадлежностью к высокому роду и «чистой кровью», не упускающий случая пнуть других за их более низкое происхождение, не чуждый политических интриг, со склонностью к шумному поведению и склоке; всюду, куда входит, он учиняет скандал с большим размахом, втягивая в орбиту скандала всех вокруг. Ближайшая ассоциация, которая при этом возникает, — это ассоциация с историческим (и даже в большей степени — литературным) образом польского шляхтича-аристократа XVII—XVIII вв., склонного к ссорам в своём кругу и к скандалам в Сейме. Теперь уже найденный типаж обуславливает дальнейший выбор языковых средств и стратегий: безапелляционность, склонность говорить всем *ты*, охотное использование пейоративной лексики. Благодаря традиции полонизировать в переводе иностранные имена героя называют в фильме пан Люциуш Мальфой, что облегчает интеграцию этого образа в польскую культурную традицию.

В конечном итоге и русский, и польский актёры стремятся приблизить образ Малфоя к своему зрителю, но при этом русский актёр старается приблизить к нашей аудитории образ Малфоя как *английский характер*, при помощи русских средств дать понять, что его герой — это английский аристократ (холодный, ироничный, дистанцирующийся), тогда как польский актёр предлагает своему зрителю узнаваемый образ, корни которого уходят вглубь их собственной культуры.

Таким образом, мы можем говорить о базовых различиях в принципах русской и польской школ дублирования, различиях, которые, как показывает материал, базируются на глубинных расхождениях в устройстве языковых систем. Типологические особенности русского и польского языков обуславливают различия в отборе коммуникативных средств при создании интерпретации переводного фильма, активизацию различных групп этих средств в сходных целях. Эта специфика тесно связана с общими тенденциями в работе русской и польской школ дублирования: при создании образа русские переводчики и актёры озвучивания избегают русификации, в то время как для польских переводов полонизация оказывается нормой, а персонаж иностранного фильма зачастую имеет польский «речевой прототип».

Список литературы

- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М.: Изд-во МГУ, 2002. 752 с.
- Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) / Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М.: Изд-во МГУ, 2005. 338 с.
- Брызгунова Е.А. Русская грамматика. §§ 1—2, 15—171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125—2127, 2223—2230, 2629—2640, 3189—3194. Т. 1, М.: Наука, 1980. 784 с. Т. 2, М., 1982. 712 с.
- Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М.: Издательство Московского университета, 1984. 116 с.
- Коростелёва А.А. О роли коммуникативных средств в формировании двух образов одного персонажа / Слово. Грамматика. Речь. Вып. VI. М.: Изд-во МГУ, 2004. 256 с.
- Коростелёва А.А. Об отборе коммуникативных средств при формировании жанровой принадлежности переводного фильма / Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII. М.: Изд-во МГУ, 2006. 286 с.
- Коростелёва А.А. Проблема эстетической интерпретации образа средствами русского и польского языков (Вилли Вонка в к/ф «Чарли и шоколадная фабрика») / Теория и практика звучащей речи. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского пед. ун-та, 2007. 282 с.
- Коростелёва А.А. О роли средств коммуникативного уровня русского языка в интерпретации переводного фильма («Rain Man» — «Человек дождя») / Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2007. № 6.
- Коростелёва А.А. Об особенностях коммуникативной интерпретации переводного фильма в русском, польском и ирландском языках / Слово. Грамматика. Речь. Вып. X. М.: Изд-во МГУ, 2008. 342 с.

Д.А. Миронова,

аспирант, преподаватель кафедры теории и практики перевода ЧелГУ;
e-mail: daria.mironova28@gmail.com

СПЕЦИФИКА ПРЕДПЕРЕВОДЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ, ОСНОВАННОЙ НА ТРАНСФОРМИРОВАННОМ ПРЕЦЕДЕНТНОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

В данной статье рассматриваются особенности предпереводческого анализа явления языковой игры, основанной на трансформированном прецедентном высказывании. В частности, исследуются ступени декодирования различных типов трансформированных прецедентных высказываний (в рамках горизонтального и вертикального контекстов), а также факторы, влияющие на эффективность передачи данных явлений на язык перевода.

Ключевые слова: предпереводческий анализ, трансформированные прецедентные высказывания (ТПВ), языковая игра, декодирование, вертикальный контекст, горизонтальный контекст, степень переводимости.

Darya A. Mironova,

Graduate Student, Teacher at the Department of Translation Theory and Practice, Chelyabinsk State University, Russia; e-mail: daria.mironova28@gmail.com

The Peculiarities of Pre-Translation Analysis of the Language Play Based on a Transformed Precedent Phrase

The article describes the distinctive features of pre-translation analysis of the language play based on transformed precedent phrases. The research focuses on the stages of decoding various types of transformed precedent phrases (at the levels of both horizontal and vertical contexts) as well as factors that determine the translation efficiency of these phenomena into the target language.

Key words: pre-translation analysis, transformed precedent phrases (TPP), language play, decoding, vertical context, horizontal context, translatability degree.

Дихотомия «норма—аномалия» языка получает особое развитие в свете изучения такого явления, как трансформация прецедентного высказывания¹, и обнаруживает свойства не традиционно принятой противопоставленности, а тесной взаимосвязи. (Поня-

¹ В рамках данного понятия рассматриваются цитаты, фразеологические единицы, названия (произведений, фильмов, песен и т.д.). Под трансформацией понимается намеренное внесение изменений в высказывание в противопоставление его неосознанному, ошибочному использованию. Необходимо также указать на необходимость дифференциации понятий «вариативность» и «трансформация». В рамках первого явления происходит узальное изменение, не влияющее на целостность образа, семантическое содержание оригинала, в то время как высказывание, подвергнувшееся трансформации, есть окказиональное образование, восприятие семантического образа которого отличается от восприятия оригинального высказывания.

тие прецедентности², которое играет ключевую роль в рассмотрении этого вопроса, определяется Ю.Н. Карауловым как «известность, хрестоматийность, востребованность текста как отдельной языковой личностью, так и языковыми группами» [Караулов, 1987, с. 216].) Действительно, с одной стороны, в тенденции обращаться к широко известным языковым конструкциям наблюдается стремление автора повысить экспрессивность текста, в который интерполируется фраза³, продемонстрировать собственную интертекстуальную компетенцию, приобщённость к культурному наследию, эрудированности, апеллировать к определённой аудитории. С другой стороны, этот языковой материал, обладающий культурной значимостью, становится «полем» для проявления творческого потенциала языковой личности, введения оригинального стилистического приема; окказиональная модификация общепринятого инварианта восприятия — это также и в определённой степени «бунтарство», вызов авторитету. Такая причастность одновременно к традиции и к новаторству, таким образом, коррелирует со следующей идеей, выраженной Н.Д. Арутюновой: «В сущности, основные механизмы жизни сводятся к борьбе хаоса и космоса, закона и беззакония, отвечающим деструктивному и конструктивному началам, причём творчество связано как с тем, так и с другим» [Арутюнова, 1999, с. 75—76].

Стремление разрушить стереотип восприятия высказывания с целью привлечь внимание читателя и произвести на него комический эффект приводит к созданию языковой игры, перевод которой отнесется, по мнению В.С. Виноградова, «к области узкоспециальных переводческих вопросов», а её изучение «представляет принципиальный интерес» [Виноградов, 2001, с. 199].

Изучение специфики перевода языковой игры, основанной на трансформированном прецедентном высказывании (далее — ТПВ⁴), требует рассмотрения двух этапов предпереводческого анализа: 1) понимание (дешифровка смысла языковой игры) 2) оценка степени переводимости (изучение факторов, определяющих выбор средств передачи рассматриваемых явлений на ПЯ; этап, непосредственно предшествующий и как следствие выступающий в качестве детерминанты этапа выражения).

² Данный феномен стал объектом пристального внимания ряда российских исследователей, среди которых Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Ю.А. Соколин, А.Е. Супрун и др.

³ В нашем исследовании изучение среды функционирования трансформированного прецедентного высказывания происходило на материале публицистических текстов, точнее — аналитических статей интернет-версий газетных и журнальных изданий.

⁴ Другие используемые сокращения: ПВ — прецедентное высказывание; ПТПВ — переведённое трансформированное прецедентное высказывание; ИЯ — исходный язык; ПЯ — переводной язык (язык перевода).

Необходимо отметить, что факторы, оказывающие влияние на меру эффективности понимания ТПВ, кроме того, формируют степень успешности их перевода, что указывает на исключительную значимость детального предпереводческого анализа рассматриваемых явлений.

Прецедентное высказывание, включённое в созданный автором текст, влечёт за собой активизацию материала, хранящегося в памяти читателя, смену своего статического характера на динамический, связанную с новыми условиями функционирования. Н. Пьеге-Гро указывает на важность активного чтения как неотъемлемого условия реализации авторских намерений использования интертекстуального элемента: «...читатель должен... исполнить ту роль, которой его наделяет текст. Он может стать сообщником рассказчика или автора, а может быть привлечён и в качестве истолкователя, способного разглядеть за иносказанием действительный смысл, понять косвенный способ выражения, когда интертекст используется наподобие маски, которую надо сорвать, или наподобие кода, подлежащего дешифровке» [Пьеге-Гро, 2008, с. 132]. Французская исследовательница выделяет следующие этапы восприятия интертекстуального включения читателем: обнаружение, идентификация, интерпретация. В нашем исследовании проводится анализ этого трёхступенчатого процесса в его новой специфике: в ситуации, когда читатель является переводчиком, не являющимся носителем исходного языка. Ещё более процесс усложняется в результате намеренного трансформирования прецедентного высказывания автором.

Итак, на фазе обнаружения ТПВ значительное влияние на успешность выявления переводчиком факта интерполяции в тело нового текста прецедентной единицы может быть следствием причин как индивидуального, так и объективного свойства. С одной стороны, от переводчика требуется повышенная внимательность и способность выявлять в тексте скрытые указатели на факт дестабилизации привычных моделей. С другой стороны, автор рассчитывает на свойственное носителю языка исходного текста глубокое знание лингвистических фреймов (знание значений фразеологизмов, лексического значения слова, норм языковых стилей, речевого поведения), что зачастую делает процесс восприятия текста переводчиком более «трудозатратным».

На стадиях идентификации и интерпретации декодирование реализуется в результате успешного извлечения из памяти экстралингвистических фреймов. В ситуации, когда эти знания имеют специфически национальный характер, принадлежность переводчика к другой лингкультурологической среде усложняет процесс. Таким образом, от переводчика требуется особый режим чтения,

отличающийся от предполагаемого читателем, являющимся носителем исходного языка, поскольку в большинстве своем влечёт за собой дополнительные усилия для достижения общего когнитивного фона между автором и читателем.

Дешифровка ТПВ осуществляется в двух «плоскостях». Уровень линейного или *горизонтального контекста* может помочь переводчику установить смысл ТПВ, исходя из вторичной ситуации, в отношении которой оно было использовано. Это может происходить как в рамках предложения, абзаца публицистической статьи (узкий контекст), так и с учетом всей ситуации, описанной в тексте, частью которой является ТПВ (широкий контекст). Вторым уровнем анализа является *вертикальный контекст* (термин О.С. Ахмановой, И.В. Гюббенет [Ахманова, Гюббенет, 1977]); данное понятие рассматривается применительно к данному исследованию как апелляция к глубинным лингвистическим и экстралингвистическим знаниям, не выраженным автором эксплицитно в рамках созданного им текста.

Анализ на уровне вертикального контекста состоит из следующих этапов: 1 — установление исходной формы ТПВ, 2 — установление значения исходного ПВ, 3 — определение источника ПВ, 4 — определение коннотаций текста-источника. Не все этапы являются во всех случаях обязательными для определённых типов ТПВ. Так, определение инвариантной структуры является неотъемлемой частью анализа прецедентного высказывания, подвергнутого структурно-семантической трансформации, поскольку именно на основе выявленной начальной формы осуществляется поиск аналогов/эквивалентов в языке перевода на непосредственно переводческом этапе. Однако для семантически трансформированного ПВ в этом этапе нет необходимости, поскольку внешняя форма не подверглась изменениям.

Выявление значения высказывания особенно актуально для фразеологических сращений, однако не всегда обязательно, в частности в случаях, когда языковая конструкция «прозрачна», т.е. её общий смысл равен сумме смыслов её компонентов. Определение претекста, а также установление сопутствующих ему коннотаций не осуществляется в отношении фразеологических единиц, поскольку знание об источнике высказывания стёрлось со временем. Что касается цитат и названий, то необходимость в данных этапах зависит от того, является ли это знание ключевым для понимания ситуации, описываемой в новом тексте. Согласно нашим наблюдениям, используемая в СМИ языковая игра ввиду своей нацеленности на массового читателя в большинстве своём не предполагает актуализацию глубинных коннотаций текста-источника, главное

условие — память изначальной формы и лексического значения конструкции.

Необходимо отметить, что последовательность этапов в процессе анализа может быть изменена. К примеру, в случае с названиями, подвергшимися структурно-семантической трансформации, восстановление начальной формы автоматически влечёт за собой определение названия источника, однако этот факт не всегда осознается реципиентом, что зависит от того, насколько тесной является связь с претекстом.

Финальный этап анализа — соотношение изъятной из вертикального подтекста информации с той, что представлена в линейном контексте, таким образом переводчик приходит к декодированию авторской интенции.

Таким образом, нами была выработана структура поэтапного анализа ТПВ в тексте как на линейном уровне, так и на уровне глубинного анализа.

На следующем этапе осуществляется анализ потенциальной эффективности непосредственно перевода ТПВ. Структурное, семантическое и стилистическое своеобразие данных явлений создаёт «камень преткновения» для переводчиков, вследствие чего укоренилось убеждение в существовании непреодолимых национально-культурных расхождений и непереводаемости подобных явлений. Как отметил А.Д. Швейцер, языковая игра «требует совмещения несовместимого — одновременной передачи “и буквы, и духа” текста» [Швейцер, 1988, с. 107]. Тем не менее речь, безусловно, не идёт о принципиальной невозможности осуществления перевода. В данном отношении мы считаем правомерным говорить, скорее, о различной *степени переводимости*, в основе которой лежат критерии полноты эквивалентности, успешности сокращения лингвокультурологической дистанции между исходным языком и языком перевода и количества потерь (семантического, экспрессивного или прагматического свойства) при переводе.

Одним из ключевых факторов, влияющих на то, насколько полно переведённое трансформированное прецедентное высказывание будет отражать все аспекты содержания оригинала, является тип трансформации, которым подверглось ПВ. В зависимости от того, что является предметом искажения — исходная форма и как следствие содержание ПВ или его значение при сохранении определённой структурной целостности — далее мы рассматриваем следующие два типа трансформаций: структурно-семантические и семантические.

В рамках **структурно-семантического** типа выделяются следующие трансформации:

Субституция: на основе паронимии (ТПВ: *Sex and the Sissy* [The Wall Street Journal]; ПВ: *Sex and the City*; ПТПВ: *Назвалась груздём — полезай в кузов*) [ИноСми]; на основе лексической замены (ТПВ: *Sleepless in Tehran* [The New York Times]; ПВ: *Sleepless in Seattle*; ПТПВ: *Неспящие в Тегеране*) [ИноСми].

Квантитативная замена: усечение состава (ТПВ: *Poland has failed to bury its ghosts* [The Financial Times]; ПВ: *To bury the ghosts of the past*; ПТПВ: Польша никак не похоронит своих мертвецов) [ИноСми]; расширение состава (ТПВ: *9/11 conspiracy theories: The truth is out there... just not on the internet* [The Times]; ПВ: *The truth is out there*; ПТПВ: 11 сентября глазами конспирологов: истина где-то рядом, но в Интернет не выложена) [Инопресса].

Синтаксическая трансформация (ТПВ: *No Break in the Ice* [The Times]; ПВ: *Break the ice*; ПТПВ: *Лёд не тронулся*) [Инопресса].

Перестановка компонентов (ТПВ: *Better never than late seems to be Bush's motto in diplomacy* [The Washington Post]; ПВ: *Better late than ever*; ПТПВ: *Похоже, девиз дипломатии Буша — 'лучше никогда, чем поздно'*) [ИноСми].

Комплексная трансформация (ТПВ: *When It Comes to Pollution, Less (Kids) May Be More* [The Washington Post]; ПВ: *Less is more*; ПТПВ: *Спасите природу — рожайте меньше детей*) [Инопресса].

В большей части указанных примеров ПТПВ имеют калькированный характер, доля применяемых переводческих трансформаций незначительна. Исключение составляют переводы ТПВ, образованных путём комплексной трансформации и субституции на основе паронимии. В первом случае результатом использования целого ряда приёмов трансформации (на основе одного ПВ) становится окказионализм. Переводческая трудность обусловлена необходимостью создания на основе данного индивидуально-авторского образования нового ТПВ на языке перевода с учётом сохранения не только семантического содержания, но и выразительности оригинала, что требует от переводчика привлечения творческого потенциала.

Низкая степень переводимости характерна также для **семантических трансформаций**, среди которых различаем следующие подтипы:

Буквализация значения (ТПВ: *Hitler's Jaws of Death* [The New York Times]; ПТПВ: *Челюсти смерти Гитлера*) [Инопресса] — в статье про скандал относительно хранящегося фрагмента черепа Гитлера ПВ *jaws of death* теряет своё образное значение «тиски смерти», в контексте на первый план выходит буквальное семантическое содержание компонента *jaws*).

Двойная актуализация (ТПВ: *BP's Russian partners pour oil on the flames* [The Guardian]; ПТПВ: *Российские партнёры BP подливают*

масла в огонь [ИноСми] — двойное восприятие достигается за счёт реализации целостного идиоматического значения ПВ и многозначности одного из его компонентов: oil в рамках контекста, касающегося конфликта совладельцев нефтяной компании, понимается также как «нефть»).

Переосмысление значения (ТПВ: *Russia Still Has Georgia On Its Mind* [Investor's Business Daily]; ПТПВ: *Россия по-прежнему думает о Грузии*) [ИноСми] — лексическая единица Georgia в названии песни *Georgia on my mind* изменила своё первоначальное значение «американский штат Джорджия» и приобрела новое: «Грузия»).

Переводческая трудность в указанных примерах обусловлена следующим явлением: происходит разрушение целостности ПВ, в результате выражение воспринимается как сумма значений её компонентов, новые оттенки значения одного из которых начинают актуализироваться в рамках определённого контекста.

Другой критерий оценки степени переводимости — лингвокультурологический фактор. Ниже представлена разработанная нами классификация, отражающая зависимость степени переводимости ТПВ от меры проникновения ПВ в когнитивную базу принимающего языкового коллектива. Когнитивная база рассматривается как «совокупность знаний и представлений всех, говорящих на данном языке» [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева, 1997, с. 82].

Модель А представляет собой ситуацию, в результате которой знания ПВ входят одновременно и в когнитивную базу носителей ИЯ, и ПЯ. В рамках данной модели речь идет о ПВ универсального характера: библеизмы, универсальные ФЕ, названия и цитаты из классических литературных произведений и другие ПВ, имеющие эквиваленты в ПЯ. Например: ИТ: *TNK-BP: something rotten in the state of Russia* [The Times] / ПВ — цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет»: *Something's rotten in the state of Denmark* / ПТ: *'ТНК-ВР': не все в порядке в королевстве русском* [ИноСми]). Степень переводимости ТПВ, образованных от универсальных ПВ, наиболее высока в силу существования ППВ в принимающем культурно-языковом пространстве, что даёт возможность в ходе перевода применять трансформации на основе известных реципиентам ПЯ материала.

Модель В иллюстрирует ситуацию, когда донором ПВ является лингвокультурологический фонд ИЯ, при этом ПВ не являются общеуниверсальными, а обладают национальной окрашенностью. Общность знаний достигается в результате наличия ППВ в ПЯ. В данном случае можно говорить о «соприкосновении» когнитивных баз. В точке соприкосновения — высказывания из национально-прецедентных источников, имеющие перевод на ПЯ. Например: ИТ: *9/11 conspiracy theories: The truth is out there...just not on the internet* [The Times] / ПВ — цитата из американского сериала *X-files*:

The truth is out there / ПТ: *11 сентября глазами конспирологов: истина где-то рядом, но в Интернет не выложена* [ИноСми]. Степень переводимости ТПВ в данном случае, с одной стороны, облегчается наличием материала в ПЯ, на основе которого возможно применение трансформаций, аналогичных тем, что были использованы в ПВ на ИЯ.

Наконец, **Модель С** отображает ситуацию, когда ТПВ образованы от ПВ, которые не имеют эквивалентов на ПЯ, в результате этого непосредственная связь между рассматриваемыми когнитивными базами отсутствует, что обуславливает их отдаленность друг от друга. Описанные условия составляют определенную трудность при переводе и возникают, когда в рамках ИЯ используются трансформации на основе специфично-национальных ПВ, которые либо ещё не имеют устоявшихся эквивалентов, либо те, которые, как правило, не переводятся на ПЯ. Например, названия песен (ИТ: *Who let the bears out?* / ПВ — *Who let the dogs out?* [The Washington Times] / ПТ: *Кто выпустил медведей на свободу?* [Инопресса]). Степень переводимости ПВ в рамках Модели С наиболее низкая.

Необходимо принимать во внимание, что границы обозначенных моделей не являются непреодолимыми, а существование определённых ПВ в рамках одной из них — строго перманентным.

Таким образом, нами было выделено три критерия, определяющих степень эффективности перевода и в последствии выбор принимаемых решений: 1) структурный; 2) интертекстуальный; 3) лингвокультурологический.

Полный анализ возможности эффективной передачи того или иного высказывания на язык перевода возможен только при условии учета всех факторов в их тесной взаимосвязи.

Так, например, проведённое исследование позволяет сделать вывод, что минимальной степенью переводимости обладает ТПВ, которое:

- а) подверглось комплексной трансформации, субституции на основе созвучия или двойной актуализации смысла;
- б) характеризуется тесной взаимосвязью с текстом-источником;
- в) принадлежит к лингвокультурологическому фонду исходного языка, при этом высказывание обладает национальной окрашенностью.

Максимальная степень переводимости характерна для ТПВ, которые:

- 1) подверглись квантитативной, синтаксической трансформации или перестановке компонентов;
- 2) характеризуются относительной независимостью от текста-источника, при этом структура ПВ «прозрачна», его общее значение складывается из суммы значений компонентов;
- 3) имеют общеуниверсальный характер.

Таким образом, выделенные критерии позволяют выработать оценку степени переводимости ТПВ. Это позволит в дальнейшем разработать комплекс переводческих решений по обеспечению максимальной эквивалентности при передаче ТПВ (как с английского на русский, так и с русского на английский язык), систематизированный в зависимости от указанных структурных, интертекстуальных и лингвокультурологических характеристик ТПВ на исходном языке.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопр. языкознания. 1977. № 3. С. 47—54.
- Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
- Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82—103.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
- Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: Пер. с фр. / Общ. ред. и вступ. ст. Костикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
- Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
- Инопресса.Ру.[Электронный ресурс] / Режим доступа: www.inopressa.ru
- ИноСми.ру [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.inosmi.ru>
- Investor's Business Daily [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.investors.com>
- The Financial Times [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.ft.com
- The Guardian [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.guardian.co.uk
- The New York Times [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.nytimes.com
- The Times [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://business.timesonline.co.uk>
- The Wall Street Journal [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://online.wsj.com>
- The Washington Post [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com>
- The Washington Times [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.washingtontimes.com

П.В. Хонькина,

студентка гуманитарного факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь; e-mail: polblr@rambler.ru

ПЕРЕВОД ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В СИСТЕМАХ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Тема данной статьи — перевод идиоматических выражений в системах машинного перевода. Исследована актуальность данной проблемы, рассмотрены существующие методы разрешения проблемы идиоматичности при использовании электронных переводчиков, а также проведён анализ перевода отрывка из текста на немецком языке, осуществлённый в системе семейства PROMT.

Ключевые слова: машинный (автоматический) перевод, идиоматичность, автоматический словарь оборотов, цельность оборота, представление, язык-посредник (интерлингва), универсальный семантический язык, система PROMT.

Polina V. Khonkina,

Student at the Faculty of Humanities, Belarusian State University, Minsk, Belarus; e-mail: polblr@rambler.ru

Translating Idiomatic Expressions in the Machine Translation Systems

The subject-matter of this article is the translation of idiomatic expressions in the machine translation systems. The topicality of the problem is researched, the existing methods of solving the problem of idiomaticity of translations made by means of electronic translators are considered, and the translation of an extract from a German text made in the PROMT system is analyzed.

Key words: machine (automatic) translation, idiomaticity, automatic dictionary of phrases, phrase wholeness, idea, language-mediator (interlingua), universal semantic language, system PROMT

Стремительное развитие информационных технологий в корне изменило отношение к традиционному процессу перевода. С середины семидесятых годов двадцатого века наблюдается устойчивый рост интереса к машинному переводу. Сама же история исследований и разработок в данной сфере насчитывает уже более пятидесяти лет.

Машинный, или автоматический, перевод — это «выполняемое компьютером действие по преобразованию текста на одном естественном языке в текст на другом естественном языке при сохранении эквивалентности содержания, а также результат такого действия» [Зубов, 2007, с. 253]. Осуществление перевода в существующих системах требует вмешательства человека в качестве предредактора, интерредактора или постредактора [там же, с. 254].

Весь процесс автоматического перевода текста делится на множество простейших операций и представляет собой последовательность организованных трансформаций, применяемых к тексту на исходном языке (ИЯ) и превращающих его в текст на перевод-

ном языке (ПЯ), который должен максимально воссоздавать смысл и, как правило, структуру исходного текста, но уже средствами ПЯ [Мамедова, 2006, с. 61].

Как известно, план содержания языка не всегда изоморфен плану его выражения. На всех уровнях языка наблюдается асимметрия между планом содержания и планом выражения. Одной из форм такой асимметрии является идиоматичность [Борисевич, 1972, с. 14]. Под идиомой мы будем понимать присущий только данному языку и неперебиваемый на другие языки устойчивый оборот речи, значение которого не вытекает из суммы значений составляющих его элементов.

Машинный перевод вызывает множество различных проблем, одной из которых является разрешение межъязыковой идиоматичности в процессе автоматической обработки текста.

Согласно М. Таубе, данная проблема возникает ввиду отсутствия взаимно-однозначных соответствий между единицами естественных языков.

Г. Фреге вводит понятие «представление», что является своего рода критерием определения соответствия между смыслом текста на ИЯ и смыслом того же текста, но уже на ПЯ. Согласно его концепции, разница между оригиналом и переводом не должна превышать представление. («...*Можно усматривать три степени различия между выражениями (словами, словосочетаниями и целыми предложениями): различие затрагивает либо только представление, либо смысл, но не денотат (референт), либо, наконец, и смысл, и денотат... Разница между оригиналом не должна, вообще говоря, выходить за пределы первой степени различия*» (Фреге, 1977, с. 187) (курсив мой. — П.Х.)) [Марчук, 1983, с. 42].

Проблема машинного перевода идиом заключается в том, что не всегда удаётся дать точный перевод, руководствуясь обычными правилами. Однако следует принять во внимание, что идиомы должны быть выявлены на начальном этапе во избежание их утери, и обрабатываться они должны как одно слово [Мамедова, 2006, с. 122].

«Разрешение идиоматичности является одной из формальных операций, обеспечивающих анализ и синтез в системах машинного перевода, и производится либо с помощью стандартных грамматических и лексических программ анализа текста, работающих совместно с автоматическим словарем, либо путём прямого сопоставления входного и выходного сегментов. Во втором случае и входной, и выходной сегменты рассматриваются как неделимые обороты. Один или несколько выходных оборотов или словоформ, поставленных в соответствие каждому входному обороту, составляют автоматический словарь оборотов» [Борисевич, 1973, с. 266].

В результате анализа идиоматическим выражениям приписывается определённый цифровой эквивалент, и они исключаются из дальнейшего грамматического анализа.

Согласно исследованиям Борисевича А.Д., составлению алгоритма поиска и переводу оборотов в тексте предшествует «лингвистическое исследование их дистрибуции». Следует выяснить посредством синтаксического анализа, является ли оборот цельным и включает ли он в себя изменяемые формы. «Оборот считается цельным, если он имеет неизменный состав и между его элементами нельзя вставить другие единицы» [там же, с. 275]. Приведём пример из английского языка: *it goes without saying, in hand, to tell the truth, in truth*. Если оборот не является цельным, следует учитывать это при составлении алгоритма. Например, *due to...* может выглядеть как *due mainly to* или *due in part to*. Таким образом, для обработки оборотов, разорванных другими членами предложения, необходимы данные синтаксического анализа [там же, с. 275].

Стремление упростить сам процесс машинного перевода привело в своё время к возникновению идеи об искусственном языке-посреднике (интерлингве), который стал бы своего рода решением таких проблем, как полисемантическая и идиоматичность, затрудняющих и даже порой исключающих перевод без понимания смысла входного текста. Наличие такого языка во много раз сократило бы количество машинных словарей, необходимых для осуществления перевода [Ровенский, 1960, с. 52].

Данная идея в свою очередь привела к возникновению концепции «универсального семантического языка», который являлся бы независимым от ИЯ и ПЯ [Баранов, 2003, с. 171]. Примером реализации этой концепции может послужить универсальный язык UNL (Universal Network Language). UNL — это универсальный семантико-синтаксический язык, представленный для описания, хранения и распространения информации в сети Internet в независимом от какого-либо естественного языка виде [Языкознание.ру, эл. рес.].

На примере отрывка из письма мужа любовнику своей жены, взятого из учебного пособия Н.И. Дзенса «Теория и практика перевода», продемонстрируем работу одной из существующих систем машинного перевода, а именно системы семейства PROMT. В данной системе разработано практически уникальное по полноте морфологическое описание для языков, включенных в систему (английский, немецкий, испанский, итальянский, русский и т.д.). Такое описание содержит 800 типов словоизменений для русского языка, более 300 типов для немецкого и французского языков, более 250 типов для английского языка. «Множество окончаний хранится в виде древесных структур, что обеспечивает не только

эффективный способ хранения, но и эффективный алгоритм морфологического анализа» [Мамедова, 2006, с. 77].

“*Sehr geehrter Herr!*

Ich muss Ihnen heute einmal energisch den Kopf waschen. Ich zerbreche mir schon tagelang den Kopf, und es will mir nicht in den Kopf hinein, warum Sie sich eigentlich in den Kopf gesetzt haben, meiner Frau den Kopf zu verdrehen; ausgerechnet Sie, dem doch schon der Kopf durch die Haare wächst! Ich weiß, meine Frau ist von Kopf bis Fuß auf Liebe eingestellt. Aber Sie können sich auf den Kopf stellen, ich werde es nicht dulden, dass Sie beide die Köpfe zusammenstecken” [Дзенс, 2007, с. 169].

Перевод в нейтральном стиле:

«Глубокоуважаемый Господин!

Сегодня я вынужден с Вами серьезно поговорить. Я целый день ломаю себе голову, но никак не могу понять, почему Вы считаете, что Вы можете вскружить голову моей жене; именно Вы, в Вашем-то возрасте! Я понимаю, моя жена сильно влюбилась. Но Вы можете делать все, что угодно, я не потерплю ваших отношений за моей спиной» (перевод мой. — П.Х.).

Перевод в фамильярном, граничащем с вульгарным, стиле:

«Глубокоуважаемый Господин!

Сегодня я должен Вам основательно промыть мозги. Я уже давно ломаю себе голову, но до меня никак не доходит, с чего вы взяли, что Вы можете пудрить мозги моей жене; именно Вы, которому плешь проела голову! Я понимаю, моя жена втрескалась по уши. Но Вы можете хоть в лепешку разбиться, я не стану терпеть, чтобы Вы крутили роман за моей спиной» (перевод мой. — П.Х.).

Перевод в системе машинного перевода PROMT:

«Глубокоуважаемый господин!

Я должен мыть Вам сегодня однажды энергично голову. Я ломаю себе голову уже целыми днями, и это не хочет войти мне в голову, почему Вы сели, собственно, в голову скручивать голову моей женщины; как раз Вас, который уже голова по волосам растёт! Я знаю, моя жена установлена с головы до ног на любовь. Но Вы можете становиться на голову, я не буду терпеть это, что Вы соединяете обоих головы».

Можно выделить три основных недочёта данного машинного перевода:

1. Идиоматические выражения содержат изменяемые формы и не являются цельными, они разбиты другими членами предложения, поэтому на начальном этапе должен быть проведен синтаксический анализ, чтобы исключить идиомы, однако в системе PROMT это не произошло;

2. В системе отсутствует автоматический словарь оборотов, осуществлён пословный перевод;

3. В интерфейсе программы нет возможности предварительного выбора стиля и сферы перевода.

Таким образом, несмотря на интенсивные исследования в сфере машинного перевода и перспективность данного направления, до сих пор существует ряд проблем и задач, стоящих перед разработчиками программного обеспечения, и одной из основных проблем является перевод идиоматических выражений.

Список литературы

- Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. 2-е изд., испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.
- Борисевич А.Д. Англо-русский автоматический словарь оборотов: (К проблеме идиоматичности при обращении текста в системе «человек—машина—человек»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: (10663) / БГУ им. В.И. Ленина. Минск, 1972. С. 25.
- Дзенс Н.И., Перевышина И.Р., Кошкарлов В.А. Теория и практика перевода. СПб.: Антология, 2007. С. 560.
- Зубов А.В., Зубова И.И. Основы искусственного интеллекта для лингвистов: Учеб. пособие. М.: Университетская книга; Логос, 2007. 320 с.
- Лингвостатистика и автоматический анализ текстов: [Язык машины]. Сб. теорет. статей / М-во высш. и сред. спец. образования БССР. Мин. гос. пед. ин-т иностр. яз. / Отв. ред. А.В. Зубов. Минск: [Мин. пед. ин-т иностр. яз.], 1973. 460 с.
- Мамедова М.Т., Мамедова З.Ю. Машинный перевод. Эволюция и основные аспекты моделирования. Баку: Informasiya texnologiyalari, 2006. 156 с.
- Марчук Ю.Н. Проблемы машинного перевода. М.: Наука, 1983. 234с.
- Ровенский З., Уемов А., Уемова Е. Машина и мысль. М.: Госиздат, 1960. 139с.
- Языкознание.ру. Основные модели языка, базирующиеся на семантике [Электронный ресурс] / Языкознание.ру. Режим доступа: <http://yazykoznanie.ru/content/view/85/274/>

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

В.А. Береснева,

кандидат филологических наук, доцент ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», факультет лингвистики, кафедра романо-германской филологии; e-mail: avis@novo.kirov.ru

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ СИНКРЕТИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ

Излагается авторская точка зрения на сущность лингвистического синкретизма и рассматриваются условия успешности перевода синкретичных языковых форм. Высказывается мысль о том, что только языковое оформление текста перевода, подчинённое актуализованной в речи функции синкретичного языкового знака и сообразованное с возможностями языка перевода, обеспечивает полноценность перевода.

Ключевые слова: синкретичный языковой знак, актуализованная функция, перевод.

Victoria A. Beresneva,

Cand.Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of Romanic and Germanic Philology of the Faculty of Linguistics, Vyatka State University of Humanities, Russia; e-mail: avis@novo.kirov.ru

On the Problem of Translation of Syncretic Language Forms

The article reveals the author's views on linguistic syncretism and considers the factors that determine adequate translation of syncretic language forms. It is suggested that adequateness is possible only in the case of the text of translation being arranged in accordance with the actualized function of the syncretic language sign and only if it corresponds to the rules of the target language.

Key words: syncretic language sign, actualized function, translation.

Известные трудности и ошибки при передаче содержания в переводе вызываются несимметричностью комбинаций денотативных значений и сигнификативных коннотаций языковых форм в разных языках. Весьма показательный в этом отношении пример обнаруживаем в книге С.Д. Кацнельсона «Содержание слова, значение и обозначение»: «В евангельском сравнении *Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное* поражает экстравагантный образ: кому могла взбрести в голову мысль о животном, продергиваемом в иголку? Между тем на языке оригинала мысль была естественной и понятной, так как соответствующее слово обозначало там не только животное, но

и морской канат из верблюжьей шерсти. Буквальный перевод на другие языки исказил и затемнил смысл, несмотря на точное воспроизведение контекстуальных условий» [Кацнельсон, 1965, с. 55]. Здесь же приводятся и другие наблюдения исследователя: о невозможности использования русского слова *лиса* в качестве эквивалента немецкого слова *Fuchs* в значениях «рыжий человек», «студент-первокурсник» и «золотая монета дукат», о невозможности передачи русским словом *поймать* таких значений английского слова *catch*, как «застать, поспеть», «зацепить, задеть», «задерживать», «прерывать, перебивать», о невозможности русского слова *тёплый* подобно французскому слову *chaud* иметь значения «горячий» и «пылкий, вспыльчивый» [там же, с. 54].

Языковое явление, когда языковой знак выступает носителем нескольких функций, обозначается нами как *синкретизм*, а слова *Fuchs*, *catch* и *chaud* — как слова-*синкреты*.

Термин «синкретизм» в лингвистике применяется к неоднородным явлениям, называет разные понятия. Синкретизм часто рассматривают в связи с явлениями переходности, отождествляют его с контаминацией, нейтрализацией, игрой слов, омонимией и т. д. (см. об этом, напр., в: [Береснева, 2008а, с. 4 и след.; Береснева, 2008б]).

Думается, такое разное прочтение лингвистического синкретизма связано с распространенным *очень широким* пониманием синкретизма как некоего соединения, объединения. (Ведь от Плутарха мы знаем, что древнегреческое слово *συ-χρητισμός*, к которому восходит термин «синкретизм», означало «примирение враждующих сторон для борьбы против общего врага» [Дворецкий, 1958, с. 1524], употреблялось для обозначения «союза народностей Крита» [Марузо, 1960, с. 267; ср. также: Robert, 1990: 105; Webster's..., 1993: 2319; Duden..., 1996: 1505].) По-видимому, именно «амбисемия» (термин В.А. Татарина; см.: [Татарин, 1996, с. 168]) общенаучного термина «синкретизм» как его «свойство функционировать в языке с разным объёмом семантики, свойство, которое вызывается рядом экстралингвистических факторов (использование одного термина разными научными школами, разными учёными, в разные периоды развития науки)» [там же] влечёт за собой «эврисемию» [там же, с. 174] термина «синкретизм» в лингвистике как его «способность относиться к неопределённому количеству денотатов» [там же].

В своём толковании лингвистического синкретизма мы опираемся на объяснение синкретизма, данное Плутархом. Посредством ассоциаций в ходе анализа интересующих нас особенностей языковых форм «возбуждаются фоновые знания» [Словарь философских терминов, 2007, с. 40] соответствующего свойства, так что мы

применяем изначально политический термин «синкретизм» к описанию языковых фактов, разумеется, не в буквальном, а в переносном смысле, метафорически.

Поясним сказанное на примере временной формы *презенс* современного немецкого языка.

Грамматическая функция морфемы «презенс» заключается в выражении качества «настоящее, презентное относительно актуального момента, принадлежащее к сфере нашего восприятия». Но хорошо известно также употребление презенса и в сфере прошлого и будущего, который в этом случае функционирует на временном уровне претеритальных (претерит и плюсквамперфект) и футуральных (футур I и футур II) временных форм соответственно.

Простого дублирования одной и той же функции двумя различными формами при этом, однако, не происходит. *Различные* грамматические формы служат для обозначения *различных* форм «переживаний времени», в которых «полагаются “объективно темпоральные” данные» (см.: [Гуссерль, 1994, с. 12]).

Прошлое, к примеру, всегда относится к сфере нашего воспоминания, но воспоминание может осуществляться в разных формах. При помощи претерита мы можем обозначить лишь так называемое воспоминание «в простом подхватывании (*Zugreifen*), когда воспоминание “всплывает”, и мы направляем на вспомненное некоторый луч взгляда, при этом вспомненное смутно <...> и не есть повторяющее воспоминание» [там же, с. 40]. Но благодаря ассоциациям (см. об этом, напр., в: [Словарь философских терминов, 2007, с. 39—40]) мы также можем осуществлять и «действительно вос-производящее (*nacherzeugende*), повторяющее воспоминание, в котором временной предмет снова полностью выстраивается в континууме воспроизведений (*Vergegenwärtigungen*), мы его как бы снова воспринимаем» [см.: Гуссерль, 1994, с. 40]. Выражение такого «прошедшего, но как будто настоящего» находится *вне* компетенции претерита. Презенс же вследствие своего денотативного содержания способен обозначить действительно воспроизводящее, повторяющее воспоминание, ср.: *Auf dieser Balustrade also setzt Charlotte Menzel in einer warmen Juninacht des Jahres 1925 ihren, gelinde gesagt, angetüterten Tischherrn ab* <...> [Wolf, 1983, с. 119]. При воспроизводящем воспоминании происходит «выход за пределы наличной информации и её интерпретация в терминах внутреннего опыта» [Словарь философских терминов, 2007, с. 40].

Функция презенса по выражению настоящего относительно актуального момента события / бытия воплощает первичную объективную информацию. Функция же выражения презентом прошлого (равно как и будущего) обнаруживает интерпретацию вторичной информации, опосредованной первичной информацией, и высту-

пает в качестве так называемой коннотации, понимаемой как смысловое содержание языковой единицы, использующейся во вторичной для неё функции наименования, формируемое ассоциативно-образным представлением об обозначаемой реалии на основе осознания внутренней формы наименования.

В результате употребления презенса в первичной временной сфере функционирования других временных форм происходит *нейтрализация* различных темпоральных дифференциальных признаков в рамках *одной единой* грамматической категориальной *формы* презенса. Нейтрализация же на уровне временной формы приводит, в свою очередь, к объединению в системе языка в общее нерасчленённое целое сигнификативных функций данной временной формы, т.е. к ее *парадигматическому синкретизму*.

В отношении случаев, подобных вышеприведённому примеру, принято говорить как о *синтагматической* нейтрализации (ср., напр.: [Шендельс, 1970, с. 15 и след.; Журавлев, 1990, с. 328]). Такое утверждение, однако, противоречит объективным данным. Ведь сигнификативные коннотации как факт *коллективного языкового сознания* зафиксированы именно в *парадигматическом* содержании форм. В речи же происходят *отбор и актуализация* одной из обусловленных системой языка функций языкового знака.

В связи с контекстной обусловленностью нейтрализации исследователи говорят о «нейтрализации членов оппозиции» [Шендельс, 1970, с. 14], о «совпадении значения различных форм» [Журавлев, 1990, с. 328]. Но допустить мысль о дублировании одной формой функции другой формы, о замещении одной формой в соответствующей сигнификативной функции другой формы равносильно отрицанию основного закона развития языка и мышления, заключающегося в накоплении знаний и получении новых знаний на основе уже имеющихся.

Лингвистический синкретизм может быть, таким образом, обозначен как результат парадигматической нейтрализации, понимаемой как снятие противопоставления содержательных элементов, различных сигнификативных функций в рамках одного языкового знака. *Объединённые* общностью денотативного содержания употребления временной формы выступают в системе языка как общее нерасчленённое целое и как парадигматический функциональный потенциал единой грамматической формы находятся в *оппозитивных* отношениях с функциональным потенциалом других форм противопоставления.

В ходе научно-лингвистического рассмотрения фактов синкретизма в языке мы приходим к выяснению природы и лингвистического статуса синкретизма. Являясь выражением *онтологического* синкретизма, синкретичности мышления — совместной реализа-

ции концептов как итога закономерной деятельности ассоциативного мышления, лингвистический синкретизм носит неслучайный характер, существует как *объективное* языковое явление и как таковое должен быть адекватно передан при переводе.

Первое, чем определяется успешность перевода синкретичного языкового знака, есть установление отобранной и актуализованной контекстом функции этого знака. В процессе анализа лингвистических и экстралингвистических контекстуальных средств переводчику необходимо выяснить, в пользу какой из заключенных в знаке как элементе языковой системы функций происходит «разрешение», т.е. устранение синкретизма. Чтобы не допустить искажения смысла подобного тому, которое было описано С.Д. Кацнельсоном (см. выше), переводчик как языковой посредник должен прежде всего обнаружить, реализуется ли в тексте оригинала функция, отражающая объективные свойства денотата, или же создатель исходного текста использовал знак в одной из его сигнификативных коннотаций.

Очевидно, что именно воспроизведение сигнификативных коннотаций представляет наибольшую трудность в трансязыковом перефразировании. Помимо того, что соответствующую коннотацию в тексте оригинала необходимо распознать, её надо ещё и правильно передать, руководствуясь нормами и правилами переводящего языка.

К некоторым коннотациям применим *буквальный (дословный)* перевод. Так, буквально, а именно настоящим историческим может быть переведён на русский язык исторический презенс в вышеприведённом примере из романа К. Вольфа «Образы детства», ср.: *На эту вот балюстраду Шарлотта Менцель теплой июньской ночью 1925 года усаживает* своего, мягко говоря, захмелевшего кавалера <...> [Вольф, 1989, с. 109].

При этом следует помнить, что, поскольку исторический презенс в немецких текстах распространён шире, чем формы настоящего времени для описания событий прошлого — в русских, переводчик во избежание эффекта неестественности стиля вправе сократить количество употреблений форм настоящего времени, *заменив* их формами прошедшего времени, прибегнув, таким образом, к *трансформационному* переводу (ср.: [Алексеева, 2006, с. 160]).

Иногда *трансформации* являются единственно возможным способом перевода сигнификативных коннотаций.

В немецком языке есть так называемые свернутые (“*Raffsätze*” [Helbig, Buscha, 1987, с. 149]), или идиосинкратические (“*idiosynkratisch*” [Wunderlich, 1970, с. 139]), предложения. К ним относятся формулировки типа *Wie war doch gleich Ihr Name?, Was gab es doch morgen im Theater?* и т.д.

В связи с тем что набор подобных примеров, приводимых разными авторами, довольно ограничен, отмечают клишированный характер таких высказываний, говорят о них как о шаблонных оборотах, застывших выражениях-штампах.

В этих предложениях речь идет о событии/бытии, соотносящемся со сферой настоящего или будущего. Но вместо ожидаемых презенса и футура I здесь употребляется претерит. Несоответствие языковых средств является, однако, лишь кажущимся. Причина употребления претерита в «свернутых» предложениях в том, что в каждом соответствующем случае речь идёт об усилии собственного (потерянного) *воспоминания* (ср. хрестоматийные примеры: *Wie war doch gleich Ihr Name? — Der Herr hatte sich doch schon einmal vorgestellt!; Was gab es doch morgen im Theater? — Morgen sollte es doch laut Anzeige etwas Interessantes geben!*).

Говорящий намерен представить презентное или футуральное событие / бытие как для него уже будто бы состоявшееся. Выполнение такой функции «не под силу» презенсу и футуру I. Претерит же благодаря своему денотативному содержанию способен обозначить новые требуемые концепты.

В отличие от немецкого языка формы прошедшего времени в русском языке не имеют значений настоящего и будущего относительно момента актуального. Поэтому буквальный перевод претерита в немецком тексте *Wie war doch Ihr Name, Herr Natterson? Ah, richtig, natürlich Natterson* [Agricola, 1976, с. 209] формой прошедшего времени в русском языке вызовет у адресата недоумение, ср.: *Как же Вас звали, господин Наттерзон? А, правильно, конечно, Наттерзон.* Чтобы избежать неясности, следует в соответствии с нормой русского языка перевести интересующее нас предложение так: *Как же Вас зовут, господин Наттерзон?* (перевод наш. — В.Б.).

Только языковое оформление текста перевода, *подчинённое* актуализованной в речи функции синкретичного языкового знака (выражение псевдоактуализированного прошлого, состоявшегося в «живой» фантазии говорящего настоящего и будущего и т.п.) и *собразованное* с возможностями языка перевода, приводит к «равноценности регулятивного воздействия» [Латышев, 2000, с. 25] исходного и переводного текстов, обеспечивает полноценность перевода.

В контексте вышесказанного отметим, что лингвистический синкретизм как метод объяснения происходящих в языке процессов парадигматического совмещения двух и более сигнификативных функций одним языковым знаком является также абсолютно естественным и необходимым средством, используемым переводчиком для «восприятия, понимания, анализа» [Алексеева, 2006, с. 50], содержащего синкретичные языковые формы текста оригинала и далее «прогноза перевыражения, самого перевыражения и особенностей формулирования» [там же] соответствующего текста перевода.

Список литературы

- Алексеева И.С. Введение в переводоведение. 2-е изд., стер. СПб., М., 2006.
- Береснева В.А. Синкретизм временных форм современного немецкого языка. Киров, 2008а.
- Береснева В.А. Соотношение синкретизма и нейтрализации в лингвистике (на материале грамматической категории времени современного немецкого языка) // Вестн. Вятского гос. гуманит. ун-та: научный журнал. Киров, 2008б. № 2 (1). С. 91—94.
- Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени: пер. с нем. / Составл., вступ. статья, пер. В.И. Молчанова. М., 1994.
- Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. Т. 2 / Под ред. С.И. Соболевского. М., 1958.
- Журавлев В.К. Нейтрализация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.; Л., 1965.
- Латышев Л.К. Технология перевода. М., 2000.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов: пер. с фр. Н.Д. Андреева / Под. ред. А.А. Реформатского; предисл. В.А. Звегинцева. М., 1960.
- Словарь философских терминов / Науч. ред. В.Г. Кузнецов. М., 2007.
- Татаршинов В.А. Теория терминоведения: В 3 т. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние. М., 1996.
- Шендельс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка). М., 1970.
- Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. und bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. [Red. Bearb.: Matthias Wermke...]. 3., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich, 1996.
- Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Leipzig, 1987.
- Robert P. Le Grand Robert: Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. 2-ème éd. T. IX: Suc — Z. Paris, 1990.
- Webster's third new international dictionary of the English language, unabridged: a Merriam-Webster / editor in chief, Philip Babcock Gove and the Merriam-Webster editorial staff. Vol. III: S to Z. Chicago a.o., 1993.
- Wunderlich D. Tempus und Zeitreferenz im Deutschen // Linguistische Reihe. Bd. 5. München, 1970.

Источники

- Вольф К. Образы детства: пер. с нем. Н. Федоровой / Редколл.: А. Небензя, Н. Литвинцев, И. Млечина и др.; предисл. К. Хёнке и Т. Мотылевой. М., 1989.
- Agricola E. Tagungsbericht oder Kommissar Dabberkows beschwerliche Ermittlungen im Fall Dr. Heinrich Oldenbeck. Roman. 1. Aufl. Rudolstadt, 1976.
- Wolf Ch. Kindheitsmuster. 8. Aufl. Berlin; Weimar, 1983.

Б.Н. Жантурина,

кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков Московского педагогического государственного университета; e-mail: uvaursi@inbox.ru

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СООТНЕСЁННОСТЬ ПО РОДУ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

В настоящей статье рассматриваются вопросы метафорической природы олицетворения по линии «мужской и женский род», а именно местоименные замены имён существительных, обозначающих животных и явления природы. Показана роль этого тропа в композиции рассказов Р. Даля и лирического пейзажа в стихотворении Э. Дикинсон; обсуждаются приёмы перевода грамматического олицетворения на русский язык.

Ключевые слова: род, пол, олицетворение, точка зрения, замены.

Bachyt N. Zhanturina,

Cand.Sc. (Philology), Associate Professor at the Foreign Languages Department, Moscow Pedagogical State University, Russia; e-mail: uvaursi@inbox.ru

Metaphoric reference to gender in translation

Metaphoric reference inherent in personification has been shown here to be loaded with gender “male/female” implications, i.e. with pronouns as substitutes for nouns denoting animals or natural events. Personal pronouns have been traced as markers of composition structure in R. Dahl’s short stories and E. Dickinson’s poem; translation techniques for rendering grammatical personification into Russian have also been discussed.

Key words: gender, sex, personification, the point of view, substitution.

Олицетворение, или персонификация, входит в группу метафорических тропов, в узком смысле — это средство создания словесной образности путём сравнения и приписывания неодушевлённым предметам и явлениям свойств, мыслей и действий, присущих человеку [Кузнец, 1960, с. 17; Скребнев 2000, с. 116; Арнольд, 2009, с. 128]. Более широкое определение включает в сферу олицетворения и животный мир, например [Квятковский, 1966, с. 183], равно как и С.М. Мезенин: «За основу определения олицетворения представляется целесообразным принять “широкую” концепцию: олицетворение — это косвенная метафора, основанная на уподоблении элемента неживой природы или абстрактного понятия живому существу — животному или человеку, — а также на уподоблении животного человеку» [Мезенин, 2002, с. 62]. Олицетворение вырастает из явных аналогий в поведении человека и животных или человека и проявлений неодушевлённых явлений; наделение родом или полом, словом, всё, что в современной науке описывается

через термин *гендер*, сопровождается изменением исходной референции слова. Ср., например, М.А. Кронгауз: «Очевидно, что с точки зрения культуры противопоставление женского и мужского пола у человека важнее половых различий других существ и принципиально отличается от них хотя бы наличием громадного количества культурных ассоциаций, шаблонов поведения и восприятия, связанных с обоими полами» [Кронгауз, 2005 с. 232]. Очевидно, что все определения оставляют за рамками вопрос о сопутствующем олицетворению наделению грамматическим родом или полом и о текстовых границах метафоры-олицетворения.

В английском языке понятие «грамматический род» весьма условно, род применяется как семантическая категория в связи с указанием на естественный биологический пол, что разделяет все живые существа на два гендерных класса. В русском языке семантическая категория отягощена развитой грамматической категорией рода у имён существительных (мужской, женский и средний род), а указание на род объекта приобретает обязательный характер, что и вызывает при переводе обязательную грамматическую трансформацию — замену формы слова и/или лексические замены по типу гипо-гиперонимических отношений. Согласно нормам русского языка, одни животные, растения, птицы оказываются женского рода только потому, что они принимают окончания женского рода, а другие — противопоставлены им по мужскому роду, *кошка, собака, сова, береза*, с одной стороны, и *слон, соловей, дуб, воробей* — с другой стороны. В английском же языке те имена существительные, в которых пол различается, коррелируют с местоимениями *he/she*. Смена морфологических признаков при иных местоименных заменах сопровождает олицетворение, устанавливая метафорическую соотнесённость по роду с другими классами слов.

У одушевлённых существительных указание на пол инкорпорируется в лексическое значение и модифицирует какое-нибудь другое словообразовательное значение, например значение вида или профессии. Половая принадлежность запрещает для них местоименные замены на *it*, но, например, одушевлённое существительное *baby* может коррелировать в тексте с местоимением *it*, как бы освобождаясь от половых различий. Вместе с тем именно это различие модифицирует обобщённое значение гиперонима *baby*, в то время как в гипонимах *girl / boy* значение пола акцентировано, а в их гиперониме значение пола диктально и не специфицировано.

Авторская речь в рассказе Р. Даля «Маточное молочко *Royal Jelly*» целиком построена на местоименных заменах *it, its*; логично предположить, что автор знает пол ребёнка, но намеренно игнорирует даже малейший намек на пол конкретного референта:

*His wife lifted **the baby** back on her shoulder. She rubbed **its** spine. She changed **it** from one shoulder to the other. She lay **it** on its stomach on her lap. She sat **it** up on her knee.* [Dahl, 1984, p. 214].

При переводе гиперониму *baby* (*дитя, ребёнок*) найдены компенсирующие замены на гипоним по женскому роду *девочка* и местоимение *её*, но при этом в тень уходит авторская точка зрения на возможность вскармливания любого, независимо от пола, человеческого детёныша пчелиным маточным молочком:

*Жена снова подняла **девочку** на плечо и стала поглаживать **ее** по спинке. Затем переложила **ее** на другое плечо. Потом положила себе на колени лицом вниз. Потом посадила на одно колено* [Даль, 2000, с. 135].

Но в речи родителей ребёнка обнаруживаем замену на местоимения *she, her* и конкретную референцию именно на этого ребёнка; ведь именно их девочка — объект забот и ожесточённых споров, несмотря на бредовые попытки отца вскормить ребёнка маточным молочком:

*“You’re never satisfied!” he cried. “You’re scared stiff when **she’s** losing and now you’re absolutely terrified because **she’s** gaining! What’s the matter with you, Mabel?”*

*The woman got up from her chair with the baby in her arms and started towards the door. “All I can say is,” she said, “it’s lucky I’m here to see you don’t give **her** any more of it, that’s all I can say.”* [Dahl, 1984, p. 216].

— *Тебе ничем не угодить!* — *вскричал он.* — *Тебя до смерти пугало, когда она худела, а теперь ты перепугалась, что она прибавляет в весе! Да что с тобой, Мейбл?*

Женщина поднялась с кресла с ребёнком на руках и направилась к двери.

— *Могу сказать только одно, — бросила она, — хорошо ещё, что я здесь и слежу за тем, чтобы ты ей больше его не давал, вот что я тебе скажу* [Даль, 2000, с. 138].

Перевод технически не сопряжён с трудностями; местоимение, указывающее на женский пол, просто калькируется местоимениями *она, ей*, но исчезает противопоставление местоимений *it, its — she, her* при текстуальной замене существительного *baby*, а вместе с ним и отличие авторской позиции от точки зрения персонажей в исходном тексте. «Яблоко раздора» между родителями при переводе безоговорочно определено по полу в точке зрения как автора, так и персонажей, что сокращает достаточно длинную дистанцию между точками зрения автора и персонажей в исходном английском тексте.

В фольклорных текстах животные-персонажи попадают в зону олицетворения; такие названия в норме коррелируют с местоимениями *it, its* или же с *he/she*, если известен пол животного [Palmer, 1982, p. 78]. Но именно в сказках местоимение мужского рода часто

используется в таких текстах, как анафорический заместитель имени существительного, если персонаж наделён активным, сильным, мыслящим началом. Силой олицетворения животные уподоблены мужчине, не только человеческие чувства, мысли, действия и речь становятся неотъемлемыми чертами поведения персонажей, но и само гендерное мужское поведение. В.В. Гуревич так комментирует семантические приращения к исходному значению слова в составе грамматического олицетворения: “The pronoun *He* is used for the Sun, the Wind, for the names of animals that act like human beings in the tale (*The Cat Who Walked by Himself*), for strong active phenomena (*Death*) or feelings (*Fear, Love*)” [Гуревич, 2003, с. 29]. Наделение родом приводит к метафорическому переосмыслению исходного значения.

При переводе украинской сказки на английский язык автор-рассказчик излагает события посредством предикатов с исходным агентивным значением; это предикаты физического действия и перемещения, предикаты внутреннего состояния и речи: *went to get a job, worked, took, bought, try on, agreed, to take off, pulled, admired*. Смыслы же, появляющиеся при текстуальном повторе значения агенса и выраженные уже не существительным, а местоимением, *the dog — he, the rabbit — he*, приводят к грамматическому олицетворению по мужскому роду и соотносятся с местоимениями *he/his/himself*, а весь сказочный сюжет построен на морально-этическом конфликте особей одного пола. В исходном же украинском варианте персонажи *собака и заяц* гендерно обозначены по-разному:

Why Dogs Chase Rabbits

*One day **a dog** left **his** home and went into the wide world to get a job. **He** worked long and hard and finally took **his** wages and bought a lovely new pair of boots. On **his** way home **he** met up with a rabbit, who said, “Those are beautiful boots, indeed. May I try them on, please?” **The dog** was so proud of the boots that **he** agreed and **he** sat down to take them off. **The rabbit** sat down next to the dog, pulled the boots and admired **himself**. Suddenly **he** jumped up and ran away. And that is why dogs still chase rabbits. They are trying to get their boots back.*

Перевод С. Тонбери [Thornbury, 2005, p. 29].

В переводном тексте дополнительные смыслы привносятся фактами культурного осмысления прототипов животных и мужчины; в исходном украинском тексте эти смыслы затушёваны.

Олицетворение выступает также как жанровый приём, который проявляется как на уровне отдельного слова, так и композиции всего текста. В качестве иллюстрации приведём исходные английские контексты, в которых изложены точки зрения автора или персонажей.

Точка зрения автора или рассказчика может содержать аналогии между моделями поведения животных и людей; а авторская речь, при этом приписывая предикат целеполагания *to avoid* для описания действий золотой рыбки, раскрывает модель мужского поведения через местоимение *he*: способность совершать целесообразные и осмысленные поступки, отвечающие разумному существу.

There was once a Goldfish who lived in the sea in the days when all fishes lived there. He was perfectly happy and had only one care; and that was to avoid the net that floated about in the water, now here, now there (E. Farjeon. The Goldfish).

Золотая рыбка в русском варианте совершает те же поступки, но как существительное женского склонения не содержит имплицитных смыслов, связанных с прототипом поведения мужчины.

В рассказе Р. Даля «Эдвард-завоеватель» (*Edward the Conqueror*) рассказчик вместе с персонажами балансирует на грани реального и вымышленного миров, читателю же нужна вся сила воображения для осмысления фантазмагорической реинкарнации Ференца Листа в образе кота. Грамматическое олицетворение выступает и как стилистический приём, и как текстообразующий фактор, благодаря которому раскрываются точки зрения рассказчика и персонажей. Первое упоминание о животном дано в форме его родовой принадлежности к семейству кошачьих *the cat кошка*, значение которого в английском языке не маркировано грамматически по гендерной принадлежности; в русском же языке форма *кошка* выражает отнесённость к женскому склонению и грамматическому женскому роду, а форма *кот* — к мужскому роду. В первой части рассказа главный персонаж Луиза не подозревает об особых способностях подобранной кошки. Её речь и авторский текст в повествовании от рассказчика пронизаны местоименными заменами *it, its, itself* для замены артиклевых соединений *a cat, the cat*, что вполне согласуется с особенностями не-выражения рода в английском языке, но обязательного выражения родовой и видовой (Generic and Specific) референции предметных значений. В этой части текста рассказчик разделяет точку зрения своей героини. При повороте сюжета, когда Луиза убеждается в том, что животное понимает музыку и даже различает авторский «почерк» разных композиторов, в её речи существительное *cat* вытеснено местоимениями *he, his, him*; так отмечается олицетворение и отождествление животного с личностью Ф. Листа. В ходе повествования рассказчик же как будто намеренно избегает местоименных замен для этого существительного. Сходным образом прямая речь другого персонажа, мужа Луизы, скептика и в какой-то степени антагониста жены во многих описываемых ситуациях, лишь один раз отмечена местоимением *he* в адрес животного, сближая точку зрения этого персо-

нажа с точкой зрения рассказчика. Именно средства грамматического олицетворения отмечают дистанцию между рассказчиком и двумя персонажами. Русский перевод оперирует гендерным обозначением *кот* с самого начала рассказа, не выделяя как родовых и видовых (указывающих на естественный пол вида¹) артиклевых значений имени существительного исходного текста, так и приёма грамматического олицетворения, реализующего метафору по линии «мужское и женское начало» [Даль, 2000, с. 178—198].

В рассказе Р. Даля «Уильям и Мэри» (*William and Mary*) речь идёт о невероятной хирургической операции, в результате которой мозг умершего профессора философии отделён от тела и функционирует внетелесно, но вполне разумно в особых лабораторных условиях. С точки зрения хирурга, успешно прошедшего операцию, мозг как орган интеллектуальной деятельности вне человека уже не может быть человеком, а тем более мужчиной; отсюда в его речи местоимения *it, its* в качестве слов-заместителей, снимающие различия по линии «одушевлённое/неодушевлённое». С другой стороны, жена умершего, женщина, прожившая более тридцати лет в браке, предлагает иную точку зрения: о мозге своего партнёра, мужа и интеллектуала, она настойчиво говорит как о достойной и вполне адекватной замене умершего, что проявляется в употреблении местоимений *he, him*.

“I can tell you now that everything went pretty smoothly, one way and another. Far better, in fact, than I was entitled to hope. It is not only alive, Mrs Pearl, it is conscious. It recovered consciousness on the second day... And now we’re giving it the newspaper to read every day.”

“Which newspaper?” Mrs Pearl asked sharply.

“The Daily Mirror. The headlines are larger.”

“He hates the Mirror. Give him The Times.”

There was a pause, then the doctor said, “Very well, Mrs Pearl. We’ll give it The Times. We naturally want to do all we can to keep it happy.”

“Him,” she said. “Not it. Him.” [Dahl, 1984, p. 177].

В русском переводе обнаруживаем неуклюжий перебой в употреблении слов-заместителей: в речи хирурга *он* вдруг немотивированно заменяется на *оно*. Акценты в точке зрения жены сохраняются — *он, ему*.

— *Пока могу вам сказать, что всё прошло не так плохо. Откровенно говоря, гораздо лучше, чем я мог предположить. Он не только жив, миссис Перл, он в сознании. Он пришёл в сознание на второй день... Теперь мы каждый день даём ему читать газету.*

¹ В значении *кошка* совмещены и статус рода (семейство кошачьих) и одновременно значение вида женского пола, в значении *кот* статус рода отсутствует. При передаче значений со статусом рода уместны также лексические замены, например *животное*.

— Какую? — резко спросила миссис Перл.
 — «Дейли Миррор». В ней заголовки крупнее.
 — Он терпеть не может «Миррор». Давайте ему «Таймс».
 Наступила пауза, потом врач сказал:
 — Очень хорошо, миссис Перл. Оно будет читать «Таймс». Мы, естественно, хотим сделать всё, что в наших силах, чтобы оно чувствовало себя счастливым.

— Он, — поправила она. — Не оно, а он! [Даль, 2000, с. 38].

В поэтических текстах в поле метафорического варьирования по роду (мужское/женское начало) попадают неодушевлённые небесные тела, как, например, во вставном стихотворении к сказке «Алиса в Зазеркалье» Л. Кэрролла: Солнце и Луна соотносятся с местоимениями *he/she*; конфликт между ними решается по модели, свойственной людям в рамках композиции, предложенной автором:

<i>The Sun was shining on the sea, Shining with all his might; He did his very best to make The billows smooth and bright — And this was odd, because it was The middle of the night. The moon was shining sulkily, Because she thought the sun Had got no business to be there After the day was done — “It’s very rude of him,” she said, To come and spoil the fun.</i>	<i>Сияло солнце в небесах И весело светило Изо всех сил свой лучший блеск На волны наводило: И странность заключалась в том, Что ночью это было. Надувшись на него луна С досадою глядела, Решив, что солнце по ночам Могло б ложиться смело. — Вот наглость, — думала она: Так портить мне всё дело.</i>
--	---

(Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник).

В переводе обезличенная замена по грамматическому роду *Солнце — оно* — компенсируется моделью женского гендерного поведения Луны и местоимением *она*.

Жанр поэтического описания пейзажа предлагает примеры метафоризации неодушевлённых природных явлений; при этом основной композиционный приём состоит в совмещении точек зрения рассказчика и наблюдателя². В стихотворении Эмили Дикинсон “*She Sweeps with Multi-coloured Brooms*” природное явление перцептивно доступно зрительному наблюдению и каузировано условиями актуального восприятия. В тексте стиха доминирует план настоящего времени: *the Present Indefinite Tense sweeps, leaves, plies, fade, fly, come away, the Present Perfect Tense have littered*. Угасающий вечерний свет и растворяющиеся в темноте краски дня описаны как цепь последовательно сменяющихся друг друга событий в перцептивном

поле наблюдателя; действие природной силы олицетворено аналогией с движениями домохозяйки с метлой. На глазах наблюдателя сменяются эффекты освещения в световоздушной среде: цветковые пятна на поверхности неба и пруда меняют форму и цвет, «уничтожаются» действием, аналогичным действию метлы в руках человека.

She sweeps with many-coloured brooms —	Она метёт цветной Метлой —
And leaves the shreds behind -	Но разве это труд!
Oh, Housewife in the Evening West —	Хозяйка Запада, вернись —
Come back, and dust the pond!	И подмети-ка Пруд!
You dropped a purple raveling in —	Ты Пурпур обронила там —
You dropped an amber thread —	Янтарь забыла тут —
And now you’ve littered all the East	И на Востоке тоже твой
With Duds of Emerald!	Остался Изумруд!
And still, she plies her spotted Brooms	Летает пёстрая Метла
And still the Aprons fly,	У Неба на виду —
Till Brooms fade slowly into stars —	Но вот её скрывает мгла —
And then I come away —	И я домой иду.

(Перевод А. Гаврилова [Дикинсон, 2001, с. 114]).

Все образы выстраиваются вокруг центрального глагола *to sweep* *месту*, глагола физического воздействия на объект, расположенный в пространстве; значение также включает в себя «обработку места, удаление с поверхности вещества или массы» [Кустова, 2004, с. 94—106]. Необходимый участник исходного прототипического действия *агенса — человек* перемещает объект (вещества или массы вещества) с одного места на другое и так воздействует на поверхность с помощью инструмента-метлы, что в результате действия удаляются или уничтожаются вещества и массы. Грамматическое олицетворение в местоимениях *she, her* поддержано обращением *Oh, Housewife of the Evening West*; помимо центрального предиката в «наделении лицом» участвуют и другие предикаты, значение которых связано с реализацией семантического потенциала глагола *to sweep*: агентивный предикат перемещения *come back*, предикат физического воздействия *dust*, предикат результата *have littered* и предикат случайного результата *dropped*. С предикатами не происходит никаких семантических изменений: предикат человека остаётся предикатом человека. Природное явление замещает исходный *агенса* при предикатах человека, оно олицетворено силой действия предикатов, выбор которых происходит в рамках точки зрения наблюдателя-рассказчика и придаёт описанию динамическую силу. Местоименные замены по женскому роду совмещают метафорическое представление по линии «одушевлённое/неодушевлённое, средний род/женский род».

² Наблюдатель в то же время выступает как субъект актуального восприятия.

Семантические преобразования исходного значения по типу метафоры формы и цвета происходят в части содержания восприятия; наблюдатель интерпретирует зрительно-доступные данные: изменяющиеся формы цветowych пятен на поверхности неба и пруда. В исходном тексте находим метафоры для перцептивных, актуальных «здесь и сейчас» эффектов восприятия формы и цвета *shreds «клочья, лохмотья разных цветов»*: на поверхности пруда *a purple raveling in хаотичные завитки пурпурной пряжи, an amber thread отдельные янтарные нити*; на востоке — *duds of emerald равные изумрудные проблески на темнеющем небе*. И это метафоры, реализующие семантический потенциал центрального прототипического предиката, лежащего в основе олицетворения *to sweep мести, оставляя мусор*.

В переводном варианте метафоры формы преобразованы в отдельные цветковые термины, но опущены признаки формы, развивающие семантический потенциал исходного образа и важные для актуального восприятия и перцепции, тем самым снижен перцептивный эффект.

Таким образом, местоимение *he* как заместитель имён-названий животных и неодушевлённых предметов в английском языке обеспечивает эффект грамматического олицетворения, игры смыслов при их метафорической соотнесённости по гендеру. На уровне семантики отдельного слова это сопровождается акцентированием значения пола в видовых значениях и оживлением этого же компонента в гиперониме, что и требует лексических замен и подбора местоимений по роду при переводе. Небрежность процедуры приводит к искажению важных композиционных элементов текста, точек зрения автора или персонажей. В поэтическом тексте в условиях компрессии смысла всего текста интеграция олицетворения текстом носит ещё более тесный характер и проявляется на перцептивном уровне.

Список литературы

- Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 9-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009.
- Гуревич В.В. Лекции по стилистике английского языка. Учебно-метод. мат-лы. М.: Новый гуманитар. ун-т Натальи Нестеровой, 2003.
- Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008.
- Даль Р. Рассказы / Пер. с англ. М.: Изд. Захаров, 2000.
- Дикинсон Эмили. Стихотворения: Сб. / Сост. М. Гавриловой. М.: ОАО Изд-во Радуга, 2001. На англ. яз. с параллельным русским текстом.
- Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966.

- Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. уч. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд. центр «Академия», 2005.
- Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М. Стилистика английского языка: Учеб. пособие для вузов. Л.: Гос. учеб.-педагог. изд-во, 1960.
- Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мезенин С.М. Образные средства языка: на материале произведений Шекспира. Учеб. пособие. 2-е изд. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2002.
- Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: Учебник для интов и фак. иностр. яз. 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2000.
- Dahl R. The Best of Roald Dahl. Penguin Books, 1984.
- Palmer F.R. Semantics. A new outline / Предисл. и коммент. М.В. Никитина. М.: Высш. школа, 1982.
- Thornbury S. Beyond the Sentence. Introducing Discourse Analysis. Macmillan Publishers Limited, 2005.

В.М. Лукина,

преподаватель английского языка кафедры английского языка физического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: vera-lempas@rambler.ru

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

(на материале книги «Племянник чародея» / «The Magician's Nephew» / К.С. Льюиса и перевода на русский язык Н.Л. Трауберг)

В статье подробно рассматриваются понятия эквивалентности и адекватности в трактовке К. Райс, Г. Вермеера и А.Д. Швейцера, а также разбираются виды переводческих преобразований на разных уровнях эквивалентности на основе классификации Л.С. Бархударова. Сопоставительный анализ отдельных фрагментов книги «The Magician's Nephew» («Племянник чародея») К.С. Льюиса и её перевода на русский язык, выполненный Н.Л. Трауберг, позволяет оценить целесообразность использования той или иной переводческой трансформации и выявить достоинства и недостатки перевода.

Ключевые слова: эквивалентность, типы и уровни эквивалентности, адекватность, переводческие трансформации, переводческие соответствия.

Vera M. Lukina,

Teacher at the Department of the English Language of the Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vera-lempas@rambler.ru

Addressing the Problem of Translating Linguistic Units of Expressive, Emotional and Aesthetic Value from English into Russian (Based on the Original of *The Magician's Nephew* by C.S. Lewis and the Russian Translation by N. Trauberg)

The article details the concepts of equivalence and adequacy in accordance with the principles laid down by K. Reiss, H. Vermeer and A. Schweizer, as well as examines various kinds of translation transformations at different levels of equivalence employing the classification proposed by L. Barhudarov. The comparative analysis of several extracts from *The Magician's Nephew* by C.S. Lewis and the Russian translation by N.L. Trauberg allows to assess the expediency of using this or that translation transformation and discover the merits and demerits of the translation.

Key words: equivalence, types and levels of equivalence, adequacy, translation transformations, translation equivalents.

Проблема сохранения элементов «нерационального информационного содержания» при переводе имеет непосредственное отношение к семантическим и прагматическим аспектам перевода, в основе которых лежат понятия эквивалентности и адекватности. В данной работе эти категории будут рассмотрены согласно трактовке Катарини Райс и Ганса Вермеера.

По мнению Катарини Райс и Ганса Вермеера, эквивалентность охватывает отношения как между отдельными знаками, так и между целыми текстами, однако эквивалентность текстов вовсе не гаран-

тирует эквивалентности всех его сегментов [Reiss, Vermeer, 1984, с. 52]. Можно выделить следующие характерные черты категории эквивалентности:

- эквивалентность носит оценочно-нормативный характер;
- эквивалентность ориентирована на результат перевода, на соответствие перевода определённым параметрам оригинала;
- эквивалентность любого типа тесно связана с понятием инварианта, иными словами, даже если исходная фраза подвергается какой-либо трансформации, определённый инвариант неизменно сохраняется;
- понятие эквивалентности всегда связано с передачей коммуникативного эффекта исходного текста, который определяется первичной коммуникативной ситуацией [Швейцер, 1988, с. 77].

Эквивалентность достигается путём трансформаций (о них речь пойдёт ниже) на трёх уровнях: синтаксическом, семантическом, который подразделяется на компонентный и референциальный, и прагматическом. Данная иерархическая модель эквивалентности строится с учётом характера используемой трансформации и характера сохраняемого инварианта и основывается на трёх измерениях семиозиса: синтактике (отношение знак—знак), семантике (отношение знак—референт) и прагматике (отношение знак—референт). Прагматический уровень занимает высшее место в иерархии и управляет другими уровнями. Без эквивалентности на прагматическом уровне не может быть достигнута и эквивалентность в целом [Швейцер, 1988, с. 93].

Основываясь на выше описанной модели эквивалентности, А.Д. Швейцер выдвинул гипотезу, согласно которой процесс выбора варианта перевода понимается как постепенное восхождение от низших уровней эквивалентности к высшим. Иными словами, этот процесс представляет собой ряд последовательных трансформаций, в ходе которых переводчик может пожертвовать эквивалентностью на более низком уровне ради эквивалентности на более высоком. Выбор уровня, на котором устанавливается эквивалентность, обуславливается специфическим для конкретной ситуации соотношением языковых и внеязыковых факторов, от которых зависит и сам процесс перевода.

Как упоминалось выше, эквивалентность — это соотношение между первичным и вторичным текстами или их сегментами. В то же время полная эквивалентность, охватывающая как семантический, так и прагматический уровни, а также все виды функциональной эквивалентности, является, по мнению А.Д. Швейцера, «идеализированным конструктом». Тем не менее случаи полной эквивалентности вполне возможны, но встречаются они при относительно простых коммуникативных условиях.

Говоря о категории эквивалентности, нельзя забывать о том, что она тесно связана с категорией адекватности.

Адекватностью называется «соответствие выбора языковых знаков на языке перевода тому измерению исходного текста, которое избирается в качестве основного ориентира процесса перевода. Адекватность — это такое соотношение исходного и конечного текстов, при котором последовательно учитывается цель перевода» [Швейцер, 1988, с. 94].

Категория адекватности имеет следующие характерные черты:

— адекватность, как и эквивалентность, носит оценочно-нормативный характер;

— адекватность ориентирована на реальную переводческую практику, в условиях которой передача коммуникативно-функционального содержания зачастую оказывается невозможной;

— требование адекватности носит оптимальный характер: перевод должен соответствовать факторам вторичной коммуникативной ситуации (установка на другого адресата, другую культуру, иную норму перевода, литературную традицию и т.д.).

Адекватность опирается на то, что переводчик нередко принимает компромиссные решения с целью передачи главного и существенного в исходном тексте (его функциональных доминант). Таким образом, перевод может быть адекватным даже в том случае, если текст перевода эквивалентен тексту оригинала только на одном из семиотических уровней. Приведём пример:

(1) *“Look 'ere, Strawberry”, said the Cabby. This young gen'leman 'as something on his mind that he wants to talk to the Lion about; 'im you call Aslan. Suppose you was to let 'im ride on your back (which 'e'd take it very kindly) and trot 'im over to where the Lion is. And me and the little girl will be following along”* (курсив мой. — В.Л.) (The Magician's Nephew, C.S. Lewis).

«Понимаешь, лошадка, — сказал Фрэнк, — молодой человек хочет со львом поговорить, с вашим этим Асланом. Может, довезёшь его? Будь так добра! А то вон куда ваш лев ушёл. Мы уж с барышней дойдём» (курсив мой. — В.Л.) («Племянник чародея», пер. Н.Л. Трауберг).

Этот фрагмент оригинала и его перевод на русский язык могут считаться эквивалентными друг другу на синтаксическом и прагматическом уровнях. Но не обошлось и без существенных потерь. Так, в переводе утрачивается важный социальный компонент текста: Фрэнк говорит на диалекте лондонских низов (cockney), что не нашло отражения в переводе. Клайв Стейплз Льюис писал для детей, поэтому было бы неоправданным использовать в переводе русскую сниженную лексику и особенности произношения малообразованных групп населения для передачи фонетических и грамматических черт диалекта. Такой выход из положения не мо-

жет считаться удачным ещё и потому, что в этом случае речь Фрэнка приобрела бы оттенок грубости, что несвойственно данному персонажу. Однако переводчице удалось избежать этих подводных камней и найти наилучший, на наш взгляд, способ передачи особенностей оригинала. Н.Л. Трауберг в полной мере компенсировала потерю социального компонента: используя разговорную, но без оттенка сниженности или упрощённости, лексику и в некоторых случаях приём инверсии, Н.Л. Трауберг очень точно воссоздаёт дух оригинала, что и является показателем адекватного перевода.

Говоря о категориях эквивалентности и адекватности, нельзя обойти вниманием те понятия, которые Чарльз Сандерс Пирс определил как «интерпретант» и «репрезентамен». Интерпретантом некоего репрезентамена (т.е. любой формы, выраженной знаком, — не обязательно слова в лингвистическом смысле, но также и слова в лингвистическом смысле, и фразы или даже целого текста) — это, по Пирсу, некая другая репрезентация, отнесённая к тому же самому «объекту». Иными словами, чтобы установить значение того или иного знака, необходимо заменить его неким другим знаком или совокупностью знаков, которая в свою очередь поддаётся истолкованию при помощи другого знака или совокупности знаков, и так до бесконечности. По Пирсу, интерпретантом может быть даже дискурс, который не только является вариантом перевода, но и развивает в качестве выводов все логические возможности, заложенные в знаке. Но интерпретантом может быть ответ поведенческий и эмотивный. К примеру, взрыв смеха можно понять как истолкование остроумной реплики. Тем не менее именно столь широкое понятие интерпретанта говорит о том, что хотя перевод понимается как истолкование, истолкование далеко не всегда является переводом. И для того чтобы переводить, достаточно дать интерпретант термина, высказывания или оригинального текста. По мнению Пирса, интерпретант даёт возможность узнать нечто большее. Более того, интерпретант может сказать переводчику нечто большее, что в отношении текста, подлежащего переводу, будет чем-то меньшим. К примеру, переводчик не переведёт реплику, вызвавшую смех, а отметит лишь, что она вызвала смех, он не предоставит читателю никакой информации о герое произведения.

Итак, подробно рассмотрев характерные черты эквивалентности и адекватности, мы переходим к разбору видов переводческих преобразований на разных уровнях эквивалентности. Л.С. Бархударов, внёсший существенный вклад в разработку классификации переводческих трансформаций, считал, что трансформации — это «те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения пере-

водческой эквивалентности вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов, 1975, с. 190].

Частные случаи переводческих трансформаций будут рассмотрены на материале книги “The Magician’s Nephew” («Племянник чародея») Клайва Стейплза Льюиса, современного классика английской литературы и христианского мыслителя. Перевод произведения на русский язык выполнен знаменитой переводчицей Натальей Леонидовной Трауберг.

I. На синтаксическом уровне происходит замена одних языковых единиц другими с сохранением синтаксического инварианта. Приведём примеры:

(2) *Children have one kind of silliness, as you know, and grown-ups have another kind. At this moment Uncle Andrew was beginning to be silly in a very grown-up way* (выделено и подчёркнуто мной. — В.Л.).

У детей, как вы знаете, одна глупость, у взрослых — другая. Дядя Эндрю был глуп в самом взрослом духе (выделено мной. — В.Л.).

В данном случае перевод практически полностью повторяет порядок слов оригинала. Перевод в целом выполнен адекватно, несмотря на то, что во второй его части были допущены небольшие смысловые неточности. Для передачи конструкции “at this moment...he was beginning to be” Л.Н. Трауберг использовала русский глагол *быть* в прошедшем времени. Вполне возможно, удалось бы достичь большей точности, если бы эта конструкция была передана иносказательно, например: «С этих пор дядя Эндрю начал делать очень взрослые глупости».

(3) *“I see terribly big mountains, Aslan” said Digory. “I see this river coming down cliffs in a waterfall. And beyond the cliff there are high green hills with forests. And beyond those there are higher ranges that look almost black. And then, far, far away, there are big snowy mountains all heaped up together — like pictures of the Alps. And behind those there’s nothing but the sky”* (выделено и подчёркнуто мной. — В.Л.).

«Я вижу очень большие горы, — сказал Дигори. — Я вижу, как река срывается вниз со скалы, а за нею — лесистые склоны, а за ними — совсем высокие горы, покрытые снегом, как Альпы на картинке. А за ними — небо» (выделено мной. — В.Л.).

В оригинале происходит нанизывание параллельных конструкций, что полностью отражено в русском варианте. В то же время здесь происходят более серьёзные потери, чем в первом случае. Одно из предложений (оно подчёркнуто целиком) вообще не было переведено. Вполне возможно, однако, что Н.Л. Трауберг прибегла к этому, чтобы сохранить синтаксический строй оригинала, в то же время не утяжеляя его. Однако это кажется нам не вполне оправданным.

II. К семантическому уровню относится широкий набор грамматических трансформаций (замена слова словосочетанием, пассивизация, номинализация). На данном уровне эквивалентность подразделяется на компонентную и референциальную.

1) для достижения компонентной эквивалентности в переводе сохраняется компонентная структура высказывания, однако в наборе формально-структурных средств, используемых для её выражения, наблюдаются некоторые расхождения. Разберём ряд примеров:

(4) *“Be divine waters”*. — *Потоки, обретите душу!* (выделено мной. — В.Л.);

(5) *And then, far, far away, there are big snowy mountains all heaped up together — like pictures of the Alps*. — «...а за ними — совсем высокие горы, покрытые снегом, как Альпы на картинке» (выделено мной. — В.Л.).

Перед нами типичные случаи полной эквивалентности, достигнутой посредством простейших трансформаций: в обоих случаях использовался приём замены слова словосочетанием. Примеры на пассивизацию и номинализацию отсутствуют, так как использование этих приёмов более характерно для перевода с русского языка на английский.

(6) *“And if the young woman goes on hexciting ’im, there’ll be murder done”*. — «Если дамочка будет ее мучить, она тут всех перебрыкает» (выделено мной. — В.Л.).

Перед нами прекрасный пример того, как приставочный глагол в переводе на русский язык может использоваться для выражения смысла, который в оригинале передаётся свободным словосочетанием. Забегая вперёд, отметим, что, введя этот приставочный глагол, Наталья Леонидовна использовала приём конкретизации, относящийся к частным случаям референциальной эквивалентности. Этот удачный переводческий ход обеспечил полную передачу коммуникативного эффекта оригинала.

(7) а) *“They laughed at my Magic”*. — «Они надо мной потешались!»
б) *“I assure you, there was no intention...”* — «Поверьте, я ни сном ни духом». В первом примере происходит замена лексических средств лексическими, а во втором — налицо замена лексических средств фразеологическими.

Желая найти экспрессивный эквивалент, Наталья Леонидовна прибегла к трансформации, где экспрессивно окрашенная лексическая единица (*потешаться*) может быть приравнена к экспрессивно окрашенной фразеологии.

2) в случае референциальной эквивалентности различные, хотя и соотнесённые друг с другом семантические признаки, используются для порождения семантически эквивалентных высказыва-

ний. На данном подуровне используются более сложные лексико-грамматические трансформации:

- а) трансформации, основанные на метонимических сдвигах;
- б) трансформации, основанные на метафорических сдвигах.

В первом случае элементы смысла оригинала и перевода связывают отношения, основанные на смежности выражаемых ими понятий, а во втором — эти отношения основаны на сходстве.

а) *“And if the young woman goes on hexciting 'im, there'll be murder done”*. — «Если дамочка будет ее мучить, она тут всех перебрыкает». / *“They laughed at my Magic”*. — «Они надо мной потешались!» (выделено мной. — В.Л.).

Возвращаясь к разобранным выше примерам (6, 7), стоит отметить, что здесь мы встречаем трансформации, относящиеся к категории метонимических. В первом примере в основе трансформации лежит ассоциация, построенная на причинно-следственных отношениях, во втором — перенос с объекта действия на субъект действия.

(8) б) *But he was, in any case, as vain as a peacock; that was why he had become a Magician*. — Он был тщеславен, как павлин, потому и стал чародеем (выделено мной. — В.Л.).

Этот случай не представляет сложности, поскольку как в английском, так и в русском языке эти единицы выражают идентичные понятия.

(9) *“H'm, h'm,” said Fledge, speaking with his mouth full*. — «М-м... м-да», — проговорила лошадь, ещё не прожевав как следует (выделено мной. — В.Л.).

По мнению А.Д. Швейцера, антонимический перевод основан на простом логическом правиле, согласно которому «отрицание какого-либо понятия может быть приравнено к утверждению семантически противопоставленного ему противоположного понятия». Здесь мы имеем дело с частным случаем антонимического перевода, который А.Д. Швейцер, ссылаясь на второе значение термина «антоним» (антонимы — слова, противопоставленные друг другу как противоположно направленные действия), называл конверсивным [Швейцер, 1988, с. 140].

(10) *“You have plucked fruit in the garden yonder. You have it in your pocket now”*. — «Ну, что ж, яблоко ты сорвал, оно у тебя в кармане» (выделено мной. — В.Л.).

Использованное здесь преобразование относится к трансформациям гипонимического типа (общее—частное). В данном случае конкретизация необходима для того, чтобы сделать речь персонажей более живой и естественной, поскольку оба собеседника знают, о каком яблоке идёт речь.

III. К прагматическому уровню относятся такие значимые для коммуникации факторы, как коммуникативная интенция, коммуникативный эффект, установка на адресата. Здесь речь пойдёт о трансформациях, не сводимых к единой модели (опущение, добавление, полное перефразирование). Рассмотрим фрагмент связанного текста:

(11) *“I wonder what they'll say now? I have discovered a world where everything is bursting with life and growth. Columbus, now, they talk about Columbus. But what was America to this? The commercial possibilities of this country are unbounded. Bring a few old bits of strab iron here, bury 'em, and up they come as brand new railway engines, battleships, anything you please. They'll cost nothing, and I can sell 'em at full prices in England. I shall be a millionaire. And then the climate! I feel twenty years younger already. I can run it as a health resort. A good sanatorium here might be worth twenty thousand a year. Of course I shall have to let a few people into the secret. The first thing is to get that brute shot”*.

«И что же? Я выше Колумба. Какой там Колумб! Я открыл страну поистине неограниченных возможностей. Привезите сюда всякого лома, и тут, совершенно без затрат, появятся разные машины. Я отправлю их в Англию. Я стану миллионером. А климат? Построим курорт... Один санаторий приносит тысяч двадцать в год... Конечно, придётся кого-нибудь взять в долю, как можно меньше народу. Но первым делом надо избавиться от этого чудуища» (выделено мной. — В.Л.).

О некоторых использованных здесь трансформациях речь шла выше. Есть и такие, которые относятся к другим уровням и типам эквивалентности, но мы их не рассматривали, например: *«to get that brute shot — надо избавиться от этого чудуища»*, *«railway engines, battleships — разные машины»* (выделено мной — В.Л.) — примеры генерализации.

Теперь остановимся на преобразованиях, характерных только для прагматического уровня эквивалентности:

(13) Примеры опущения: *a world where everything is bursting with life and growth; But what was America to this?; commercial possibilities; anything you please; I can sell 'em at full prices; I feel twenty years younger already*. Все перечисленные лексические единицы не нашли отражения в оригинале.

(14) Пример добавления: *Columbus, now, they talk about Columbus*. — Я выше Колумба. Какой там Колумб! (выделено мной. — В.Л.). В переводе появляются дополнительные элементы смысла, которых нет в оригинале.

(14) Примеры перестановки и полного перефразирования: *I have discovered a world where everything is bursting with life and growth. The commercial possibilities of this country are unbounded. Bring a few old bits of strab iron here, bury 'em, and up they come as brand new railway*

engines, battleships, anything you please. — Я открыл страну поистине неограниченных возможностей. Привезите сюда всякого лома, и тут, совершенно без затрат, появятся разные машины (курсив мой. — В.Л.).

Все перечисленные примеры являются свидетельством того, что перед нами яркий пример адекватного, но вольного перевода. Используемые Натальей Леонидовной преобразования избавляют перевод от возможной тяжеловесности, позволяют создать эффект живой разговорной речи. Но в то же время это приводит к значительным смысловым потерям, и читатель не получает полного представления об оригинале.

Всё вышесказанное подтверждает идею Умберто Эко о том, что полной синонимии между лексическими единицами в разных языках не существует (в редких случаях она возможна с определёнными оговорками). Перевод, говорит Умберто Эко, «происходит не между системами, а между текстами. Таким образом, переводить — значит, понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке, построить такую текстуальную систему, которая в известном смысле может оказать на читателя аналогичное воздействие — как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звукоимовическом, — равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремится текст перевода» [Эко, 2006, с. 16].

Список литературы

- Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975.
Гак В.Г., Львин Ю.И. Курс перевода: Французский язык. М.: Междунар. отношения, 1970.
Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Книга, 1975.
Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Изд-во «ЭТС», 2001.
Льюис К.С. Хроники Нарнии / Пер. с англ. Н. Трауберг. М.: Стрекоза, 2008.
Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Междунар. отношения, 1974.
Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Изд-во «АСТ», 2001.
Швейцер А.Д. Теория перевода / Статус, проблемы, аспекты; отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1988.
Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
Эко Умберто. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе; пер. с итал. и прочих Андрея Ковалю. Санкт-Петербург: Symposium, 2006.
Kenny Dorothy. Equivalence. In: Baker, ed. 1998.
Lewis C.S. The Magician's Nephew (The Chronicles of Narnia, Book 1).
Peirce Charles S. 1931—1948 Collected Papers. Cambridge: Harvard U.P.
Reiss, Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen, München, 1971.

Е.К. Павлова,

доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат филологических наук; e-mail: Helen_Pavlova@hotmail.com

ВЛИЯНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННО ОБУСЛОВЛЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ДИСГАРМОНИИ НА ПЕРЕВОДИМОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

В статье рассматриваются трудности перевода политических лексем, вызванные различиями в их денотативных и коннотативных значениях в исходном языке и в языке перевода. Показано, что в глобальном политическом дискурсе эти различия являются следствием когнитивной дисгармонии языковых картин мира в массовом сознании разных цивилизаций. В качестве решения проблемы предлагается денотативно-коннотативная гармонизация политических тезаурусов.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, политический дискурс, переводимость, дисгармония, цивилизация.

Yelena K. Pavlova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Department of the English Language for Faculties of Humanities, the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University; e-mail: Helen_Pavlova@hotmail.com

Influence of the Civilizationally Conditioned Cognitive Disharmony on the Translatability of Political Lexicon

The article deals with the difficulties of translation of political lexemes caused by differences in their denotative and connotative meanings in the initial language and the language of translation. It is shown that these differences are the consequences of the cognitive disharmony of pictures of the world in the collective consciousness of different civilizations. Denotative and connotative harmonization of political thesauri is suggested as a possible solution to the problem.

Key words: cognitive linguistics, political discourse, translatability, disharmony, civilization.

Глобализация экономики, политики и средств коммуникации привела к появлению коммуникативного пространства нового типа: глобального коммуникативного пространства, включающего в сферу коммуникации все страны и народы, все цивилизации Земли. Отличительная особенность такого пространства в том, что оно полицивилизационно, и в нём актуализируется глобальный интерцивизационный дискурс. Однако в современном мире цивилизации разделены не столько географически и экономически, сколько глубокими различиями языков и культур, менталитетов, картин мира в массовом сознании представителей этих цивилизаций. Поэтому для достижения взаимопонимания в интерцивизаци-

онном дискурсе необходимо также преодолеть лингвокультурные барьеры, разделяющие цивилизации, устранить *дисгармонию дискурса*, связанную с этими барьерами. Под *дисгармонией дискурса* мы понимаем неправильную, неоднозначную, неполную передачу информации и неадекватную, нежелательную или непредсказуемую эмоциональную реакцию на неё. Особенно опасна такая дисгармония в публичном политическом дискурсе. Ошибочная или непредсказуемая эмоциональная реакция на информацию способна привести к возникновению и обострению межнациональных, международных, межкультурных конфликтов даже при отсутствии объективного конфликта интересов.

Интерцивилизационный дискурс в глобальном коммуникативном пространстве предполагает перевод сообщений на языки всех участников дискурса. Возникает закономерный вопрос о переводимости сообщений в таком дискурсе, о возможности преодоления дисгармонии в процессе перевода и условиях, при которых такой перевод возможен. Прежде всего отметим, что дисгармония интерцивилизационного дискурса в первую очередь представляет собой *дисгармонию когнитивную*, т.е. такие различия в когнитивных пространствах участников дискурса, которые препятствуют взаимопониманию в дискурсе: отсутствие необходимых понятий, существенные различия в дефинициях понятий, противоположность оценки понятий и эмоциональной реакции на их упоминание. Когнитивная дисгармония может проявляться как в несоответствии денотативного содержания лексем в разных языках (денотативная дисгармония), так и в различиях коннотативного содержания, ассоциативных полей, сопутствующих этим лексемам (коннотативная дисгармония). Важно отметить, что в рассматриваемом нами политическом дискурсе коннотативная дисгармония часто оказывается опаснее денотативной, поскольку она влияет на эмоциональную оценку сообщения, которая определяет реакцию на него.

В качестве примера когнитивной дисгармонии и сопоставим денотативное и коннотативное содержание некоторых единиц политической лексики русского и английского языков: *bureaucracy* (*бюрократия*), *constitution* (*конституция*), *market* (*рынок*), *nationalism* (*национализм*), *ideology* (*идеология*), *repression* (*пенпрессии*), *society* (*общество*), *West* (*Занад*). В качестве примеров выбраны лексемы, номинирующие концепты, являющиеся существенными элементами политических картин мира в современном массовом сознании России и США и широко употребляемые в публичном политическом дискурсе обеих стран.

В качестве основного источника информации о денотативном содержании концептов и их взаимном соответствии возьмём “European Thesaurus on International Relations and Area Studies” [http://

www.ireon-portal.eu/index.php?id=91&L=1]. Этот многоязычный тезаурус, включающий также и русский язык, охватывает более 8200 понятий, большинство из которых представляют собой элементы описания политической картины мира, а соответствующие им номинаты используются в международном политическом дискурсе. Однако этот тезаурус не содержит всех элементов, необходимых для выявления когнитивной дисгармонии. Ассоциативные поля концептов, зафиксированные в этом тезаурусе, узки, эмоционально-оценочные семы не обозначены ни прямо, ни косвенно. Необходимый материал можно найти в тезаурусах и ассоциативных словарях общеупотребительной лексики, таких как «Тезаурус синонимов и связанных с ними слов» (The thesaurus of synonyms and related words), интегрированный в онлайн-версию толкового словаря Макмиллана [http://www.macmillandictionary.com/] или онлайн-версию тезауруса английского языка “WordNet-Online” [http://www.wordnet-online.com/] (в данной работе использован материал этих ресурсов по состоянию на конец 2009 г.). Что касается русского языка, то наиболее близким аналогом толкового словаря Макмиллана, по-видимому, можно считать онлайн-версию «Универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия» (КМ) [http://mega.km.ru/]. Эти источники содержат современные дефиниции понятий, причём их полнота и степень детализации приблизительно одинаковы.

При восприятии адресатом лексемы, номинирующей некий концепт, в сознании адресата, как правило, возникают ассоциации с другими концептами, денотативно, возможно, никак не связанными с основным концептом и даже выходящими за рамки концептосферы политического дискурса. Такие ассоциативные связи определяются социокультурным фоном. Эти дополнительные, «посторонние» ассоциации, как правило, несут в себе эмоциональную окраску, которая может существенно повлиять на эмоционально-оценочное восприятие адресатом как лексемы, так и сообщения в целом. Ассоциативные поля, характерные для массового политического сознания США, зафиксированы в вышеупомянутых тезаурусах Макмиллана и WordNet-Online. Ассоциативные поля, характерные для политической картины мира россиян, можно найти в Русском ассоциативном словаре (РАС) [Караулов и др., 2002].

Сопоставим теперь выбранные концепты. Начнём с концепта *constitution* (*конституция*). Английская и русская его дефиниции представляют почти дословные взаимные переводы, что исключает возможность денотативной дисгармонии: *Set of basic laws or principles for a country that describe the rights and duties of its citizens and the way in which it is governed* [Macmillan]. *Основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан* [КМ].

В то же время ассоциативные ряды в английском и русском языках совершенно различны: *law* (закон), *fundamental law* (основной закон), *organic law* (основной закон), *United States* (США), *checks and balances* (система сдержек и противовесов), *Federation* (федерация), *the Fifth Amendment* (пятая поправка) [WordNet]; *права человека, государство, гражданин, делегация, кодекс о знаменах, Октябрьская революция, плотный, постановили, права, право, революция, советский* [Караулов и др.].

Это, однако, не приводит к коннотативной дисгармонии, оценка и эмоциональная реакция одинаковы: и у британцев, и у американцев, и у россиян это понятие вызывает положительную эмоциональную реакцию.

Перейдём к рассмотрению примеров денотативной дисгармонии концептов. Первый из них — концепт *национализм* (*nationalism*). Толковый словарь Макмиллана определяет национализм как: *The wish for political independence of a group of people with the same language, culture, history etc.; the belief that your nation is better than other nations* [Macmillan]. *Желание политической независимости групп людей с одним и тем же языком, культурой, историей и т.п.; убеждение в том, что своя нация лучше других наций* (перевод мой. — Е.П.).

Денотативное содержание английского концепта в целом нейтрально. Что касается коннотативных значений, то в ассоциативном ряду встречаются и эмоционально положительные коннотации: *patriotism* (*патриотизм*), *a kind of loyalty* (*разновидность лояльности*), *multiculturalism* (*культурное многообразие*), *aspiration* (*стремление*), *dream* (*мечта*), *ambition* (*амбиции*), и эмоционально отрицательные: *Americanism* (*американизм*), *chauvinism* (*шовинизм*), *jingoism* (*урапатриотизм*), *superpatriotism* (*суперпатриотизм*), *ultranationalism* (*ультранационализм*), *ism* (*изм*), и эмоционально нейтральные ассоциации: *internationalism* (*интернационализм*), *doctrine* (*доктрина*), *philosophy* (*философия*), *philosophical system* (*философская система*), *school of thought* (*учение*) [WordNet; Macmillan]. Таким образом, в зависимости от контекста упоминание концепта *nationalism* может вызывать у англоязычной аудитории различную эмоциональную реакцию — и нейтральную, и положительную, и отрицательную.

Денотативное содержание концепта *национализм* в русском языке заметно отличается от содержания концепта *nationalism* в английском языке. «Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия» даёт следующую дефиницию: *Идеология и политика в национальном вопросе, основа которых — трактовка нации как высшей ценности и формы общности. В XIX—XX вв. национализм выступал как мощная объединяющая сила в борьбе за национальное освобождение в Европе, а затем в Африке, Азии и Латинской Америке, сопровождаемый идеей национального превосходства и национальной исключительности; не-*

редко принимает крайние формы (шовинизм), сближается с расизмом и ведёт к острым внутренним или межгосударственным конфликтам [КМ].

Уже в самой дефиниции содержатся негативно окрашенные лексемы: *национальное превосходство, шовинизм, расизм, конфликт*. Соответственно и ассоциативный ряд состоит из понятий, имеющих в массовом политическом сознании России отрицательную эмоциональную окраску: *буржуазный, шовинизм, глубокий, расизм, социализм, фашизм* [Караулов и др.].

В качестве второго примера возьмём концепт *repression* (*репрессии*). Толковый словарь Макмиллана даёт очень короткую дефиницию: *The use of force or violence to control people* [Macmillan]. *Использование силы или насилия для господства над людьми* (перевод мой. — Е.П.).

Уже само денотативное содержание вызывает отрицательную эмоциональную оценку. Приведённый в “WordNet-Online” ассоциативный ряд из трёх единиц — *subjugation* (*подчинение*), *subjection* (*подневольность*); *control* (*господство*) — также отрицательно окрашен.

Дефиниция концепта *репрессии* в «Универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия» также лаконична: *Карательная мера, исходящая от государственных органов*. Заметим, однако, что в ней, в отличие от дефиниции концепта *repression*, содержится важное уточнение: *«исходящая от государственных органов»*. Это уточнение важно и с денотативной, и с коннотативной точки зрения, особенно учитывая конкретно-исторические условия России. Это наглядно демонстрирует ассоциативный ряд: *сталинизм, Сталин, доносить, преследовать, судьбы, лагерь, период, кулак, мученик* [Караулов и др.]. История массовых репрессий от Ивана Грозного до Сталина поднимает значимость этого концепта в политическом сознании России до уровня почти сакрального. Недаром в ассоциативном ряду присутствуют такие (наверное, совершенно неожиданные для иноязычного и инокультурного восприятия) понятия, как *судьба* и *мученик*. Естественно, что эмоциональная реакция российской аудитории на упоминание в политическом дискурсе концепта *репрессии* не просто отрицательная, она гораздо сильнее и глубже реакции англоязычной аудитории на концепт *repression*, она апеллирует к личному, семейному опыту большинства россиян.

Перейдём к третьей группе концептов, эмоциональные оценки которых существенно различны в английском и русском языках политики даже при совпадении или непринципиальном различии дефиниций. Рассмотрим концепт *ideology* (*идеология*). Дефиниции этого концепта в толковом словаре Макмиллана и в «Универсальной энциклопедии Кирилла и Мефодия» различаются принципиально. Вот дефиниция концепта *ideology*: *A system of ideas and principles on which a political or economic theory is based; a set of ideas*

with a strong social influence [Macmillan]. Система идей и принципов, на которых основывается политическая или экономическая теория; совокупность идей, сильно влияющих на общество (перевод мой. — Е.П.).

Концепт *идеология* определяется как система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество [КМ].

Основное денотативное различие в том, что в английской дефиниции на первом месте поставлено теоретически-познавательное значение идеологии, в русском же это значение не упомянуто, но акцентировано общественно-политическое значение идеологии.

Ассоциативный ряд подчёркивает это различие. В английском языке *ideology* ассоциируется со следующими понятиями: *theory* (теория), *culture* (культура), *philosophy* (философия), *doctrine* (доктрина), *dogma* (догма), *ground* (основание), *frame of reference* (точка зрения), *the spirit of the times/age* (дух времени), *ism* (изм). Эти понятия не несут эмоциональной окраски, и оценка концепта *ideology* в целом нейтральная.

Русский ассоциативный словарь даёт всего две ассоциации: *буржуазный, вредный* [Караулов и др.], обе отрицательно окрашены. И эмоциональная оценка самого концепта *идеология* в массовом политическом сознании также отрицательна.

Ещё более резкую коннотативную дисгармонию демонстрирует концепт *society* (общество). Толковый словарь Макмиллана даёт дефиницию, трактующую слово *society* в трёх смыслах: как сообщество людей, как элиту и как клуб или ассоциацию по интересам: *People in general living together in organized communities, with laws and traditions controlling the way that they behave towards one another; the people who live in a particular country or area, or who belong to a particular time; the group of people in a country who are rich and fashionable or are from a high social class; an organization or club for people who have a particular interest or who take part in a particular activity* [Macmillan]. *Люди, в основном живущие вместе в организованном сообществе, с законами и традициями, управляющими их поведением в отношении друг друга; люди, которые живут в определённой стране или области или которые принадлежат к определённому времени; группа людей в стране, которые богаты или стильны или принадлежат к высшему социальному классу; организация или клуб для людей, которые имеют определённый интерес или которые участвуют в определённой деятельности* (перевод мой. — Е.П.).

В качестве ассоциативного поля Интернет-ресурс “WordNet-Online” приводит большой список ассоциаций, охватывающий все три смысла: *social group* (социальная группа), *sector* (сектор), *social organization* (социальная организация), *social structure* (социальная структура), *social system* (социальная система), *structure* (структу-

ра), *civilization* (цивилизация), *culture* (культура), *open society* (открытое общество), *tribal society* (племенное общество), *club* (клуб), *guild* (гильдия), *lodge* (ложка), *order* (орден), *association* (ассоциация), *club member* (член клуба), *athenaeum* (читальный зал), *book club* (книжный клуб), *chapter* (собрание рыцарского ордена), *chess club* (шахматный клуб), *countryside club* (загородный клуб), *fraternity* (братство), *frat* (студенческое братство), *glee club* (клуб любителей пения), *golf club* (гольф-клуб), *hunt* (охота), *hunt club* (охотничий клуб), *investors club* (клуб инвесторов), *jockey club* (жокейский клуб), *sorority* (женский клуб), *turnverein* (гимнастический клуб), *yacht club* (яхт-клуб), *company* (компания), *companionship* (товарищество), *fellowship* (товарищество), *friendship* (дружба), *friendly relationship* (дружеские отношения), *freemasonry* (масонство), *high society* (высшее общество), *beau monde* (бомонд), *smart set* (фешенебельное общество), *bon ton* (сливки общества), *elite* (элита). В основной массе эти ассоциации либо эмоционально нейтральны, либо несут на себе положительные коннотации.

Русский толковый словарь «Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия» даёт более узкую дефиницию концепта *общество*, трактуя следующим образом: *В широком смысле — совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей; в узком смысле — исторически конкретный тип социальной системы, определённая форма социальных отношений (напр., общество, противопоставленное государству, у Гегеля)* [КМ].

Ещё большие различия наблюдаются в ассоциативном ряду. Из 16 ассоциаций: *люди, дураков, высшее, идиотов, людей, светское, трезвости, гнилое, друзей, коллектив, много людей, народ, равных, слепых, социалистическое, стадо* [Караулов и др.] как минимум 4 связаны с понятиями, вызывающими резко отрицательную оценку (*дураки, идиоты, гнилое, стадо*).

На примере приведённых выше концептов политического сознания можно выделить две основные причины как денотативной, так и коннотативной дисгармонии когнитивных пространств, участвующих в интерцивилизационном политическом дискурсе в коммуникативном пространстве, включающем Россию и англоязычный Запад.

Первой причиной являются объективно существующие различия в политических реалиях России и Запада. Несмотря на всё возрастающую интеграцию России в мировую экономику, экономическая и политическая реальность России всё ещё далека от политической реальности Великобритании, США и других англоговорящих стран. Так, расхождения в дефинициях концептов *market* и *рынок* (см. таблицу) объясняется тем, что сама экономика современной России пока не соответствует мировым стандартам рыночной экономики, и то, что понятие *рынок* в русском языке чаще

всего ассоциируется со словом *базар*, тоже не случайно. Ещё ярче это несоответствие проявляется в расхождении оценки концептов *bureaucrasy* и *бюрократия*. В отличие от Запада, где бюрократия — хоть и не всегда приятная в общении, но подчинённая гражданам и обслуживающая их система, в России бюрократия поставила себя над обществом, превратилась для граждан в злую и ненавистную силу. Поэтому в массовом сознании России понятия *бюрократия*, *бюрократ* вызывают массу негативных ассоциаций, вплоть до откровенно бранных вроде: *гад*, *дураки*, *канцелярская крыса*, *козёл*, *поганый*, *подлец*, *проклятый*, *сволочь*, *скотина*, *тупой*, *тупость*, *хам*, *ханыга*, *хапуга*, *чёртов*, *чинуша* (см. таблицу).

Вторая причина дисгармонии заключается в исторически сложившихся лингвокультурных, политических, идеологических стереотипах. Стереотипное сознание проявляется прежде всего в ассоциативном ряду, в тех ассоциациях, которые возникают в сознании сразу, автоматически, без осмысления услышанного или прочитанного. Так, например, единственные две ассоциации к концепту *Запад*, зафиксированные в РАС, представляют собой примеры стереотипной реакции: *дикий* и *загнивающий* (см. таблицу). Первый стереотип «дикий Запад» можно отнести к лингвокультурным стереотипам, второй же «загнивающий Запад» представляет собой типичный пример идеологического стереотипа советского периода. Степень внедрённости этих стереотипов в сознание высока — об этом свидетельствует частота появления соответствующих ассоциаций: 10 для *дикий* и 6 для *загнивающий*. Ещё два примера советских идеологических стереотипов, вызывающих не критическое восприятие концептов и проявляющихся в первых, наиболее часто возникающих ассоциациях, можно видеть в таблице. Так, концепт *идеология* наиболее часто ассоциируется с понятием *буржуазный*, а концепт *власть* чаще всего ассоциируется с языковым штампом «власть советов» и с лозунгом «Вся власть советам!»

Приведённые примеры показывают, что перевод политической лексики требует особого внимания к денотативному и особенно коннотативному содержанию лексем в обоих языках. В противном случае даже при выборе для перевода эквивалентов, рекомендуемых словарями, цивилизационно обусловленная когнитивная дисгармония может привести к существенному искажению смысла сообщения и/или к непредсказуемой или нежелательной оценке информации. Для смягчения дисгармонии дискурса можно порекомендовать использование приёмов, обычно применяемых при переводе труднопереводимой лексики: добавление развёрнутого лингвокультурного комментария, эвфемистические замены, перифраз. Эти приёмы, однако, не могут устранить когнитивной дисгармонии картин мира. Возможно ли преодоление такой дисгармонии?

Таблица

Concept	Definition [Macmillan]	Associations [WordNet; Macmillan]	Концепт	Определение [КМ]	Ассоциации [Каргулов и др.]
Bureaucracy	a complicated and annoying system of rules and processes, the people employed to run government organizations	bureaucratism, government officials, officialdom, civil service, Pentagon	Бюрократия	(букв. — господство канцелярий, от франц. <i>bureau</i> — бюро, канцелярия), первоначально — власть, влияние руководителей и чиновников аппарата правительства; в дальнейшем — обозначение слоя служащих в крупных организациях, возникших в различных сферах общества.	чиновник 10; гад 3; истинный, коммунист, толстый 2; аристократ, Брежнев, бумаги, в кресле, власть, ВЛКСМ, в наручниках, волокитник, враг, вредный, гриб, демократия, дураки они, жирный, закон, система; злостный, из госаппарата, канцелярская крыса, козел, махровый, мошенник, наручники, настоящий, нужный, не у дела, партпарлап, партийный, партком, парткрат, плохо, плохой человек, поганый, подлец, проклятый, сволочь, скотина, совок, СССР, стол, страшный, тупой, тупость, хам, ханыга, хапуга, плохо исполняющий обязанности, чертов, чинуша, чуждый
Ideology	a system of ideas and principles on which a political or economic theory is based; a set of ideas with a strong social influence	theory, culture, philosophy, doctrine, dogma, ground, frame of reference, the spirit of the times/age, ism	Идеология	Система взглядов, идей, характеризующих какую-нибудь социальную группу, класс, политическую партию, общество.	буржуазный 3; вредный 1
Market	the economic system in which prices, salaries, and the supply of goods are controlled by what and how much people buy; a public building or place where people sell goods on tables called stalls	marketplace, activity, commercial enterprise, business, black market; buyer's market; seller's market; labor market; monopoly; industry; stock exchange, stock market; securities market; bear market; bull market; the City; Wall Street, the Street; money market, class, social class; greengrocery; supermarket	Рынок	Сфера товарного обращения, товарооборота; место розничной торговли под открытым небом или в торговых рядах, базар.	базар 22; съига 12; вешевой, толкучка, черный 6; большой, свободный 5; невинности, ценных бумаг 4; блондин, деньги, колхозный, птичий, толпа, Центральный 3; Апрашка, Басманный, горьдской, дешёвый, дорогой, дорогой, на улице, оптовый, потребительский, прилавок, Птичий, Рижский, товары, труда, шмотки, экономический 2

Concept	Definition [Macmillan]	Associations [WordNet; Macmillan]	Концепт	Определение [КМ]	Ассоциации [Караулов и др.]
Nationalism	the wish for political independence of a group of people with the same language, culture, history etc.; the belief that your nation is better than other nations	patriotism, a kind of loyalty, Americanism; chauvinism, jingoism, superpatriotism, ultranationalism; multiculturalism, internationalism; ambition, aspiration, dream; doctrine, philosophy, philosophical system, school of thought, ism	Национализм	идеология и политика в национальном вопросе, основа которых — трактовка нации как высшей ценности и формы общности. В XIX—XX вв. национализм выступал как мощная объединяющая сила в борьбе за национальное освобождение в Европе, а затем в Африке, Азии и Латинской Америке, сопровождаемый идеей национального превосходства и национальной исключительности; нередко принимает крайние формы (шовинизм), ведёт к острым внутренним или межгосударственным конфликтам.	буржуазный 3; шовинизм 2; глубокий, расизм, социализм, фашизм
Repression	the use of force or violence to control people	subjugation, subjection; control	Репрессии	Карательная мера, исходящая от государственных органов.	сталинизм 12; Сталин 2; доносить, пре-следовать, сульба, лагерь, период, кулак, мученик
West	the part of the world that includes Europe and North America		Запад		дикий 10; загнивающий 6; далекий, до-говориться, Европа, занавес, капита-лизм, они, открытый, приехать, совмест-ный, французский

Concept	Definition [Macmillan]	Associations [WordNet; Macmillan]	Концепт	Определение [КМ]	Ассоциации [Караулов и др.]
Society	people in general living together in organized communities, with laws and traditions controlling the way that they behave towards one another; the people who live in a particular country or area, or who belong to a particular time; the group of people in a country who are rich and fashionable or are from a high social class; an organization or club for people who have a particular interest or who take part in a particular activity	social group, sector; social organization, social structure, social system, structure; civilization; culture; open society; tribal society; club, guild, gild, lodge, order; association; club member; athenaeum; bookclub; chapter; chess club; country club; fraternity, frat; glee club; golf club; hunt, hunt club; investors club; jockey club; racket club; rowing club; slate club; sorority; turnverein; yacht club, boat club; service club; company, companionship, fellowship; friendship, friendly relationship; freemasonry; society, high society, beau monde, smart set, bon ton; elite	Общество	в широком смысле — совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей; в узком смысле — исторически конкретный тип социальной системы, определённая форма социальных отношений (напр., общество, противопоставленное государству, у Гегеля).	люди 10; дураков 4; высшее, идиотов, людей, светское, презвосты 3; гнилое, друзей, коллектив, много людей, народ, равных, слепых, социалистическое, ста-до 2
Constitution	set of basic laws or principles for a country that describe the rights and duties of its citizens and the way in which it is governed	law, fundamental law, organic law, United States, checks and balances, Federation, the Fifth Amendment	Конституция	Основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан.	права человека 10; государство, гражда-нин, делегация, кодекс, о знаменах, Октябрьская революция, плотный, по-становили, права, право, революция, со-ветский

В качестве возможного способа преодоления когнитивной дисгармонии может быть предложена взаимная гармонизация национальных концептосфер, зафиксированных в форме тезаурусов. Под *гармонизацией* мы подразумеваем знание и понимание объективных лингвокультурных различий, поиск компромиссов, поиск областей совпадения в системах понятий, расширение этих областей. Методика гармонизации политической лексики, по всей видимости, должна включать в себя следующие стадии:

1. Выявление концептов для первоочередной гармонизации в обоих языках политики.

2. Составление описания концептосфер обоих языков политики в виде тезаурусов, включающих дефиниции основных концептов, а также смысловые и ассоциативные связи между основными концептами.

3. Выявление денотативных и коннотативных значений основных концептов в каждом из языков с учётом ассоциативных связей концептов между собой и с концептами, выходящими за рамки политических концептосфер каждого из языков.

4. Сопоставление концептосфер двух языков политики. Выявление областей совпадения и расхождения концептосфер. Выявление дисгармонии концептов.

5. Выявление лексических единиц, обычно используемых в каждом из языков для номинации выделенных концептов. Оценка денотативного и коннотативного содержания типичных лексических единиц в типичных контекстах.

6. Сопоставление денотативных и коннотативных значений сопоставимых лексем в английском и русском языках, выявление денотативной и коннотативной дисгармонии.

7. Выявление причин дисгармонии. Определение условий преодоления дисгармонии.

8. Выработка рекомендаций по преодолению дисгармонии.

Список литературы

Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь (РАС). М.: ООО Изд-во Астрель; ООО Изд-во АСТ, 2002. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 992 с.

КМ (Универсальная энциклопедия Кирилла и Мефодия) [Электронный ресурс]: <http://mega.km.ru/>

European Thesaurus on International Relations and Area Studies [Электронный ресурс]: <http://www.ireon-portal.eu/index.php?id=91&L=1>

Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]: <http://www.macmillandictionary.com/>

WordNet-Online [Электронный ресурс]: <http://www.wordnet-online.com/>

№ Стр.

Общая теория перевода

<i>Бойко Б.Л.</i> Проблемы непереводимости (на материале военных текстов) . . .	1	3
<i>Бойко Б.Л.</i> Теория и практика военной лексикографии (на материале военных немецко-русских словарей 1931—1945 гг.)	2	4
<i>Власенко С.В.</i> Референция и референциальность в межязыковом переводе	4	3
<i>Гарбовский Н.К., Мишуров Э.Н.</i> Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты)	2	16
<i>Горшкова В.Е.</i> Перевод кинодиалога в свете концепции Жиля Делёза . . .	1	16
<i>Прокопичев Г.И.</i> Концептуальная информация и интерпретация поэтического текста	4	29

История перевода и переводческих учений

<i>Шабига И.Ю.</i> Трактат Леонардо Бруни «О правильном переводе»	1	27
<i>Шаталов Д.Г.</i> По образу и подобию: осмысление перевода религиозных текстов в России XVI—XVII вв.	4	38

История перевода

<i>Галл В.</i> Из записок парламентаря	2	42
<i>Garderes Ramuntxo.</i> Historique des “Interprètes Militaires” français	2	54
<i>Гардер Рамунчо.</i> История военных переводчиков во Франции	2	55
<i>Матасов Р.А.</i> Синхронные переводчики на Нюрнбергском процессе: Humani nihil a me alienum puto	2	74
<i>Рахманкулова И.-Э. С.</i> Дорога на фронт	2	86
<i>Суходрев В.М.</i> Язык мой — друг мой (из воспоминаний переводчика)	2	100
<i>Торсуков Е.Г.</i> Альма-матер военных переводчиков	2	112
<i>Цвиллинг М.Я.</i> Как я выучил немецкий язык	2	127

Методология перевода

<i>Богатикова Ю.А.</i> «Биография Лондона» П. Акройда: Выбор стратегии перевода диалекта кокни	1	66
<i>Гасек Б.Г.</i> Специфика лексико-семантической интерференции при переводе на родной язык (на материале русского и польского языков)	1	75
<i>Жантурина Б.Н.</i> Цветовые термины при переводе	1	85
<i>Коростелёва А.А.</i> О различных тенденциях в русской и польской переводческой практике (на материале перевода зарубежных фильмов) . .	4	48
<i>Малинина Р.А.</i> Опыт перевода лексических единиц широкой семантики (на материале немецкого и русского языков)	1	95
<i>Миронова Д.А.</i> Специфика предпереводческого анализа языковой игры, основанной на трансформированном прецедентном высказывании . .	4	59
<i>Палажченко М.Ю.</i> О некоторых способах и особенностях перевода поллиткорректной лексики	1	103
<i>Хонькина П.В.</i> Перевод идиоматических выражений в системах машинного перевода	4	68

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

<i>Береснева В.А.</i> К вопросу о переводе синкретичных языковых форм	4	73
---	---	----

Жантурина Б.Н. Метафорическая соотнесенность по роду при переводе	4	80
Лукина В.М. К проблеме сохранения экспрессивно-эмоциональной нагрузки и эстетической ценности при переводе с английского языка на русский (на материале книги «Племянник чародея» [«The Magician's Nephew»] К.С. Льюиса и перевода на русский язык Н.Л. Трауберг).	4	90
Павлова Е.К. Влияние цивилизационно обусловленной когнитивной дисгармонии на переводимость политической лексики	4	99
Перевод и лингвистика		
Кожанова Е.А. Экстралингвистические факторы процесса метафоризации (на материале английских метафор-неологизмов).	1	114
Манерко Л.А. Английская научная речь: этапы формирования	1	122
Немонежная В.Ю. Иноязычные вкрапления и стиль произведения (на материале исторического романа А. Конан Дойля «Белый отряд»)	1	139
Теория художественного перевода		
Гарбовский Н.К. Перевод как художественное творчество	3	4
Мишкурлов Э.Н. О метатрансляционных аспектах художественного перевода.	3	17
Раздобудько-Чович Л.И., Чович Б. О интеръязыковом и интерсемиотическом переводах как предпосылках для интермедиальных реализаций пьесы: от объекта словесно-эстетического к сценическому и к кинематографическому искусствам (на материале пьесы «Дядя Ваня» А.П. Чехова и ее перевода на сербский язык)	3	27
Теория переводческой критики		
Костикова О.И. Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность».	3	41
Миронова Н.Н. К истории художественной критики: «Der Kirschgarten» — «Вишнёвый сад» А.П. Чехова в Германии	3	55
А.П. Чехов в национальных культурах		
Асоскова Н.Г. Особенности перевода коротких рассказов Чехова на французский язык	3	62
Гуревич Т.М. Чехов в Японии: от образа к слову	3	68
Додонова Н.Э. Перевод А.П.Чехова: универсальное и национальное.	3	78
Назаренко Л.Ю. Драмы А.П. Чехова в чешских переводах: история и современность.	3	89
Шен Хайтао, Башкеева В.В. «Медведь» А.П. Чехова в переводе на китайский язык: трансформация характера героя в свете особенностей перевода	3	95
Цзяньхуа Чжан. А.П. Чехов глазами китайских переводчиков и критиков	3	102
Вопросы терминологии		
Алексеева М.О. Изучение терминологии православия как один из аспектов подготовки иностранных студентов-переводчиков (теоретические предпосылки)	1	144
Хроника научной жизни		
Глобальное управление и межкультурный диалог	1	156
II Международная научно-практическая конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода»	3	120
Языки и культуры в современном мире		
III Международная летняя языковая школа в Греции.	3	124

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10—15 стр.;
- поля 2,54 × 3, 17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текстовый редактор.

Требования к статье:

- необходимо предоставить 2 рецензии;
- текст отправляется по электронной почте на адрес vestnik22@mail.ru или приносится лично в комнату № 1150 первого гуманитарного корпуса МГУ (на диске в формате RTF);
- *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо сохранить отдельными файлами и распечатать на отдельных листах;
- необходима *аннотация* (3—5 предложений) на русском и английском языках;
- наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;
- *примечания* в виде подстраничных сносок;
- *список литературы* сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов. В тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [Ibid., p. 123] для иноязычных источников;
- *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу: 119899, Москва, Ленинские горы, МГУ, ГСП-2, 1 учебный корпус ГФ, факультет «Высшая школа перевода», комн. 1150. Тел.: 8-495-939-33-48. Адрес электронной почты: vestnik22@mail.ru

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)

ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГАРБОВСКИЙ Н.К., главный редактор,
ДИАНОВА Г.А., зам. главного редактора,
КОСТИКОВА О.И., зам. главного редактора,
МОЗГОВАЯ Л.А., ответственный секретарь,
БЕЛЬСКИЙ Е.В., **ВИССОН ЛИНН (США)**, **ЕСАКОВА М.Н.**,
ЗАБРОВСКИЙ А.П., **КОЛЬЦОВА Ю.Н.**, **МАТАСОВ Р.А.**,
МИШКУРОВ Э.Н., **РЕЗНИЧЕНКО О.Л.**, **ТОРСУКОВ Е.Г.**,
ШАБАГА И.Ю.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Редактор *М.Л. Балашова*
Технический редактор *З.С. Кондрашова*
Корректор *А.Я. Марьясис*

ISSN 0201-7385. ISSN 2074-6636.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2010. № 1. 1—112.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

*125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Тел. 697-31-28*

Подписано в печать 00.00.2010. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1.
Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 0,0.
Уч.-изд. л. 7,21. Тираж 000 экз. Заказ № . Изд. № 9016.

Ордена “Знак Почета” Издательство Московского университета.
125009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография МГУ.
119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

ISSN 0201-7385
ISSN 2074-6636